

International United Academy of Sciences

Global science. Development and novelty

Collection of scientific papers

**on materials
X International Scientific Conference**

25.12.2019 г.

Part 2

Munich 2019

Global science. Development and novelty. Collection of scientific papers, on materials of the X International scientific-practical conference 25.12.2019 Ed. SPC "LJournal", 2019. - 92 p.

Global science. Development and novelty. Сборник научных трудов по материалам X международной научно-практической конференции. 25.12.2019 Изд.. НИЦ "Л-Журнал", 2019. - 92 с.

SPLN 001-000001-0563-GS
DOI 10.18411/gdsn-25-12-2019-p2
IDSP scienceconf-gdsn-25-12-2019-p2

The collection of scientific papers of the materials collected from different areas of scientific knowledge. This publication contains all the materials that were sent to the X International scientific conference "**Global science. Development and novelty**"

The collection is intended for researchers, teachers and students

All materials contained in the book, published in the author's version. The editors do not make adjustments in scientific articles. Responsibility for the information published in the materials on display, are the authors.

Information about the published articles will be transferred in the Russian Science Citation Index (RISC)

The electronic version of the collection is available online scientific publishing center «L-Journal." Site center: science-conf.com

UDC 001.1
LBC 60

Содержание

РАЗДЕЛ V. ЭКОНОМИКА	5
Булатецкая А.Ю. Современные модели анализа и оценки эффективности результатов деятельности компаний	5
Колесников С.В., Клишевич Н.Б. Концепция совершенствования учетно-аналитического обеспечения в целях мониторинга задолженности предприятия алюминиевой промышленности	10
Писаренко К.В. Многоуровневые концессионные механизмы финансирования долгосрочных проектов развития регионов	18
Israilova E., Panasenkov V. The place of the Russian Federation in the world economy	23
РАЗДЕЛ VI. ПЕДАГОГИКА	25
Панфилова А.П., Сычёва С.М. Педагогические риски и перспективы интерактивного взаимодействия в образовательном процессе	25
Пузырева О.Г. Авторский учебно-беллетристический текст для иностранной аудитории на уровне владения русским языком В1-С1 в аспекте применения художественно-педагогических технологий	31
Хотулёва О.В., Ющенко Ю.А., Шпак Е.И. Проектная деятельность учащихся 9-х классов как форма итоговой аттестации	49
РАЗДЕЛ VII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	50
Абшилава Г.В. Современные проблемы уголовно-процессуального принуждения в фокусе сравнительного правоведения.....	50
РАЗДЕЛ VIII. ПОЛИТОЛОГИЯ	55
Dekhkanov N.B. Formation of public authority – strategic base of providing the stable development of the society.....	55
РАЗДЕЛ IX. ИСТОРИЯ	58
Mammadova J.V. The Fourth Crusade, deviated from its goal	58
Sidorova T.A. The German Historical School in the British Historiography of the Critical Trend. The End of the XIX-th – the First Half of the XX-th Centuries.....	61
РАЗДЕЛ X. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	65
Ивинских Г.П. Трансформации театра в переходные эпохи России, на рубежах XIX – XX и XX – XXI веков.....	65
РАЗДЕЛ XI. ФИЛОЛОГИЯ	69
Поленова Г.Т. Немецкое <i>Es</i> в свете проблемы субъекта (на материале художественного произведения)	69

РАЗДЕЛ XII. ФИЛОСОФИЯ	79
Дронов А.И. Конструирование экосистем на Земле и в космосе	79
Зайцев Д.Ф., Алексеева В.Ю. Практика и теория - формы деятельного отношения человека к миру	85

РАЗДЕЛ V. ЭКОНОМИКА

Булатецкая А.Ю.

Современные модели анализа и оценки эффективности результатов деятельности компаний

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Пермь)*

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-24

ids: scienceconf-25-12-2019-24

Аннотация

Проблема, связанная с формированием показателей оценки эффективности бизнес-структур, на сегодняшний день является предметом пристального изучения. Несмотря на широко ведущиеся дискуссии, до сих пор не существует единой методологической основы анализа и оценки эффективности деятельности компаний. В статье дана характеристика основных моделей анализа и оценки эффективности бизнеса: модели пирамиды эффективности К. Мак-Найра, Р. Линча и К. Кросса; модели сбалансированной системы показателей Р. Каплана и Д. Нортон; модели стратегических карт Л. Мейселя; модели эффективности деятельности и роста К. Адамса и П. Робертсона; модели призмы эффективности Э. Нили, К. Адамса и М. Кеннерли; универсальной модели показателей деятельности Х. Рамперсада; модели организационной эффективности Д. Хэнна. Диагностика и измерение в организации необходимы менеджерам для повышения эффективности управленческих воздействий.

Ключевые слова: эффективность, управление эффективностью, система сбалансированных показателей, модель оценки эффективности компаний, показатели эффективности.

Вопросы измерения социально-экономических явлений и процессов представляют интерес как с научной, так и практической точки зрения. Самым распространенным мотивом измерения экономических характеристик на уровне компании является стремление повысить эффективность деятельности данной компании [1]. Особенность экономических измерений заключается в наличии большого числа разнородных данных - ресурсов, экспертных оценок, результатов деятельности, в необходимости учета сложных причинно-следственных связей объектов измерения, в существовании латентных характеристик, которые непосредственно неизмеримы [2]. Если в естественных науках проблема точности измерения связывается, прежде всего, с самим процессом измерений, то в области экономических измерений проблема точности связана с определением понятия экономической величины, формированием системы принципов ее измерения, обоснованием системы индикаторов, разработкой правил агрегирования. В условиях конкуренции и постоянно меняющейся внешней среды деятельности компаний определяющими факторами успеха являются развитие и управление эффективностью бизнеса. Привычный способ оценки эффективности деятельности компаний, основанный только на анализе динамики финансовых показателей, в современных условиях не позволяет быстро реагировать на изменяющуюся рыночную ситуацию, поэтому необходима методология, позволяющая переводить стратегические цели компании в четкий план оперативной деятельности подразделений и комплексно применять элементы стратегического менеджмента.

Вопросы оценки эффективности деятельности организаций рассматриваются в трудах Н. Ольве, Ж. Ройя, М. Ветера, Х.К. Рамперсада, Д. Хэнна, Р. Каплана, Д. Нортон и др. Однако, многие теоретические и практические вопросы, касающиеся подходов оценки эффективности деятельности требуют дальнейшего исследования.

В России, как правило, в качестве критериев оценки эффективности деятельности коммерческих компаний используются финансовые показатели. До начала 1990-х годов многие западные компании также ориентировались только на финансовые показатели оценки эффективности управления. Постепенно такой односторонний взгляд на эффективность перестал удовлетворять требованиям бизнеса.

В результате этого сегодня в публикациях выделяют модели, учитывающие как финансовые, так и нефинансовые показатели - модели измерения эффективности деятельности компаний, основанные на системах ключевых показателей деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика современных моделей анализа и оценки результатов деятельности компании, основанных на ключевых показателях деятельности

Название	Краткое описание	Принципы
<p>Пирамида эффективности (Performance Pyramid). Разработана К. Мак-Найром, Р. Линчем, К. Кроссом (1990)</p>	<p>Идея модели состоит в ориентации на потребителя и выявлении связи между общей стратегией компании и финансовыми показателями ее деятельности, дополненными еще несколькими коэффициентами нефинансового характера [3, с. 40]. Модель представляет собой пирамиду, состоящую из четырех уровней: - высший уровень (руководство компании) - формирует корпоративное видение; - второй уровень (подразделения) - конкретизируют цели компании в виде финансовых и маркетинговых показателей, применимых для оценки определенного целевого сегмента рынка; - третий уровень включает индикаторы, применимые для оценки степени удовлетворенности клиентов, гибкости и производительности, выступающих в качестве связующего звена между верхними и нижними уровнями пирамиды; - нижняя часть пирамиды включает оценку отдельных операций, выполняемых людьми и машинами (оборудованием, механизмами, компьютерными системами).</p>	<p>1. Совокупность показателей включает финансовые и качественные критерии оценки деятельности организации. 2. Основа построения системы - наличие двухсторонних коммуникаций (цели передаются сверху вниз по пирамиде, а показатели - снизу вверх). 3. Система показателей строится таким образом, чтобы оценочные показатели, формируемые на нижних уровнях пирамиды, были интегрированы с финансовыми показателями, формируемыми на верхнем уровне.</p>
<p>Модель сбалансированной системы показателей (Balanced Scorecard, BSC). Основатели Р. Каплан, Д. Нортон (1990)</p>	<p>Модель описывает сбалансированность управления компанией на основе четырех направлений оценки эффективности (ключевых проекций стратегии) [4]: - финансы; - клиенты; - бизнес-процессы; - сотрудники. Каждая из них формализуется в виде стратегической карты, содержащей информацию о целях компании, способах их достижения и оценочных индикаторах.</p>	<p>1. Оценка эффективности должна включать помимо финансовых показателей, еще три проекции стратегии компании. 2. Совокупность показателей, какой бы исчерпывающей она ни была, должна отражать достижение каждой цели и обеспечивать их сбалансированность.</p>
<p>Модель стратегических карт. Разработана Л. Мейселем (1992)</p>	<p>В модели выделены четыре ключевых аспекта, по которым проводится оценка бизнеса компании [3, с. 37]: - финансовые показатели; - показатели отношений с потребителями; - показатели организации внутренних бизнес-процессов; - показатели человеческого капитала. В рамках аспекта трудовых ресурсов оценке подлежат инновационная деятельность, обучение</p>	<p>Выделение отдельного аспекта трудовых ресурсов аргументируется тем, что менеджеры обязаны уделять первостепенное внимание и уметь оценивать эффективность деятельности как компании в целом, так и ее сотрудников.</p>

	и подготовка персонала, совершенствование продукции, формирование базисной компетенции компании и корпоративной культуры [3, с. 37].	
Модель оценки эффективности деятельности и роста (Effective Progress and Performance Measurement, EP ² M).	Модель описывает сбалансированность управления компанией на основе четырех направлений оценки эффективности (ключевых проекций стратегии) [4]: - финансы; - клиенты; - бизнес-процессы; - сотрудники. Каждая из них формализуется в виде стратегической карты, содержащей информацию о целях компании, способах их достижения и оценочных индикаторах.	Показатели эффективности должны обеспечивать менеджеров компании, ответственных за реализацию стратегии и принятие решений, быстрой обратной связью и тем самым обеспечивать своевременное обнаружение и оперативное устранение отклонений и приведение процесса реализации стратегии к норме.
Призма эффективности (Performance Prism). Разработана Э. Нили, К. Адамсом и М. Кеннерли (2002)	Методика дает ответы на пять отличных, но логически взаимосвязанных основных аспектов [5]: - удовлетворенность заинтересованных лиц - кто относится к заинтересованным лицам, и что они хотят от компании; - вклад заинтересованных лиц - какой вклад нужен компании со стороны заинтересованных сторон для поддержания и развития этих возможностей; - стратегии - какие стратегии должны быть реализованы, чтобы удовлетворить потребности этих заинтересованных сторон; - процессы - какие процессы необходимо запустить для осуществления данных стратегий; - возможности - какие возможности (люди, опыт, технологии, инфраструктура) нужны для более действенного и эффективного управления данными процессами.	1. Затрагивает все заинтересованные стороны компании, анализируя взаимные отношения с каждой из них, учитывая их потребности и то, что нужно компании от них. 2. Для каждого аспекта следует определять параметры для получения всеобъемлющей информации, необходимой для принятия решений. 3. Для системы параметров задается внутренняя логическая взаимосвязь, позволяющая определить, на какие исходные параметры необходимо повлиять, чтобы добиться нужных изменений целевых параметров. Управление осуществляется на основе отклонений значений параметров от заданных целевых значений.

С развитием стратегического управления каждая из выделенных моделей дорабатывалась и совершенствовалась. Так на основе объединения и развития таких моделей, как сбалансированная система показателей, всеобщий менеджмент качества, управление результативностью, управление компетенциями в 2004 году консультант в области менеджмента Х.К. Рамперсад разработал универсальную систему показателей (Total Performance Scorecard, TPS), расширяющую модель сбалансированной системы показателей. Согласно его идее, в компаниях должны существовать две параллельные, согласованные системы показателей - организационная сбалансированная система показателей и личная сбалансированная система показателей.

Х.К. Рамперсад универсальную систему показателей определяет как "систематический процесс непрерывного, последовательного и регулярного совершенствования, развития и обучения, направленный на устойчивый рост результатов деятельности сотрудников и организации" [6, с. 26], при этом отмечая, что базовые

составляющие данной целостной теории менеджмента тесно связаны друг с другом и между ними должен поддерживаться баланс.

Система TPS состоит из следующих пяти элементов [6, с. 26-28]: личная система сбалансированных показателей, организационная система сбалансированных показателей, всеобщий менеджмент качества, управление результативностью и управление компетенциями, цикл обучения Колба.

По мнению Х.К. Рамперсада, в других подобных управленческих системах недостаточно внимания уделяется важному исходному этапу формулирования целей личности и соотнесения их с индивидуальным поведением и с принятыми целями компании, жизненно необходимому для достижения устойчивого организационного и стратегического развития. Цель этого подхода, по словам Х.К. Рамперсада, состоит в достижении максимального уровня ответственности и преданности сотрудников, а также в поощрении индивидуального обучения, группового обучения и развития творческих способностей. Этот подход также способствует формированию мотивации, творческого мышления, получению удовольствия от работы и увлеченности работой, возрастанию ответственности, появлению вдохновения и энтузиазма.

Следовательно, использовать универсальную систему показателей деятельности означает управлять и принимать решения, основываясь на фактах и цифрах, связанных с реализацией видения. Применение этой модели эффективно только в том случае, когда оно основано на стратегическом процессе развития, в котором видение и миссия, ключевые факторы успеха, показатели результативности, процессы обучения и планирования как личности, так и организации дополняют друг друга. Все вместе они способствуют реализации непрерывного совершенствования на всех уровнях компании и развитию человеческого потенциала сотрудников [6, с. 33].

Особый интерес представляет, предложенная в 2007 году американским ученым Д. Хэнном, модель организационной эффективности (Organization Performance Model, OP Model) - эффективный инструмент системного подхода, к таким элементам как потребности заинтересованных сторон, цель, организационный дизайн, культура, результаты, люди, согласование которых критически важно для эффективности организации [7, с. 148], помогающий составить общую картину взаимоотношений и поведения этих элементов "при существующем состоянии экологического равновесия" [7, с. 156].

Рассматривая взаимодействие элементов модели организационной эффективности между собой, Д. Хэнна отмечает, что "моментами истины" для организации являются потребности заинтересованных сторон (акционеров, клиентов, поставщиков, сотрудников, сообщества), имеющих выбор: поддерживать организацию (своими деньгами, одобрением, трудом) или нет.

Вторым фактором модели является цель, указывающая направление к тому, что важно для системы. Цель может быть выражена в форме миссии, видения или стратегии, а также включать в себя такие производственные элементы как принципы работы, ценности и задачи, в свою очередь определяющие дальнейшие действия организации и устанавливающие жизненно важные задачи. По мнению Д. Хэнна при формулировании "хорошей миссии или стратегии придется сделать достаточно трудный выбор" между потребностями заинтересованных сторон. Иными словами "цель должна сделать важные дела заинтересованных лиц делом организации" [7, с. 149].

Элементы организационного дизайна являются "связующим веществом", на котором держится культура организации и представляют собой такие организационные инструменты, используемые для достижения цели, как рабочие процессы и технологии, структура, система вознаграждения, информационные системы, процессы принятия решений и системы управления человеческими ресурсами. Эти инструменты обеспечивают структуру, позволяющую решать задачи и подкреплять определенные модели поведения [7, с. 149].

Следующим элементом модели организационной эффективности является культура организации или обычаи и нормы поведения в процессе работы, показывающие, каким образом функционирует организация. Д. Хэнна отмечает, что культура

организации имеет "важную "крытую" сторону - основополагающие ценности и парадигмы", находящиеся "в центре - там, где люди", поскольку они представляют собой силы, "программирующие" многие другие процессы организации [7, с. 150]. Различия между видимыми моделями поведения и схемами работы и основополагающими ценностями и парадигмами, позволяют сфокусироваться на основных элементах культуры и увидеть динамику их причинно-следственных отношений.

Получаемые результаты, удовлетворяющие потребности заинтересованных сторон либо не оправдывающие их ожиданий - пятый элемент модели организационной эффективности.

В рассматриваемой модели, так же как и в модели Х.К. Рамперсада, центральным элементом организационной эффективности признаются люди, "они подобны невидимому заднему плану, который часто остается незамеченным, однако жизненно необходим для общего сценария" [7, с. 150]. Люди находятся в центре, поскольку они программируют все остальные части модели. Миссия, стратегия и элементы дизайна - это программы, написанные, скомпонованные и произведенные на свет людьми. Часто направление повседневной деятельности задается видением людей, а не официальной миссией или стратегией. Люди могут придерживаться правил, установленных системой, или находить обходные пути. Вместе с тем их ценности и предположения влияют на то, как рассматриваются и проектируются все другие элементы. Кроме того, благодаря именно видению людей системе становится известно о необходимости ее изменения или приемлемости положения вещей.

По словам Д. Хэнна уникальность модели организационной эффективности не в ее элементах, а в способности показать их "кинематографическую" динамику. Модель помогает мыслить системно и устранять "белые пятна" благодаря двум процессам [7, с. 150-151]: диагностике и дизайну. При этом диагностика позволяет оценить, почему исследуемая организация спроектирована идеально для получения тех результатов, которых она добивается, а дизайн в свою очередь позволяет спроектировать все элементы таким образом, чтобы обеспечить получение желаемых результатов.

Следовательно, модель помогает организации создать собственные представления об организационной эффективности в виде карты экосистемы, которая сведет воедино разрозненные точки зрения. Более того, как отмечает Д. Хэнна, в модель можно включить "данные анализа качества процессов, исследований демографического состава персонала и отношения сотрудников к тем или иным процессам, а также отраслевую и рыночную информацию, чтобы посмотреть, как она соотносится со всем остальным" [7, с. 151].

Таким образом, современные модели оценки эффективности деятельности компаний вышли за рамки показателей доходности и понимание эффективности в большей степени тяготеет к категории оптимальности. Несмотря на индивидуальные особенности каждой модели, все они имеют общую цель - обеспечение руководства необходимой информацией в процессе принятия управленческих решений.

1. Качалов В.А. Что такое "мониторинг" и "измерение процесса"? // Методы менеджмента качества. 2008. № 1-2. С. 1-26.
2. Руус Й., Пайк С., Фернстрем Л. Интеллектуальный капитал: практика управления. СПб.: Высшая Школа Менеджмента, 2008. 436 с.
3. Ольве Н. Оценка эффективности деятельности компании. Практическое руководство по использованию сбалансированной системы показателей / Н. Ольве, Ж. Рой, М. Ветер; пер. с англ. М.: Издательский дом "Вильямс", 2004. 304 с.
4. Климкович Н.И. Сбалансированная система показателей как инструмент контроллинга // Экономический бюллетень. 2014. № 3. С. 42-49.
5. Кузнецов А.И., Мелешина В.В. Хочешь выжить - измеряй: использование метода анализа иерархий для создания системы управления эффективностью // Российское предпринимательство. 2005. № 1. С. 23-29.
6. Рамперсад Х.К. Универсальная система показателей деятельности: как достигать результатов, сохраняя целостность; пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 352 с.
7. Хэнна Д. Лидерство на все времена: Результаты сегодня - наследие на века; пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 297 с.

Колесников С.В., Клишевич Н.Б.

Концепция совершенствования учетно-аналитического обеспечения в целях мониторинга задолженности предприятия алюминиевой промышленности

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (СФУ)
(Россия, Красноярск)

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-25

idsp: scienceconf-25-12-2019-25

Аннотация

В данной статье рассматривается концепция совершенствования учетно-аналитического обеспечения мониторинга дебиторской и кредиторской задолженности. Систематизация подходов и комплексность в ведении оперативного учета и контроля дебиторской и кредиторской задолженности на предприятии алюминиевой промышленности. Моделирование дебиторской задолженности (корреляционно-регрессионный анализ) и постановка задачи спонтанного финансирования.

Ключевые слова: дебиторская задолженность, кредиторская задолженность, алюминиевая промышленность, спонтанное финансирование, корреляционно-регрессионный анализ.

Abstract

In this article the concept of improvement of accounting and analytical support of monitoring of accounts receivable and accounts payable is considered. Systematization of the approaches and complexity in the conduct of operational accounting and control of receivables and payables at the enterprise of the aluminum industry. Modeling of accounts receivable (correlation and regression analysis) and setting the problem of spontaneous financing.

Keywords: accounts receivable, accounts payable, aluminum industry, spontaneous financing, correlation and regression analysis.

В условиях развития рыночных отношений деятельность российских предприятий сильно изменилась и предполагает поиск и нахождение каждым из них своего пути развития. В настоящее время существует устойчивый спрос на продукцию из алюминиевых изделий, который определяет конкурентные преимущества этой отрасли производства [1]. Постоянство и конкурентные возможности предприятия зависят от быстроты представления и достоверности предоставленной информации, на основе которой осуществляется экономический анализ, формируются и выполняются управленческие решения.

Построение комплексной учетно-аналитической системы мониторинга задолженности позволит оперативно приводить в исполнение комплексное управление предприятием на базе сформированной единой информационной платформы [2].

Под учетно-аналитической системой понимается одна из составных частей общей системы управления. Она основывается лишь на данных бухгалтерского учета и претворяется в жизнь лишь работниками бухгалтерии. Смысл данной системы заключается в соединении учетных и аналитических операций в один процесс для задач планирования и управления.

В целях оперативности предупреждения и устранения критических ситуаций необходим мониторинг дебиторской и кредиторской задолженности, который помогает найти определенные риски и указывает нужные выходы действия на этапе не только просроченной, но и текущей задолженности [3].

В учете дебиторской и кредиторской задолженности существуют риски искажения финансовой отчетности. Для определения и оценки рисков необходимо:

- определить структуру долга;
- оценить бизнес-риск;

- определить значимую информацию;
- отражение оценочных значений.

В настоящее время существует проблема в комплексном подходе учета отраслевой специфики дебиторской и кредиторской задолженностей в алюминиевой промышленности. Необходимо учитывать риски при определении задолженности, а также модернизировать аналитический процесс задолженности.

Для решения существующей проблемы, подготовлена блок-схема (рис. 1), позволяющая визуализировать все стадии процесса учетно-аналитического обеспечения дебиторской и кредиторской задолженностей предприятия.

Рис. 1– Концепция совершенствования учетно-аналитического обеспечения в целях мониторинга задолженности предприятия алюминиевой промышленности

В рамках данной статьи автором предлагается рассмотреть четвертый, практический пункт блок-схемы (рисунок 1). Совершенствование и адаптирование методов экономического анализа и прогнозирования осуществляется по направлениям:

1. Моделирование дебиторской задолженности (корреляционно-регрессионный анализ).
2. Моделирование спонтанного финансирования.

Рассмотрим пример моделирования дебиторской задолженности. Объект исследования – дебиторская задолженность организаций по Красноярскому краю. Предмет исследования – оценка влияния факторов на дебиторскую задолженность.

Нулевая гипотеза заключается в следующем: увеличение средневзвешенных процентных ставок кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях по России приводит к увеличению дебиторской задолженности.

В работе проведен эконометрический анализ влияния процентных ставок по кредитам, коэффициента ликвидации организаций и кредиторской задолженности на величину дебиторской задолженности. Анализ проводился с помощью статистического программного пакета «gretl» [4].

Для достижения цели работы была построена эконометрическая регрессионная модель, решаемая методом наименьших квадратов (МНК).

В качестве зависимого признака в модели был принят показатель дебиторской задолженности организаций по Красноярскому краю, занимающихся производством полуфабрикатов из алюминия и алюминиевых сплавов [5]. В качестве регрессоров (т.е. независимых переменных) использовались:

1. Средневзвешенные процентные ставки кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях без учета ОАО "Сбербанк России" (% годовых) [6].
2. Переводные депозиты в РФ [6].

Определим тип выборки по ее описанию. В работе использованы данные дебиторской задолженности организаций по Красноярскому краю в качестве зависимой переменной с 2013 г. по 2016 г. на 1 число каждого месяца – итого 48 наблюдений.

В качестве регрессоров в модели парной регрессии используются: Средневзвешенные процентные ставки кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях без учета ОАО "Сбербанк России" (% годовых) и Переводные депозиты в РФ за период с 2013 г. по 2016 г. на 1 число каждого месяца – итого 48 наблюдений.

Составленная выборка из зависимой переменной и двух регрессоров представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Дебиторская задолженность организаций по Красноярскому Краю (исходные данные для регрессионной модели)

Год	Месяц	Дебиторская задолженность организаций по Красноярскому краю, в тыс. руб.	Средневзвешенные процентные ставки, %	Переводные депозиты, млрд. руб.
2013	на 1 января	8 589	10,0	7 264,0
	на 1 февраля	382 859	10,2	7 028,6
	на 1 марта	376 976	10,4	7 049,2
	на 1 апреля	420 502	10,2	7 212,1
	на 1 мая	468 315	10,1	6 919,9
	на 1 июня	515 136	10,1	7 035,1
	на 1 июля	521 215	9,9	7 513,3
	на 1 августа	560 889	9,9	7 522,5
	на 1 сентября	595 322	9,9	7 334,0
	на 1 октября	610 537	9,8	7 426,8
	на 1 ноября	629 268	9,9	7 259,9
	на 1 декабря	638 390	10,1	7 506,0
2014	на 1 января	649 386	9,63	8 526,3
	на 1 февраля	623 837	9,81	8 031,8
	на 1 марта	597 049	10,66	8 271,5
	на 1 апреля	628 939	10,73	8 134,9
	на 1 мая	632 517	11,07	7 999,7
	на 1 июня	636 175	11,14	7 937,1
	на 1 июля	669 675	11,00	8 177,3
	на 1 августа	697 621	10,90	7 920,1
	на 1 сентября	689 301	11,08	7 820,2
	на 1 октября	777 242	11,30	7 787,7
	на 1 ноября	777 594	12,38	7 352,5
	на 1 декабря	786 957	16,73	7 801,0
2015	на 1 января	900 266	19,82	8 170,0
	на 1 февраля	752 889	18,34	8 254,9
	на 1 марта	825 473	17,91	8 249,1
	на 1 апреля	789 029	17,19	8 208,9
	на 1 мая	793 247	16,05	8 134,0
	на 1 июня	919 025	15,62	8 246,3

	на 1 июля	800 890	14,70	8 364,8
	на 1 августа	782 288	14,33	8 204,0
	на 1 сентября	782 288	14,03	8 392,8
	на 1 октября	796 656	13,72	8 236,3
	на 1 ноября	753 001	13,83	8 001,6
	на 1 декабря	721 017	13,89	8 462,9
2016	на 1 января	372 756	13,48	9 276,4
	на 1 февраля	341 617	13,48	8 852,1
	на 1 марта	399 528	13,33	8 943,8
	на 1 апреля	398 073	13,06	9 259,1
	на 1 мая	410 491	13,17	9 008,9
	на 1 июня	418 452	12,79	9 439,3
	на 1 июля	420 686	12,53	9 477,4
	на 1 августа	490 164	12,26	9 184,8
	на 1 сентября	531 287	12,21	9 258,9
	на 1 октября	545 659	12,25	9 111,5
	на 1 ноября	563 060	11,88	9 155,1
	на 1 декабря	567 601	11,99	9 266,7

На основе вышеизложенного для определения типа выборки нужно применить следующую схему.

Нужно ответить на три вопроса:

- 1) над каким количеством объектов идет наблюдение? (один);
- 2) по скольким показателям проводится наблюдение? (много);
- 3) за какое количество периодов времени проводится наблюдение? (много).

Соответственно, данная выборка является пространственной выборкой.

Тест на нормальное распределение представлен на рисунке 2.

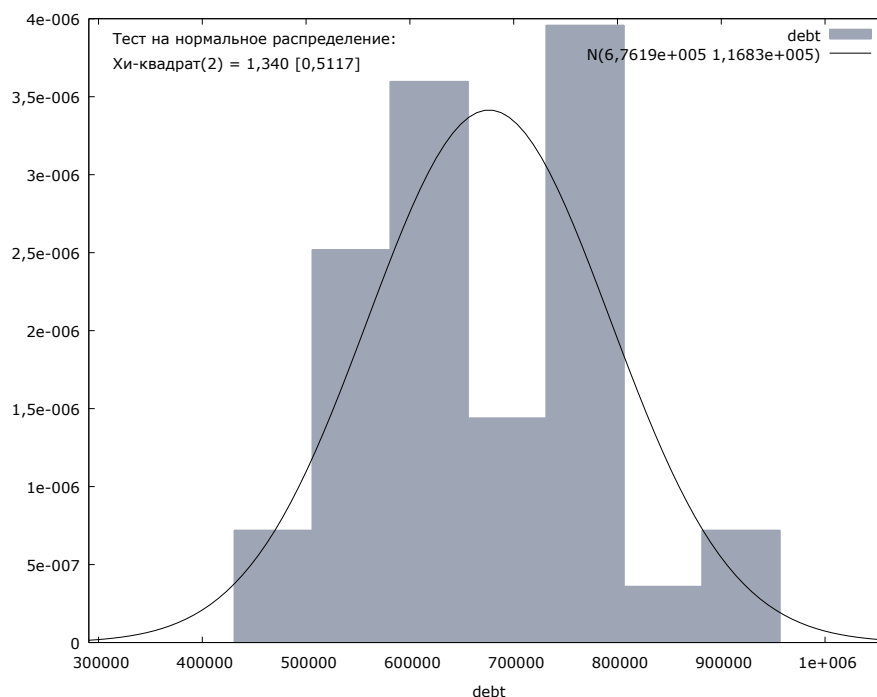

Рис. 2– Тест на нормальное распределение (усеченная выборка)

В данной выборке присутствуют выбросы. В силу отсутствия месяцев, когда значения дебиторской задолженности существенно отличались, выделять их в отдельную подвыборку нецелесообразно. Для этого можно сконструировать, например, следующий формальный критерий: отбросить те наблюдения, где данный признак принимает значения в 425795 руб. ($603536 - 177741 = 425795$), то есть ниже суммы среднего значения выборки и стандартного отклонения.

После проведенной процедуры осталось 37 наблюдений из 48.

Построим новую гистограмму распределения, проведем тест на нормальное распределение, а также описательную статистику при 37 наблюдениях (усеченная выборка).

Распределение стало более походить на колоколообразную форму, за исключением среднего значения. Однако для полноты размышлений необходимо провести тест Дурника-Хансена (DH) и Харке-Бера (JB). DH-тест показал значение 1,339, а JB - 1,391, при табличных значениях $\chi_{0,05}^2 = 5,99$, $\chi_{0,01}^2 = 9,21$, $\chi_{0,4}^2 = 1,84$. Нулевая гипотеза подтверждается двумя тестами на 40 - процентом уровне ($\chi_{0,01}^2 > \chi_{0,05}^2 > \chi_{0,4}^2 = 1,84 > 1,339 > 1,391$).

Соответственно, исходя из теста на нормальное распределение и тестов Дурника-Хансена (DH) и Харке-Бера (JB), распределение зависимой переменной следует признать нормальным.

Описательная статистика для усеченной выборки представлена в таблице 2.

По описательной статистике видно, что эксцесс и асимметрия по всем показателям в пределах 1. Выбросов в зависимой переменной нет. Среднее значение составляет 676 тыс. руб. Задолженность в среднем колеблется от 560 тыс. руб. до 800 тыс. руб. Модель стоит признать рабочей и пригодной к дальнейшему использованию.

Диаграмма рассеяния дебиторской задолженности (debt) от средневзвешенных процентных ставок кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях (rate) представлена на рисунке 3.

Таблица 2.

Описательная статистика, использованы наблюдения 1 - 37

Переменная	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум
debt	676195	649386	468315	919025
rate	12,5986	11,8800	9,63000	19,8200
Deposit	8085,95	8134,90	6919,90	9266,70
Переменная	Ст. откл.	Вариация	Асимметрия	Эксцесс
debt	116826,	0,172770	0,136329	-0,910008
rate	2,79467	0,221823	0,959129	-0,102690
Deposit	597,242	0,0738617	0,270994	-0,204496
Переменная	5% Проц.	95% Проц.	IQ range	Пропущенные наблюдения
debt	487979,	902142,	200826,	0
rate	9,78300	18,4880	4,08000	0
Deposit	7023,58	9259,68	663,050	0

Согласно рисунку виден восходящий тренд дебиторской задолженности от ставок по кредитным и депозитным операциям. Увеличение ставки сопровождается увеличением дебиторской задолженности. Основное скопление процентных ставок можно наблюдать в районе 10-11 %. При таком уровне процентных ставок значения дебиторской задолженности достигают в среднем от 550 до 600 тыс. руб.

Диаграмма рассеяния дебиторской задолженности (debt) от переводных депозитов в РФ представлена на рисунке 4

По графику видно, что диаграмма рассеяния ведет себя достаточно хаотично и неопределенно. Значения в 500-550 тыс. дебиторской задолженности могут достигаться как при 7 000 млрд. руб. так и при 9 000 млрд. руб. При равенстве переводных депозитов в РФ 8 000 млрд. руб. дебиторская задолженность может принимать значения от 600 до 800 тыс. руб., что свидетельствует об отсутствии влияния факторной переменной на зависимую переменную.

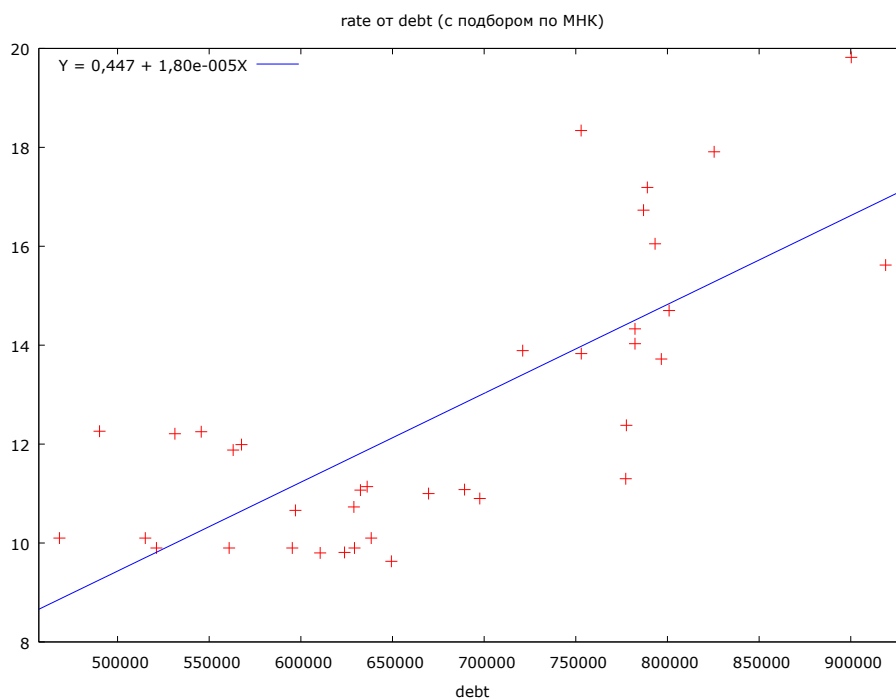

Рис. 3– Диаграмма рассеяния дебиторской задолженности (*debt*) от средневзвешенных процентных ставок кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях (*rate*)

Построим две регрессионных парных модели, где зависимой переменной будет показатель дебиторской задолженности организаций по Красноярскому краю, занимающихся производством полуфабрикатов из алюминия и алюминиевых сплавов (*debt*).

В качестве регрессоров (т.е. независимых переменных) являются:

- Средневзвешенные процентные ставки кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях без учета ОАО "Сбербанк России" (1-ая модель).
- Переводные депозиты в РФ (2-ая модель).

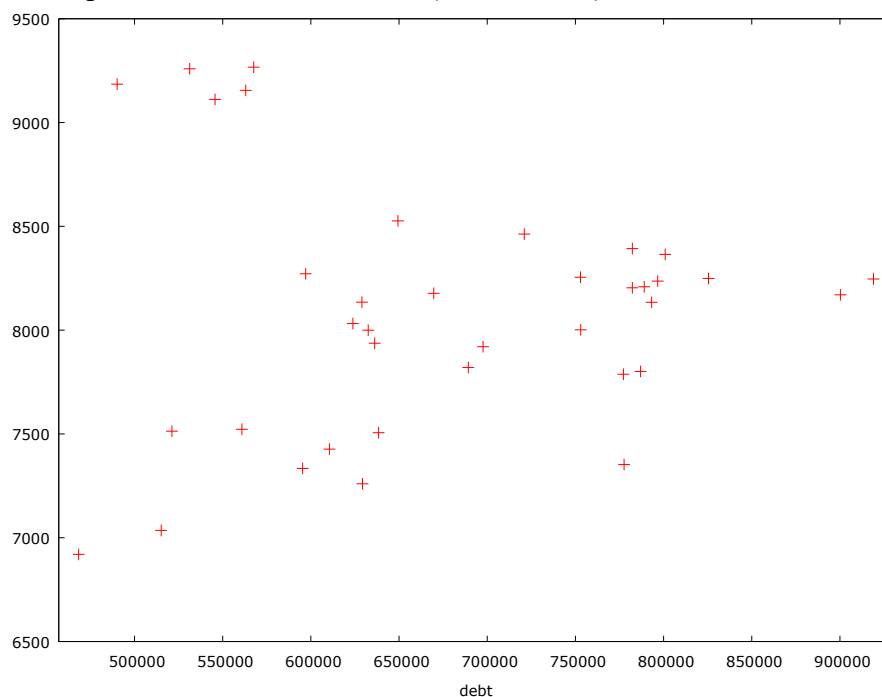

Рис. 4- Диаграмма рассеяния дебиторской задолженности (*debt*) от переводных депозитов (*deposit*)

Модель МНК для 1-й модели можно увидеть в таблице 3. Сформулируем довольно существенную гипотезу для исследования: увеличение ставок по кредитам приведет к увеличению дебиторской задолженности.

Предполагается, что оценка коэффициента при регрессоре *rate* будет положительной. По результатам модели видно, что регрессор *rate* является значимой переменной на 1 - процентном уровне значимости.

При увеличении ставки на 1 % дебиторская задолженность увеличится на 31 тыс. руб. Выборка объяснена на 56 %, что является довольно неплохим показателем для одного регрессора.

Константа показывает, какой была бы дебиторская задолженность, если бы ставка была нулевой, но Средневзвешенные процентные ставки кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях без учета ОАО "Сбербанк России" всегда больше нуля.

Таблица 3

Модель 1: МНК, использованы наблюдения 1-37
Зависимая переменная: *debt*

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
const	280558	60150,3	4,6643	<0,0001	***
rate	31403,1	4664,01	6,7331	<0,0001	***

Среднее зав. перемен	676194,7		Ст. откл. зав. перемен	116826,3
Сумма кв. остатков	2,14e+11		Ст. ошибка модели	78206,20
R-квадрат	0,564321		Испр. R-квадрат	0,551873
F(1, 35)	45,33431		P-значение (F)	8,47e-08
Лог. правдоподобие	-468,3555		Крит. Акаике	940,7111
Крит. Шварца	943,9329		Крит. Хеннана-Куинна	941,8469

Таким образом, нулевая гипотеза о том, что увеличение ставки по кредитам и депозитам приведет к увеличению дебиторской задолженности подтверждается, и в целях прогнозирования дебиторской задолженности предприятия алюминиевой промышленности можно использовать следующее корреляционно-регрессионное уравнение:

$$\widehat{debt} = 280558 + 31403,1 * rate$$

(60150,3) (4664,01)

$$T = 37 \quad R^2 = 0,56 \quad F(1, 35) = 45,33431 \quad \sigma^2 = 78206,20$$

(в скобках указаны стандартные ошибки),

где \widehat{debt} - дебиторская задолженность организаций по Красноярскому краю;

rate - средневзвешенные процентные ставки кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях без учета ОАО "Сбербанк России".

Вторым направлением совершенствования системы мониторинга дебиторской задолженности является моделирование спонтанного финансирования: предлагается методика оценки эффективности скидки для продавца – организации – дебитора.

Методика оценки эффективности спонтанного финансирования заключается в сравнении варианта по критерию выгоды скидки для продавца (организации – дебитора):

Выручка без скидки < Выручка со скидкой

$$Bk_n + \frac{B(1-k_n) \cdot \frac{1}{(1+i^*)^{T_0}}}{(1+i^*)^{T_0}} < B(1-k_c)k_n + \frac{B(1-k_c)(1-k_n) \cdot \frac{1}{(1+i^*)^{T_1}}}{(1+i^*)^{T_1}}$$

Или:

$$k_n + \frac{(1-k_n) \cdot \frac{1}{(1+i^*)^{T_0}}}{(1+i^*)^{T_0}} < (1-k_c)k_n + \frac{(1-k_c)(1-k_n) \cdot \frac{1}{(1+i^*)^{T_1}}}{(1+i^*)^{T_1}},$$

где i – месячный темп инфляции,

i^* - дневной темп прироста цен в долях единицы,

n - срок оборачиваемости дебиторской задолженности,

k_i - коэффициент инфляции в день (коэффициент снижения покупательной способности рубля за « n » дней), определяемый по формуле сложного % :

$$k_i = 1 / (1 + i^*)^n,$$

где B - выручка от реализации,

k_n - коэффициент предоплаты,

k_c - коэффициент скидки,

T_0, T_1 - средний период погашения дебиторской задолженности в фактическом и прогнозном периодах.

Данная формула (модель) позволяет решить следующие экстремальные задачи:

1. Расчет максимально-допустимого коэффициента скидки.
2. Расчет максимально-допустимого коэффициента предоплаты.
3. Расчет максимально-возможного срока оплаты.
4. Расчет предельного значения темпа инфляции.

Учетно-аналитическая система мониторинга задолженности в алюминиевой отрасли действует непрерывно, что позволяет регулировать взаимоотношения между контрагентами, в конечном счете, оказывая положительное влияние на качество составленной и представляемой отчетности, то есть на эффективность учетной информации как для внутреннего управления организацией, так и для внешних пользователей. В этом и заключается основная цель учетно-аналитической системы мониторинга задолженности предприятия, реализация которой возлагается на бухгалтера, который располагает первичной учетной и аналитической информацией.

1. СИАЛ - групп: Система доступа: <http://www.sial-group.ru/>
2. Алькина Н. П. Информационно-аналитическое обеспечение контроля дебиторской задолженности. Молодой ученый, 2016, (9.2), 1-3
3. Вовнянко, Е. А., Парамонова Е.А. Пути совершенствования бухгалтерского учета расчетов с покупателями и заказчиками. Экономика, управление, финансы: материалы VI Междунар. науч. конф., 2016, 87-90
4. Gretl [электронный ресурс] : Программа технической помощи // разработчик “the gretl team”- Режим доступа <http://gretl.sourceforge.net>;
5. Плисова, А.Б. Внутренний контроль и аудит наличия и движения дебиторской задолженности [Электронный ресурс] / А.Б. Плисова // Управление экономическими системами. – 2017. - №1. – Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs-95-952017/item/4251-2017-01-23-06-23-03>
6. Центральный банк России [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/>

Писаренко К.В.

Многоуровневые концессионные механизмы финансирования долгосрочных проектов развития регионов

*Негосударственное аккредитованное некоммерческое частное образовательное учреждение высшего образования «Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ»
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-26

idsp: scienceconf-25-12-2019-26

Аннотация

В статье рассматриваются особенности разработки и внедрения многоуровневых концессионных механизмов финансирования долгосрочных проектов развития регионов. Концессия определяется как современный инструмент модернизации инфраструктурного развития региональных экономик. Исследуется международный опыт применения многоуровневых концессионных механизмов и возможности его имплементации в экономику регионов современной России.

Ключевые слова: региональная экономика, концессионный механизм, инфраструктурное развитие, институциональная среда, транзакционные издержки

Abstract

The article considers peculiarities of development and implementation of multilevel concession mechanisms of financing of long-term projects of development of regions. Concession is defined as a modern tool for modernizing the infrastructure development of regional economies. International experience of application of multilevel concession mechanisms and possibility of its implementation into economy of regions of modern Russia is investigated.

Keywords: regional economy, concession mechanism, infrastructure development, institutional environment, transaction costs

Реалии развития современной экономики, обуславливают необходимость выработки единого механизма одновременно сочетающего инструментарий реализации государственной инновационной политики и интересы частных инвесторов, в части обеспечения устойчивого социально-экономического развития территорий при одновременном инновационном развитии инфраструктуры территорий.

Формируемая государственная инновационная политика направлена на повышение качества и уровня жизни населения, преодоления технологического отставания производственной инфраструктуры, переход на качественно новый уровень ресурсосбережения, снижения материалоемкости и капиталоемкости производственных процессов, ориентацию на высокотехнологичное производство, повышение конкурентоспособности ВВП страны.

Рациональная реализация государственной инновационной политики сдерживается инфраструктурной изношенностью производственного потенциала российской экономики в сфере транспорта, средств связи и жилищного хозяйства, высоким уровнем загрузки сырьевого сектора экономики при одновременном отставании обрабатывающих отраслей.

Считаем, что качество инфраструктурного развития – один из основных факторов поддерживающий долгосрочный экономический рост, при этом основным источником финансирования процесса расширенного воспроизводства выступают инфраструктурные инвестиции.

Обзор сложившегося отечественного и зарубежного опыта, позволяет нам заключить, что инвестирование в процесс модернизации инфраструктуры экономики –

действенный и эффективный и рациональный инструмент стимулирования инновационного потенциала экономического развития на национальном и региональном уровнях.

Так, инвестиции в инфраструктурное развитие экономики, в краткосрочной перспективе обеспечивают снятие социальной напряженности в обществе, через повышение занятости населения за счет создаваемых рабочих мест; в среднесрочной перспективе стимулируют рост промышленного производства, а в долгосрочной перспективе создают положительный эффект, при котором снижаются транзакционные издержки, что подтверждает нашу гипотезу о необходимости выработки инструментария государственного регулирования учитывающего пролонгированный эффект порученный в результате изменений институциональной среды (рис.1).

Обзор отечественного и зарубежного опыта, позволил установить, что наиболее эффективной формой долгосрочного инвестирования частного бизнеса в инновационное развитие инфраструктуры отраслей является концессия. Отметим, что, не смотря на многолетний опыт концессионных отношений, по прежнему не выработано единого подхода к использованию и государственному регулированию концессионного механизма, даже в странах ЕС, успешно реализующих концессию. В связи с вышесказанным, считаем целесообразным обобщение сложившихся методологических основ концессионного механизма, а так же выработка, уточнение и имплементация концессионного механизма в российскую практику.

Рисунок 1 -

Влияние инвестиций в инфраструктуру на развития экономики регионов

Определение «концессия» происходит от латинского определения «concessio» (разрешение означает уступку, соглашение, скидку) – содержит множество трактовок и охватывает широкий круг объектов, к которым относятся имущество и виды деятельности органов государственной и муниципальной власти, вышесказанное позволяет констатировать, что концессию как многостороннюю экономико-правовую категорию целесообразно рассматривать как механизм, как систему отношений, в основе которой лежит соглашение выданное органами государственной власти или местного самоуправления.

Так, под концессией, мы предлагаем понимать, инструмент привлечения частных инвестиций, реализуемый через систему договоров между государством и частным инвестором в отношении государственной или муниципальной собственности и/или монопольных видов деятельности. Отметим, что предметом концессии выступает имущество, находящееся в собственности органов государственной власти или местного самоуправления, а так же виды финансово-хозяйственной деятельности на которые распространяются государственные монополии.

Определение концессии, как договора между государством (концедентом) и частным юридическим и/или физическим лицом (концессионером) обуславливает необходимость заключения «концессионного соглашения». Федеральным законом от 21.07.2017г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» п.1 ст. 3, установлено, что «по концессионному соглашению одна сторона (концессионер) обязуется за свой счет создать и (или) реконструировать определенное этим соглашением имущество (недвижимое имущество или недвижимое имущество и движимое имущество, технологически связанные между собой и предназначенные для осуществления деятельности, предусмотренной концессионным соглашением) (далее - объект концессионного соглашения), право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (концеденту), осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения, а концедент обязуется предоставить концессионеру на срок, установленный этим соглашением, права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности»[1].

В соответствии с логикой исследования, считаем целесообразным рассмотреть концессию, как механизм, под которым предлагаем понимать – механизм взаимодействия между концедентом и концессионером по передаче объекта концессии на следующих условиях:

- концессионеру, на установленный срок, передаются права владения и пользования объектом концессии;
- концессионер обязуется осуществлять инвестиции в строительство и/или реконструкцию объекта концессии;
- окупаемость инвестиций концессионера обеспечивается в результате эксплуатации на коммерческой основе объекта концессии;
- концессионер за переданные права владения и пользования объектом концессии, выплачивает концеденту концессионные платежи (непосредственно концессионные платежи, платежи налогового характера, часть прибыли от эксплуатации объектов концессии) согласно концессионного соглашения в течение всего срока концессии.

Отметим, что цели концедента и концессионера противоречивы, так при реализации концессионного механизма целью концедента является защита общественных интересов, а концессионера – извлечение и максимизация прибыли от владения и пользования объектом концессии. Тем не менее, необходимость достижения поставленных целей обуславливает необходимость взаимной интеграции интересов по вопросам эффективного управления концессионным объектом, объема и структуры инвестиций в него.

В течение всего периода концессии стороны взаимодействуют не только в рамках концессионного соглашения, но и по ряду других отношений:

- в части контроля и надзора - за состоянием объекта концессии, за деятельностью концессионера в части исполнения условий концессионного соглашения;
- во взаимодействии с потребителями услуг и специализированными общественными организациями (информация о соблюдении или не соблюдении концессионером общественных интересов поступает как к концеденту, так и к концессионеру).

Отметим, что важным этапом реализации концессионного механизма являются диагностика, мониторинг и контроль состояния объектов концессионного механизма, включающие оценку не только фактического изменения объекта концессии, но и социально-экономическую оценку эффективности реализации концессионного механизма, в части анализа соответствия достигнутых результатов условиям концессионного соглашения и целям концедента и концессионера. Считаем

необходимо отметить, что при выявлении несоответствия фактических результатов функционирования концессионного механизма условиям концессионного соглашения, концедент, как правило, инициирует корректировку элементов концессионного соглашения, что позволяет рассматривать, что концессионный механизм как динамическую систему, состоящую из следующих элементов (рис. 2). Анализ методологических основ применения концессии в качестве механизма реализации инновационной политики, позволяет сформулировать следующие выводы:

- реализация концессионного механизма в регионах предоставляет возможность частному бизнесу инициировать строительства инфраструктурного объекта (как правило, с высоким уровнем спроса), а органам государственной власти в свою очередь - выступить в качестве партнера, соинвестора инфраструктурного проекта на средне-, долгосрочную перспективу;
- реализация концессионного механизма в регионах привлечение в реальный сектор региональной экономики инвестиций на период и в объеме, обеспечивающем устойчивое социально-экономическое развитие территорий, за счет сокращения срока их реализации и применения современных и эффективных форм государственного финансового регулирования при одновременной передаче части рисков инвестору при гарантии возврата инвестиций;
- реализация концессионного механизма в регионах определяет возможность сохранения права собственности на инфраструктурный объект и эффективный контроль над его эксплуатацией при незначительной доле государственных инвестиций в развитие инфраструктурного объекта, что влечет за собой снижение потребности в бюджетном финансировании при реализации общегосударственных и /или территориальных проектов за счет привлечения частных инвестиций;

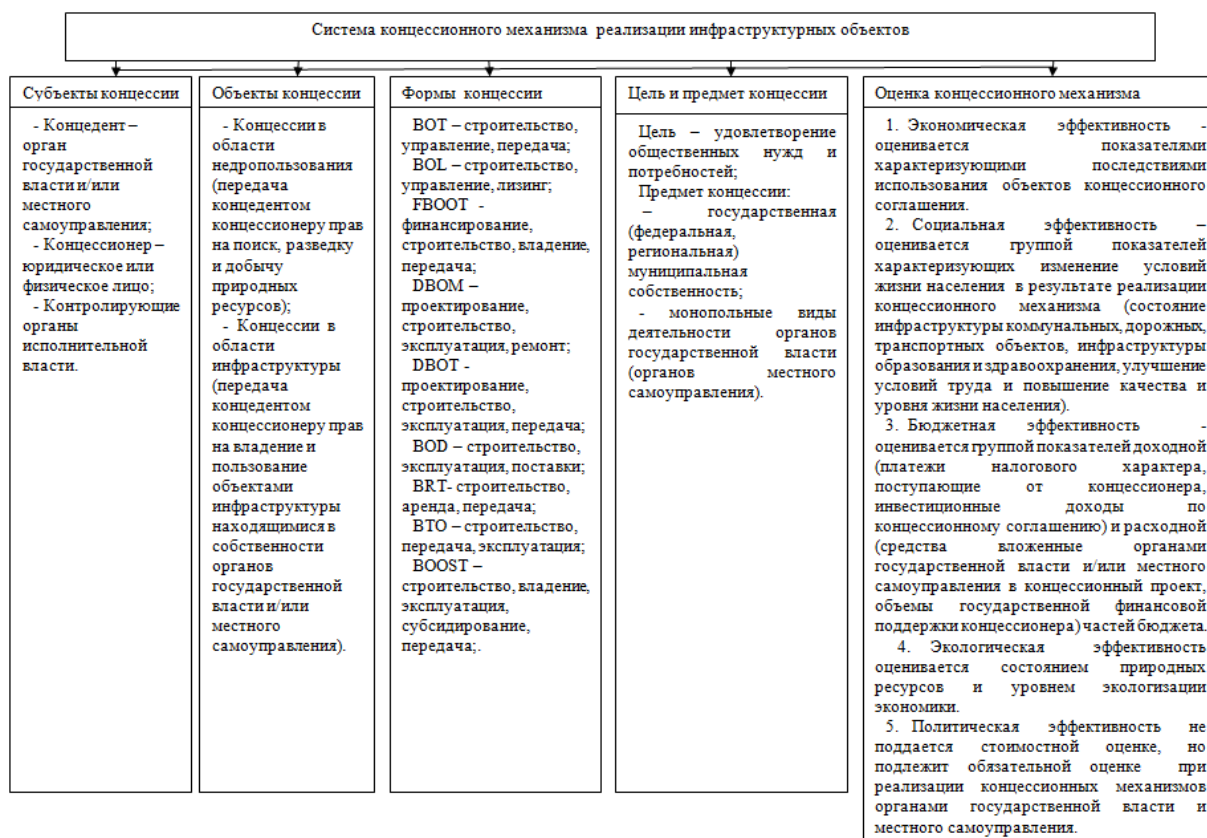

Рисунок 2 – Система концессионного механизма

- реализация концессионного механизма как форма взаимодействия власти и бизнес структур позволяет обеспечить модернизацию и рост социально-экономической эффективности эксплуатации инженерной, коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры, что в конечном итоге решает комплексные задачи по обустройству территорий и повышению качества и уровня жизнедеятельности населения в регионах, формированию благоприятного делового климата и созданию инфраструктуры для стимуляции деловой активности.

Считаем необходимым обозначить, что реализация инвестиционных проектов посредством концессионного механизма не является самоцелью регионального развития, основная задача заключается в обеспечении социально-экономического роста при обеспечении экономической и бюджетной эффективности, в обеспечении прав и свобод граждан, повышении качества и уровня жизни населения, формировании и развитии благоприятного инвестиционного климата выделении «точек роста» региональных экономик, что является актуальной задачей для развития экономик всех стран и особенно актуально в период стагнации или экономического кризиса.

Обозначим, что выработка и внедрение государственного инструментария финансового развития территорий не характеризуется системностью разработки и реализации и, как правило, ориентированы отраслевой принцип государственной поддержки и бюджетное финансирование не учитывающее ресурсный потенциал и текущие потребности, инфраструктурную составляющую и территориальную агломерацию, а так же вектор социально-экономического развития, что приводит к необоснованному росту бюджетных расходов по реализуемым программам, и в конечном итоге снижению эффективности инфраструктурных объектов и, как правило, стагнации региональной экономики.

С целью подтверждения вышеобозначенной гипотезы о необходимости выработки и реализации государственного инструментария финансового регулирования регионального развития считаем целесообразным разграничить инструментарий применяемый для территорий со средним уровнем социально –экономического развития и транслирующим восходящий тренд и на территории депрессивного развития транслирующих нисходящий тренд или без тренда.

Так, для территорий опережающего развития целесообразно применение комбинированного инструментария сочетающего в себе как бюджетные инструменты (адресные субсидии на возмещение затрат при создании промышленных и технопарков, выделяемые в порядке перераспределения из средств федерального бюджета), налоговые инструменты (в части льготирования, что позволит диверсифицировать механизмы с высоким уровнем риска и потенциальной финансовой ответственностью региона), а так же возможность выкупа объектов по рыночной стоимости с учетом реальной стоимости инфраструктурной площадки.

Для депрессивных территорий механизм предоставления государственной финансовой поддержки целесообразно ориентировать на фактические значения и их динамику по следующей группе показателей (индекс бюджетной обеспеченности; объем государственного долга территорий; динамика собственных доходов бюджета территорий и динамика бюджетных трансфертов; динамика кредиторской задолженности по обязательствам консолидированного бюджета РФ) индикативные значения которых позволят несколько ограничить права высокостатусных территорий на бюджетные трансферты, в принятии решений о предоставлении льгот и преференций без учета экономической целесообразности их предоставления (потенциально-убыточным хозяйствующим субъектам, хозяйствующим субъектам – естественным монополистам и пр.) и социальной значимости.

Считаем, что реализация данного механизма позволит нивелировать уровень дифференциации социально-экономического развития территорий и повысить качество и результативность реализации государственной финансовой политики.

1. Федеральный закон от 21.07.2005 N 115-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "О концессионных соглашениях" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2017).
2. Писаренко К.В. Методология управления социально-экономическим развитием регионов на основе сглаживания финансовой дифференциации. Монография, Краснодар 2019г. ISBN: 978-5-91020-040-5

Israilova E., Panasenkov V.

The place of the Russian Federation in the world economy

Rostov State University of Economics (RSUE)

(Russia, Rostov-on-Don)

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-27

ids: scienceconf-25-12-2019-27

Abstract

The article is considering the main trends of the development the modern world economy and the directions of the global economy in which the positions of Russia are the strongest. The government activities are considered in a segment of social and economic development and enhancing its role in the world economy.

Keywords: global trade, world economy, global economy, forecast.

Nowadays the positions of the Russian Federation in the world economy do not demonstrate tendency for a significant strengthening. According to the Central Bank forecast, by the end of 2019 there will have been the growth of the GDP of Russia, but not more than for 1,3%, which is extremely small amount for the economy that is considered to be growing. A direct consequence of the low growth of economy is that currently the positions of Russia in the world economy are being taken by the other players.

In the first table there is information about the places of Russia in the world economy for producing the particular goods by the end of 2016 [3].

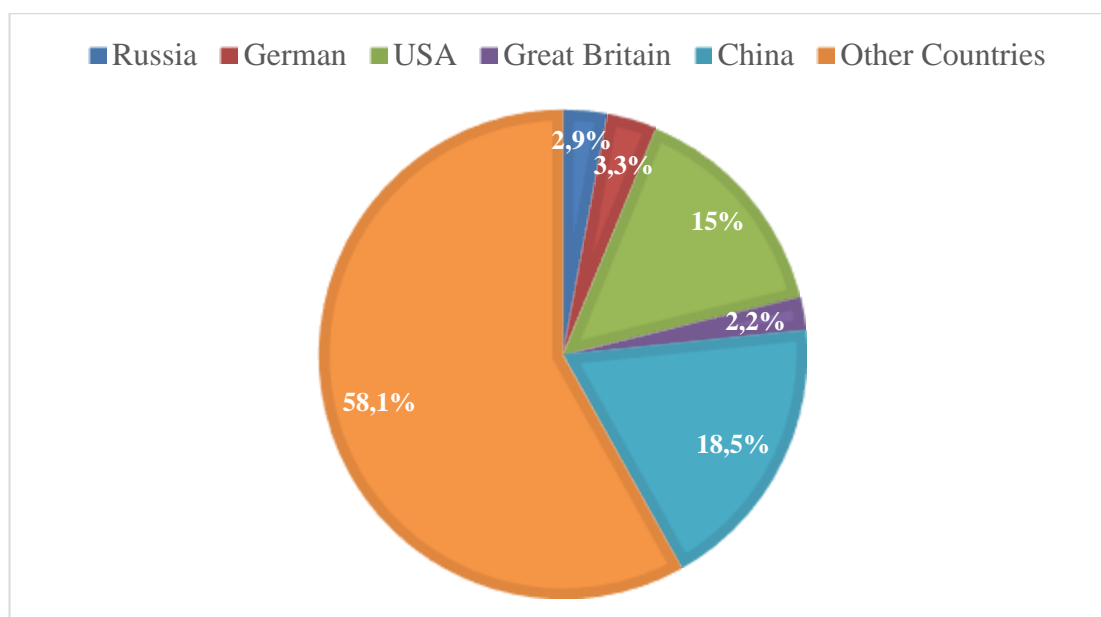
Table 1

The places of Russia in the world economy for producing the particular goods by the end of 2016 (RosStat) [3]

Industrial and agricultural products.	The place taken by Russia
Sugar beat	1
Oil, gas condensate, natural and associated gas	2
Potato	3
Electricity, cast iron, livestock and poultry, grain and crops	4
Wood and steel	5
Charcoal	6
Cotton and milk	7
Hydraulic cement	8
Wool, leather-top shoes	12
Paper and cardboard	13
Light vehicles (including assembly)	14

As it can be distinguishes from the Table 1, top five places are traditionally devoted to agricultural sphere and mining extraction.

The data of Russia's share in the world GDP is shown in the picture 1.

Pic 1 – Data of Russia's share in the world GDP by the end of 2018.

As it is shown in the diagram, only Britain is conceding to Russia.

In the Russian Federation since 2013 the share of population under the poverty line has increased. This negative trend cannot be eliminated completely because the requirement for this outcomes is a rapid growth of economy, which is unattainable aim today. For example, in 1970th USSR had almost the tenth of the world GDP because of realizing all the scientific and production potential. In contrast, now this index does not exceed even 3%. China since 1970th could have increased own share in the world economy fourfold for comparison.

At the same time, despite the presence of the negative trends, Russian economy has a strong potential to develop. A very special place will be occupied by the development of individual branches which are industry-related and high technology oriented and development of the particular regions [1]. Currently, the role of Russian Federation entities in achieving the tremendous pace of social and economic development of the country and improving the well-being of populations is sharply increasing [2]. The federal level of forming the conceptual program of developing the economy supposes the creation of the basis of its realization, while the same programs created in the regions are detailed in view of the development potential and specific characteristics of each particular region.

To conclude, nowadays the strategical planning of step-by-step developing the economy and increasing the share of Russian Federation in the world GDP is a very relevant task, solving which may lead to forward-looking economic development and improving the well-being of the population. Building on the modern principles of the strategic management, domestic traditions of forecasting and extensive use of innovative technologies, the development toolbox of country's economy in general should be based on long-term programs of socio-economic development of the Russian Federation entities, the realization of which will define the success of the regional achievements on the national and international levels.

1. Marshova T. N. Principles of forming the statistical data for analyzing and forecasting the socio-economic development // Economic and socio-humanitarian researches. – 2017. – № 2. – Pg. 25-36.
2. Ribalkina Z. M., Tuskov A. A. Development trends of the industrial area in the Russian Federation // Regional economy: theory and practice. – 2018. – № 8. – Pg. 15630-1575.
3. International benchmarking / Information from the official website of the Federal State Statistic Service [electronic information database] // http://www.rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/icstatistics/incomparisons/# (date of request: 22.10.2019).

РАЗДЕЛ VI. ПЕДАГОГИКА

Панфилова А.П.¹, Сычёва С.М.²

Педагогические риски и перспективы интерактивного взаимодействия в образовательном процессе

¹РГПУ им. А.И. Герцена
(Россия, Санкт-Петербург)

²Детский технопарк «Кванториум»
(Россия, Всеволожск)

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-28

ids: scienceconf-25-12-2019-28

Аннотация

В данной статье описана диагностика процесса и результатов обучения студентов актуальной для современной практики менеджмента интерактивной компетентности через игровое обучение, предьявляющее необходимость развивать игротехнические компетенции и коммуникативные навыки у самих обучающихся, для профилактики педагогических рисков и достижения планируемых образовательных целей. В статье прописано также, что игровое обучение предьявляет новые требования к преподавателям, а именно: необходимость специальной игротехнической и коммуникативной подготовки, развития навыков обучения с помощью навигационной карты игровых занятий, и анализа всей коммуникативной цепочки обучения от диагностики на «входе» до анализа образовательных результатов «на выходе», проанализированы педагогические риски и перспективы обучения с их минимизацией.

Ключевые слова: педагогические риски, интерактивная и игротехническая компетентность, коммуникативная маршрутная карта, интенсивный инструментарий, синергия, групповое принятие решения, манипулирование, эмоциональное и когнитивное взаимодействие, брейнрайтинг.

Abstract

This article describes the diagnosis of the process and results of teaching students relevant to the modern practice of managing interactive competency through game learning, which makes it necessary to develop gaming technical competencies and communication skills for the students themselves, to prevent pedagogical risks and achieve planned educational goals. The article also states that game learning presents new requirements for teachers, namely: the need for special game-technical and communicative training, the development of learning skills using the navigation map of game classes, and the analysis of the entire communicative training chain from diagnosis at the “entrance” to the analysis of educational results "At the exit", the pedagogical risks and prospects of training with their minimization are analyzed.

Keywords: pedagogical risks, interactive and gaming competence, communicative route map, intensive tools, synergy, group decision making, manipulation, emotional and cognitive interaction, brainwriting.

Актуальность проблемы. Личность человека, как основная социальная ценность, сегодня в обществе оценивается как значимый ресурс, как человеческий капитал, требующий инвестиций для развития, для сохранения здоровья, постоянного обучения компетенциям, а также для управления интеллектуальной собственностью и знаниями. В связи со сказанным, стала востребованной интерактивная компетенция, а именно, развитие у менеджеров организаций коллективного анализа ситуаций и принятия групповых решений, эффективного командного взаимодействия. Не случайно в своем докладе о развитии образования в XXI столетии глава Комиссии по образованию

«Learning: The Treasure Within» обозначил ключевые для современного образования компетенции, а именно: научиться жить вместе, то есть как раз речь идёт о развитии интерактивных компетенций у будущих специалистов, чтобы «научиться жить и работать вместе» [1].

По мнению специалистов в сфере педагогики и менеджмента, интерактивные компетенции, как правило, связаны с управлением взаимодействием членов коллектива, команды, индивидуальным и групповым стилем коммуникации, ролевым участием. Потребность в командной деятельности вызвана разными причинами. Среди них значимо то, что реальная профессиональная действительность, постоянные её изменения, появление новых тенденций, усложнение проблем не позволяют отдельным людям, даже компетентным и талантливым, упреждать, отслеживать и прогнозировать перемены и новые проблемы, профилируя или, хотя бы смягчая возможные риски и негативные последствия. В то же время, наукой и практикой доказано, что применение командной формы взаимодействия связано с позитивными возможностями: члены команды заинтересованы в принятии группового решения, а при конструктивном взаимодействии, сотрудничестве, порой, достигают даже синергического результата, который рассматривается в словаре иностранных слов как возрастание эффективности деятельности в результате интеграции, слияния отдельных частей в единую систему - за счет, так называемого, системного эффекта [2. С. 456, 584]. Вместе с тем, известно также, что для достижения синергического эффекта, участники игровой команды должны обладать такими значимыми характеристиками, как умение взаимодействовать с другими членами команды и правильно использовать личностные и групповые интеллектуальные и креативные ресурсы. Эти особенности командной работы как раз и стали причиной того, что современные службы персонала и менеджеры считают ключевой компетенцией специалиста - умение работать в команде, так как именно командная форма взаимодействия сотрудников повышает мобильность и конкурентоспособность организации, позволяет разрабатывать новые стартапы и эффективно их внедрять. Кроме того, интерес к командной работе связан с эмоциональной сферой людей. Не случайно команды, ролевые подходы, тренинги изучали, прежде всего, социальные психологи, а сегодня проблемы командообразования интересуют самых разных учёных и практиков в сфере педагогики, психологии, менеджмента, политики, теории организации, управления человеческими ресурсами и др.

Проблемы управления командой, командообразования, обучения сотрудничеству, как показывает анализ, получили осмысление в науке уже во второй половине XX века, а в отечественной науке и практике стали основательно изучаться лишь в новом столетии, но многие проблемы и сегодня остаются недостаточно разработанными и дискуссионными. К таким проблемам можно отнести интерактивную функцию и компетенции, а также новые роли специалистов, образовательные трудности. Уделяя много внимания теории и практике создания команд и управлению ими, учёными практически не исследована проблема рисков при осуществлении интерактивной функции и при игровом обучении. Вызвано это тем, что на эффективность командной работы, как в профессиональной, так и в образовательной среде влияют три ресурсных фактора: человеческий, информационный и организационный. Человеческий фактор связан с личностными характеристиками, компетенциями, мотивацией, которые необходимо постоянно обновлять и развивать. Информационный ресурс позволяет вырабатывать конструктивные решения и программы их реализации, однако, многие специалисты не успевают получать инновационную информацию и не всегда квалифицированно её анализируют и используют, а организационный фактор связан не только с проблемами менеджмента, лидерства, но и с такими ролями, как коммуникатор, модератор и фасилитатор, влияющих на эффективное взаимодействие членов команды и реализацию планируемых целей и задач. Эти роли, как показывает анализ исследований

применительно к командообразованию, весьма мало изучены и на практике такая терминология популярна, но, как правило, неадекватно применяется.

Постановка цели. В связи со сказанным, в данной статье анализируется опыт интерактивного взаимодействия в образовательном процессе при обучении коммуникации, командообразованию и сотрудничеству будущих менеджеров социальной сферы и на его основе прописываются потенциальные и реальные педагогические риски и перспективы их преодоления. Для реализации этого подхода и доказательства образовательной результативности дидактического эксперимента по развитию интерактивной компетенции при обучении студентов менеджменту, в рамках научно-педагогической школы А.П. Панфиловой «Интенсивные технологии как эффективный инструмент развития профессиональных компетенций будущих менеджеров», был разработан и апробирован в группах бакалавров методический комплекс интенсивных технологий, включающий цели, задачи, инструкции, блок-структуры игр, техники погружения и выгрузки, виды обратной связи, тестирование «на входе» (перед играми) и на «выходе» после игры. В рамках «разбора полётов» по результатам включённого наблюдения, тестирования и послеигровой дискуссии, осуществлялся всесторонний анализ рисков и упущений, трудностей и возникающих по ходу игрового обучения проблем и затем подводились итоги образовательной результативности. На занятиях применялась также технология брейнрайтинга, введённая учёными Института Баттеля во Франкфурте, которая позволила выработать достаточно большое количество идей, для профилактики и предупреждения рисков при игровом обучении, которые затем были интегрированы в более крупные проблемы (по признаку идентичности) и затем в режиме игрового моделирования были разработаны некоторые идеи и рекомендации для совершенствования процесса инновационного обучения [3. С.236-237].

Результаты исследования. Профессиональная управленческая работа, как правило, связана с разнообразной письменной и устной деловой коммуникацией и с необходимостью принимать управленческие решения, привлекая к этой деятельности ведущих специалистов организации. В связи со сказанным, подготовка менеджеров социальной сферы, умеющих взаимодействовать и управлять контактами с разными деловыми партнёрами, актуализировало и новую образовательную парадигму, построенную на гуманистических принципах, на внедрении компетентного подхода в процесс коммуникации, что, как неоднократно доказано исследователями, приносит выигрыш всем участникам взаимодействия [4]. Однако, как свидетельствует практика, эффективное взаимодействие предполагает развитие у участников групповой работы интерактивных компетенций, включающих многообразные умения и навыки работы в команде, а также инновационные роли для тех, кто организывает групповое обучение, такие как:

- диагностику и оценку личностного потенциала членов команды, определение их репрезентативных каналов и эффективное их использование с помощью вербальных и невербальных ключей доступа (функции психолога-исследователя);
- адекватное распределение ролей в команде и при необходимости взятие на себя лидерства, гибкое применение стратегий сотрудничества и партнёрства (функции эдвайзера);
- управление интеллектуальной и поведенческой деятельностью членов команды, групповым принятием решений (функции фасилитатора, модератора);
- ведение групповой и межгрупповой дискуссии, владение техниками ведения спора, аргументацией и контраргументацией (роль спикера);
- создание в команде доброжелательной атмосферы и благоприятного климата для реализации методов креативности участников, использование конструктивной критики (функции тренера, игротехника);

- разрешение спорных и конфликтных ситуаций, обучение сотрудничеству (реализация функций фасилитатора, конфликтолога (медиатора));
- умение добиваться образовательных целей, достигать высокого синергического эффекта, а также формулировать коллективные результаты (исполнение функций преподавателя, аналитика);
- способность постоянно поддерживать обратную связь с участниками игрового занятия с помощью вопросов и ответов, а в заключении с помощью послеигровой дискуссии, шеринга, рефлексии, деролинга или дебрифинга [5, С.29-34; 6.С. 15-16].

Несомненно, такие инновационные функции и профессиональные роли требуют от преподавателей высшей школы не только психологической готовности к применению интерактивных технологий, средств и инструментов обучения, но и принципиально новых компетенций, а именно, игротехнических. Прогрессивные специалисты в сфере вузовской педагогики отмечают, что современная образовательная деятельность - это двусторонний процесс, в котором студент, как и преподаватель, является активным субъектом деятельности, партнёром, а задача обучающего не «захватывать» всё коммуникативное пространство, не демонстрировать единоначалие, а использовать многообразные техники для установления с обучаемыми равноправных, субъектно-субъектных отношений, организовывать конструктивное взаимодействие, построенное на основе сотрудничества и равноправия [7]. Представляется, что такое представление об образовательном процессе свидетельствует о том, что инновационность современной системы образования проявляется теперь не только в использовании новых компетенций, технологий и форматов, но и главное в том, что сами преподаватели при игровом обучении также включены в образовательный процесс, чтобы не только обучать студентов, но и для того, чтобы самим учиться, осваивая новые игротехнические компетенции. Как показывает практика, именно слабая подготовка современных педагогов к новой миссии, связана в большей степени с трудностями и рисками.

При интерактивном взаимодействии в образовательном процессе обучения в команде ускоряется за счет интенсивного обмена информацией между участниками, их знаниями и конструктивной, а порой, и деструктивной полемикой с аргументами и контраргументами, которые, независимо от желания участников занятия, вызывают потребность размышления, анализа, интерпретаций, постановки вопросов, установления обратной связи для понимания сказанного, требование дополнительных фактов и доказательств, порождающих порой не только споры, но и конфликты мнений. В интерактивном образовательном процессе такое интенсивное обучение и коммуникативное развитие, как известно, поддерживается и ускоряется благодаря обмену разными подходами и точками зрения участников взаимодействия, а также комментариями и оценками компетентных судей из числа студентов, командными оценками друг друга и подведением итоговых результатов (достижений и трудностей) игрового занятия самим преподавателем [8. С. 904].

Игровая практика убедительно доказывает, что кроме тех или иных коммуникативных и аналитических достижений, проявляющихся в новых компетенциях и в развитии умений работы в команде, такой процесс взаимодействия связан с разнообразными рисками, выявленными нами за несколько лет изучения проблемы. Это, прежде всего, ненужные затраты времени за счёт ведения спора по технологии «ad hominem - к мнению», уход от обсуждаемой темы в другую проблематику, невозможность договориться и принять, если не консенсусное, то хотя бы компромиссное групповое решение. Кроме того, при низком уровне эмоциональной культуры участников занятия возможны межличностные и (или) межгрупповые конфликты, деструктивная коммуникация, что, в свою очередь, может привести к снижению мотивации к обучению в игровом режиме и дискредитации игровой технологии, а иногда и репутации

преподавателя, а также переносу возникших профессиональных трудностей на неформальные межличностные отношения.

Кроме того, риски зачастую связаны и с низким уровнем игротехнической компетенции преподавателя, не владением им функциями модератора, фасилитатора, эдвайзера, коммуникативной и психологической неграмотностью, порой не позволяющей справиться с конфликтной ситуацией на занятиях. Немаловажную роль в рисковом взаимодействии играет авторитарный стиль управления и настаивание на своей (единственно правильной) точке зрения самим педагогом.

Из сказанного, очевидно, что в целом речь идёт о риске недостаточности качества подготовки специалистов для системы высшего образования. Вместе с тем, как свидетельствуют опыт интерактивного обучения и анализ управленческой практики, перечисленные компоненты качества образовательных услуг наиболее важны для будущих менеджеров, и поэтому, в первую очередь, необходимо не только констатировать или даже профилировать риски, но и уметь определять величину рисков, связанных с этими составляющими.

Кроме перечисленного, интерактивному обучению препятствуют также риски отсутствия в вузе условий для интерактивного развития профессиональных, личностно-психологических качеств. К ним можно добавить отсутствие специальных помещений для проведения игр (с мобильной мебелью, разнообразными современными техническими средствами); неудобное расписание, не позволяющее при необходимости соединять пары часов; несовершенная система ресурсного обеспечения образовательного процесса; несоответствие современным требованиям применяемого вузом учебно-методического обеспечения и информационных средств для интерактивного образовательного процесса. Серьёзным препятствием для обучения педагогов высшей школы новым компетенциям и ролям является отсутствие системы стимулирования преподавателей (владеющих игротехнической компетентностью, сертифицированных тренеров), отсутствие в отчётных документах графы по применению интерактивных технологий, не смотря на требования учебных планов по бакалавриату и магистратуре, что, несомненно, снижает их мотивацию к освоению игротехнической компетенции. Негативно влияет на распространение игрового обучения также не отработанная система оценивания образовательных результатов игрового занятия и многое другое.

Всё сказанное, вызывает риск низкого развития, как профессиональных компетенций обучаемых, включающих коммуникативные и интерактивные компетенции, так и развития личности будущего специалиста, что, в свою очередь, влечет за собой риск организации или компании, в которую он будет принят на работу, связанный с недостаточным уровнем профессиональных и личностно-психологических качеств сотрудников и руководителей, неэффективное командное взаимодействие, слабо развитое умение принимать совместные управленческие и профессиональные решения, и как следствие, деструктивная коммуникация, негативно влияющая на организационный климат, корпоративную культуру и имидж. Организация, принимающая на работу выпускников вузов, которых не обучали с помощью игровых технологий, или пытались обучать не квалифицированные педагоги, может столкнуться со следующими элементарными рисками, которые также отмечают специалисты по качеству высшего образования:

- отсутствие у выпускников достаточных теоретических знаний, к тому же из-за нарастания темпа социальных изменений происходит быстрое устаревание транслируемого знания;
- отсутствие у выпускников достаточного практического опыта (порой, боязнь реальных практических ситуаций) и навыков командной работы;
- неразвитость у выпускников личностных качеств, необходимых для успешного исполнения профессиональных обязанностей,

- низкий уровень коммуникативной и организационной культуры, неэффективный выбор поведенческих сценариев в ситуациях конфликта мнений;
- низкая работоспособность и адаптивность выпускников, проблемы с внедрением инновационных стратегий, стартапов и технологий, порождающие демотивацию [9. С. 46-59; 10. С 1-4].

В то же время, если рассматривать современный процесс обучения как изменение поведения и профессиональной деятельности за счёт приобретения новых компетенций и опыта, а в нашем случае – интерактивное обучение групповому взаимодействию с минимизированием рисков, то представляется необходимым, прежде всего, интерактивное обучение действием, обучение на опыте, предложенное Джоном Дьюи, и сформулированное Дэвидом Kolbom в 80-е годы прошлого столетия, а также адаптивное обучение, включающее в себя действие, обратную связь и синтез [11; 12]. Практикой, в том числе зарубежной, доказано, что именно интерактивное обучение с помощью игр, тренингов, кейсов, разыгрывания ситуаций в ролях, игрового проектирования и мозговых штурмов предполагает постоянное экспериментирование, порой связанное с педагогическими рисками при апробации новых идей, творческих задумок; совершение в моделируемой ситуации проб и ошибок и затем их многоаспектный анализ; изменение и коррекцию образовательных и развивающих целей и задач, а также разработку новых идей, программ и проектов [13. С. 53-73].

Анализ моделируемой практики интерактивного обучения показывает, что именно при таком подходе превалирует открытое полилоговое взаимодействие, потребность в совместной работе, необходимость исследовательской деятельности и активный информационный обмен. Кроме того, квалифицированное использование интерактивных технологий в процессе группового обучения и развития, позволяет преподавателю разбить коммуникативный процесс при обсуждении проблемы группой на несколько этапов. Это дает ему возможность проследить движение передаваемой информации, весь её маршрут от первичного замысла до деятельностного применения, включения (или не включения) в систему понимания и формирования установок участников на использование эффективных стратегий взаимодействия при принятии коллективного решения: от постановки цели, структурирования, проблематизации до внутригрупповой дискуссии, поиска вариантов решения, их экспертиза, выработка и принятие и далее, при необходимости, разработка проекта и его публичная презентация от каждой команды и затем оценка и анализ полученного результата [14].

Выводы. Таким образом, многолетний опыт интерактивного обучения студентов, позволяет предположить, что групповая организация учебного процесса с использованием интерактивных технологий – это, несомненно, адаптивный и эффективный инструмент обучения, являющийся одним из ключевых составляющих современного высшего образования и, не смотря на педагогические риски, преимущества его высоки. Для минимизации педагогических рисков, в связи со сказанным, важно понимать, что роль преподавателя меняется, границы между ним и обучаемым становятся прозрачными, что и способствует в большей степени партнёрским отношениям и равноправию. Такому стилю обучения, несомненно, нужно учиться, осваивая инновационные функции и роли.

При таких условиях возрастает роль самих обучаемых, участвуя уже не только в получении готового знания, но и самостоятельно осуществляя его поиск, анализ, развитие и на его основе вырабатывая групповое решение, они развивают свой ресурсный потенциал (капитал), что влияет на мотивацию в обучении и помогает каждому участнику максимально раскрыть себя, приобрести и продемонстрировать свои индивидуальные возможности и компетенции (организационные, интеллектуальные, лидерские, коммуникативные, интерактивные), что способствует развитию ассертивности

и уверенности в себе. Такой человеческий капитал востребован цифровой экономикой и способен приносить прибыль организации и удовлетворение деятельностью.

1. Делор Ж. Образование: скрытое сокровище/Ж. Делор – ЮНЕСКО, 1996. - 46 с.
2. Словарь иностранных слов /11-е изд. – М.: Русский Язык, 1984. - 608 с.
3. Панфилова А.П. Мозговые штурмы в коллективном принятии решений: учебное пособие /- 5-ое изд. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 320 стр.
4. Компетентностный подход в педагогическом образовании: монография /под ред. В.А. Козырева, Н.Ф. Родионовой, А.П. Тряпицыной. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 392 с.
5. Панфилова А.П. Компетентностный подход в развитии навыков коммуникации. Человек и образование. №4 (29) - СПб: АВ ИОВ РАУ, 2011. С. 29-34. (ВАК)
6. Инновационное управление человеческими ресурсами в образовательных учреждениях: учебно-методическое пособие. /Под ред. проф. А.П. Панфиловой и проф. С.Ю. Трапицына. – СПб: -РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – 370 с.
7. Панфилова А.П., Долматов А.В. Взаимодействие участников образовательного процесса. Учебник для бакалавров /Под ред. А.П. Панфиловой /4-ое изд. - М.: Издательство Юрайт, 2017.- 487 с.
8. Сычева С.М. Контент-анализ технологий и методик обучению предпринимательству за рубежом //Экономика и предпринимательство. - 2016. - №1 ч.2. (ВАК).
9. Щеглов П. Е. Качество высшего образования. Риски при подготовке специалистов / П. Е. Щеглов, Н. Ш. Никитина // Университетское управление: практика и анализ. - 2003. - N 1(24). С. 46-59;
10. Мотышина М.С., Шарипа О.Г. Особенности рисков инновационной деятельности вузов // Образование и наука. 2014. № 1 (4) С. 1 – 4.
11. Kolb D.A. Experiential Learning: experience as the source of learning and development. New Jersey: Prentice-Hall, 1984;
12. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления / пер. с англ. Н. М. Никольский/ – М.: Совершенство, 1997.- С.192.
13. Сычёва С.М. Технологии формирования бизнес-идеи. Методы оценки бизнес-идеи. учебно-методическое пособие / под ред. проф. А.П. Панфиловой, д.э. н. Н.А. Логиновой – СПб: Медианапир, 2018. – 262 с.
14. Панфилова А.П. Навигационная карта проведения занятий с применением интерактивных технологий обучения. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук (научный журнал №51 апрель 2013). М.: 2013. С. 377-383.

Пузырева О.Г.

Авторский учебно-беллетристический текст для иностранной аудитории на уровне владения русским языком В1-С1 в аспекте применения художественно-педагогических технологий

*ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-29

idsp: scienceconf-25-12-2019-29

Abstract

The article introduces the main typological definitions of the author's educational and fiction text of the teacher for a foreign audience at the level of proficiency in Russian B1-C1 in the aspect of its intentionality and the use of artistic and pedagogical technologies. Special attention is paid in the article to the description of such an integral definition of this text as the art-plastic "score" of the characters.

Key words: author's educational and fiction text for foreign audience, level of Russian language proficiency B1-C1, typological definitions of the text, intentionality of the text, artistic and pedagogical technologies, art-plastic «score» of characters.

В современной методике преподавания русского языка как иностранного текстоориентированный подход является одной из наиболее значимых и перспективных новаций. В связи с этим данная статья содержит описание типологических дефиниций авторского учебно-беллетристического текста, созданного преподавателем для

иностранной аудитории на уровне владения русским языком В1-С1. Предлагаемый текст является неразрывным единством художественного и обучающего аспектов. Поэтому к его первостепенным типологическим дефинициям относится специфический характер авторства, который тесно связан со спецификой интенциональности данного текста. Невзирая на множество существующих сегодня философских, лингвистических и даже психотерапевтических определений интенции речевого высказывания и интенциональности текста, все исследователи (Е.В.Вострикова, И.М. Кобозева, Е.И. Кириллова, А.П. Загнитко, Н.С. Цветова, О.К. Андрющенко, М.С.Торосян, А.В.Родионова, Н.Н. Журавлева и другие) сходятся в том, что интенция и интенциональность являются свойствами, органично присущими человеческому сознанию; что это особенность эстетического восприятия и атрибут коммуникативного взаимодействия между автором и читателем, а также принадлежность идиостиля. Из этих универсальных постулатов мы и будем исходить, раскрывая специфику интенциональности авторского учебно-беллетристического текста написанного преподавателем для иностранной вузовской аудитории.

Прежде всего следует отметить, что подобный текст возникает как точка пересечения двух взаимодействующих сторон создающей его личности: творческой личности автора и профессиональной личности преподавателя и педагога. Поэтому интенциональность такого текста является сложной комплексной дефиницией, включающей в себя как авторские, так и методические интенции.

Авторские интенции учебно-беллетристического текста преподавателя обусловлены теми личностными аспектами сознания, которые нацелены на осуществление творческого замысла и на создание художественного произведения: а) автор стремится через создаваемый им текст быть понятым читателями в своей человеческой индивидуальности – с особенностями её эмоционального мира и ценностно-этическими предпочтениями; б) автор надеется, что посредством своего текста он будет также понят и позитивно воспринят читателями в качестве носителя русской культуры, и рассчитывает на безошибочное распознавание ими текстовых коннотаций, связанных с любовью и уважением к России и к русской культуре; в) предполагает достигнуть с помощью своего текста эстетического паритета с читателями и верит, что его текст будет способствовать осуществлению «успешной эстетической коммуникации «автор – читатель» [14].

К художественным средствам воплощения авторских интенций в нашем тексте относится, во-первых, цикличность повествования. Произведение озаглавлено так: «Несколько личных портретов на фоне московского неба, или Повесть с нестрогим сюжетом». В него входят семнадцать сюжетных эпизодов, каждый из которых можно читать и обсуждать с иностранными учащимися как самостоятельную новеллу. Сквозной героиней цикла является москвичка Алина, alter ego автора. То, как она воспринимает людей и события, как относится к семье, природе, родному городу, искусству, какие у неё нравственно-смысловые приоритеты бытия, - все эти обстоятельства оказываются тем объединяющим условием, при котором происходит реализация цикличности данного художественного замысла.

Главная идея цикла акцентирована уже в заглавии словосочетанием «несколько портретов», а затем – в эпитафии, которым стала первая фраза рассказа И.А. Бунина «Сны Чанга» (1916): «Не всё ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле» [5: 107]. Если использовать выражение Л.В.Чаловой, то в нашем тексте «личностное начало актуализировано» прежде всего «через художественный портрет» [22]. А мысль Бунина о самоценности и неповторимости каждой человеческой судьбы одновременно подчёркивает и тот факт, что личностное начало в человеке актуализируется только тогда, когда он связан с другими людьми и для кого-то интересен; когда его судьба вызывает отклик и сочувствие у другого человека. Таким образом,

основное содержание цикла составляет диалогическое взаимодействие человеческих индивидуальностей – через эмоцию, слово, поступок, - а также душевно-духовная взаимосвязь с лучшими образцами русского и мирового искусства как одна из сущностных характеристик человека культуры (*homo culturae*).

Важную сюжетно-повествовательную и эмоционально-эстетическую роль играют в цикле образ Москвы и её городские ландшафты, включая вид из окна. В новелле «Два снегопада», наряду с Москвой, присутствует образ белорусского города Полоцка; в новеллах «Фея из Пятигорска» и «Лермонтов» - тема Пятигорска, во втором произведении есть также образ Санкт-Петербурга, который в годы юности героини назывался Ленинградом; в новелле «Детство никуда не уходит» - образ Ярославля. Академик РАН С.Э. Вомперский справедливо замечает, что ландшафт относится к числу наиболее значимых внешних объектов, которые формируют ментальность, то есть образ восприятия жизни, - как у отдельного человека, так и у нации в целом [23]. В предлагаемом цикле ландшафт эмоционально опосредован отношениями героев, их душевными движениями и впечатлениями. Поэтому и для иностранных учащихся Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Полоцк, Пятигорск как социокультурные и пространственные реалии тоже становятся понятнее и притягательнее.

Персонажи нашего цикла – это представители не только русской, но и других культур: украинской, польской, немецкой, американской, китайской, вьетнамской. Культурно-эстетические номинации и аллюзии, содержащиеся в текстах новелл, помимо русских источников, включают в себя итальянские, испанские, австрийские, английские, немецкие, французские, индийские, китайские, японские, арабские источники.

Поэтику цикла отличает также присутствие в художественном пространстве текста известных личностей: государственных деятелей, представителей творческой сферы – писателей, артистов, режиссёров, скульпторов и т.п.; учёных, спортсменов, мультимедийных лиц.

Одна из важных типологических дефиниций предлагаемого учебно-беллетристического текста касается его стилистических особенностей. Как уже упоминалось в самом начале статьи, данный текст является неадаптированным в современном расширенном понимании. Поэтому его органической особенностью является то, что он пишется так, как пишется, - в соответствии с аксиологическими приоритетами речевого сознания автора и его индивидуально-эстетическими языковыми предпочтениями. Термин «речевое сознание» применён нами к литературной сфере на основе развития суждений Ф.-Г. Юнгера о соотношении языка и речи: в то время как язык, по мнению философа, является всеобщей человеческой потребностью, речь – это глубоко индивидуальная «доля» говорящего в языке, раскрывающая отношение личности к понятиям, характер человека и стиль его жизни. Поэтому «ни один говорящий не говорит так, как говорят другие» [24: 79-80]. Исходя их данных утверждений, в нашем авторском тексте можно констатировать наличие «идиостиля» (Ю.Н. Тынянов), характерными приметами которого являются: 1. Большое количество эпитетов. 2. Антитеза и повторяющаяся смена эмоциональных регистров: лирического, трагического, анекдотического. 3. Присутствие таких сквозных мотивов, как счастливое детство, память о личном и семейно-родовом прошлом, об историческом прошлом Отечества; обострённое восприятие красоты мира и тема искусства; точки соприкосновения национальных и общечеловеческих ценностей; стремление разобраться в вечных вопросах бытия. 4. Большое число эксплицитных и имплицитных литературных аллюзий. 5. Наличие метафор-олицетворений, а также символов: а) относительно легко распознаваемых, имеющих сходную идейно-смысловую интерпретацию в различных культурах или относительно чёткую национально-культурную семантику, причём имеется в виду не только русская культура; в нашем тексте это *звёздное небо, закат, лес, море, горы, лошадь, журавль, канарейка, берёза, ива, антоновские яблоки, сирень, пион,*

магнолия и другие; б) основанных на «символической установке сознания» (К.-Г. Юнг), на первообразно-архетипическом эмоциональном переживании, отражающих в тексте индивидуально-творческий путь познания мира и авторскую художественно-смысловую интерпретацию универсальных символов культуры; в новеллах нашего цикла это *символы детства, советской и постсоветской действительности, христианские символы*; с) предметных реалий как символов декоративно-прикладного искусства; в текстах предлагаемых новелл это *рушник с орнаментальной вышивкой, фигурки слоников для украшения домашнего интерьера, бусы из кобальтового стекла, итальянское зеркало* и другие. 7. Обилие коннотативных языковых единиц и синтаксических конструкций, отражающих: а) различные виды социальных отношений (семейных, дружеских, соседских и т.п.); б) детское восприятие действительности; с) эстетический план человеческого сознания и сферу искусства; d) нравственный план человеческого сознания и сферу этических ценностей; e) эмоционально-психологические состояния человека; f) философское осмысление бытия, связанное, в первую очередь, с ощущением времени и связи поколений; j) сферу религиозного мироощущения и христианских моральных ценностей.

Говоря о неадаптированности нашего текста в аспекте коммуникативной стратегии обучения и имея в виду одну из его основных обучающих целей – формирование социокультурной компетенции, – следует также отметить, что в структуре повествования постоянно используется механизм подтягивания к основному сюжетно-беллетристическому пласту множества дополнительных пластов, цель которых – дать более развёрнутую информацию о какой-либо «ключевой мнеме» (термин И.В. Ружицкого) основного текста, о бытовых, социокультурных, лингвокультурных реалиях, а также о концептах, содержащихся в нём. Эти дополнительные пласты призваны к тому же оформлять самые разнообразные микросюжеты, которые присутствуют практически во всех обучающих блоках, составляющих наш учебно-беллетристический текст в целом: в текстах новелл и социокультурного комментария, в подписном тексте к наглядному материалу, в текстах вопросов и заданий. С функционально-стилистической точки зрения микросюжеты представляют собой фрагменты художественного, социально-бытового или культурно-прикладного описания; научного, научно-популярного, искусствоведческого, философского, публицистического текстов. Это может быть как текст преподавателя, так и другого автора. С одной стороны, микросюжеты тематически связаны с событиями в той или иной новелле; с другой – содержат обширный социокультурный материал на самые разные темы: память о Великой Отечественной войне; первый космонавт планеты Юрий Алексеевич Гагарин; великие имена отечественного искусства; театры, памятники и бульвары Москвы; Московский зоопарк, достопримечательности столицы и других городов России; русские сказки и ментально значимые литературные произведения; российские всенародно любимые телепередачи и художественные фильмы; фигурное катание и бокс в России; отношение россиян к домашним животным; московское граффити; известные российские магазины и товары, а также многое другое. На занятии по практике речи они могут быть использованы как самостоятельные обучающие эпизоды. Микросюжеты часто несут в себе интенсивный коммуникативный посыл, эмоционально апеллируя к читателям, что, по нашему мнению, способствует повышению у иностранных учащихся интеллектуально-познавательной мотивации к изучению русского языка и потребности его речевого практического использования.

Необходимо также остановиться на жанровом своеобразии учебно-беллетристического текста преподавателя. Если рассматривать его структуру с собственно литературной точки зрения, то следует отметить, что получилось специфическое жанровое образование, которое, помимо новеллистичности и цикличности, обладает ещё и такими неотъемлемыми признаками, как повышенная

коммуникативная интенция, носящая одновременно познавательный, эмотивный и эстетический характер.

Обозначение данного повествования как цикла новелл научно подкреплено тем, что его постоянным структурно-тематическим звеном являются эпизоды-анекдоты. Как отмечает Л.И. Семченков, современные российские литературоведы, например, В.И. Тюпа, в поисках первостепенного критерия для определения специфических жанровых особенностей новеллы нередко апеллируют к коммуникативной стратегии анекдота [16: 53]. Опираясь на мысль В.И. Тюпы, а также на суждения М.М. Бахтина относительно методологии изучения эпических жанров, Л.И. Семченков делает вывод о том, что рецептивная компетенция новеллы и анекдот генетически связаны ожиданием «рекреативной компетентности» со стороны адресата, с надеждой на его способность выйти за рамки догматичного восприятия действительности и тем самым расширить пространство своего взаимодействия с непрерывно меняющимся миром [16: 58].

Однако следует также сказать, что, поскольку в целом вопрос о специфических дефинициях жанра новеллы всё ещё остаётся для отечественных специалистов дискуссионным, то и в том жанровом определении, которое мы дали своему учебно-беллетристическому повествованию, слово «новелла» в определённой степени условно. Одни сюжетные эпизоды цикла, такие, например, как «Сон Алины» и «Я только хотел посмотреть, как устроен магнитофон», максимально приближаются к жанру новеллы в его традиционном понимании – с преобладанием сюжетно-фабульных элементов над описательными, с атмосферой таинственности и нарастающего эмоционального напряжения, с детективно-сюжетными элементами и неожиданной развязкой. В других совмещаются характерные элементы жанра новеллы и лирической прозы («Лидия Александровна и сирень», «Фея из Пятигорска», «Если не я, то кто?..», «Лермонтов»). В новелле «Лермонтов» ослабленность сюжетно-событийной линии компенсируется эмоциональной остротой философского размышления и динамичной сменой переживаний-состояний главной героини. В новелле «Эрика и Эльза Карловна», наряду с трагическими мотивами, присутствуют комические детали и есть анекдотический эпизод. В новелле «У юности нет возраста, или В мире людей и животных» непонятное пластическое поведение главного героя неожиданно проясняется в комичной и одновременно экзотической развязке. Сюжет построен на том, как учёный-зоолог и всенародно любимый ведущий телепередачи «В мире животных» Николай Николаевич Дроздов во время выступления перед аудиторией, как всегда, добродушно улыбается, но при этом странно поёживается. Героиня гадает, почему: может быть, его знобит от высокой температуры? В результате оказывается, что под пиджаком у рассказчика находится змея.

А теперь остановимся на методических интенциях авторского учебно-беллетристического текста преподавателя. Они связаны с тремя основными обучающими целями и потребностями, характеризующими различные учебные ситуации взаимодействия иностранной аудитории с данным типом текста. Это: совершенствование устных коммуникативно-речевых навыков; формирование социокультурной компетенции, что попутно предполагает также воспитание межкультурной этической корректности; развитие навыков креативного письма на русском языке. В нашей статье методические интенции данного текста будут рассмотрены в аспекте его прагматической и методической аутентичности, что, в свою очередь, неизбежно приведёт к обсуждению проблемы критериев отбора художественных текстов для иностранной аудитории.

В современной методике русского языка как иностранного проблема аутентичности используемого на занятиях текста, в том числе текста художественного, чрезвычайно актуальна и дискуссионна. Этот термин используется как характеризующая особенность самого текста, так и в аспекте коммуникативной стратегии обучения [1]. По мнению Л.Е. Смирновой, «аутентичность представляет собой совокупность ряда условий

в зависимости от ситуации. Каждый из элементов урока – тексты, учебные задания, обстановка на занятии, учебное взаимодействие – могут быть аутентичными. Задача преподавателя – добиться сочетания всех параметров аутентичности» [18: 130]. Следует отметить, что нередко специфика учебной ситуации и содержательная специфика выбранного преподавателем художественного текста сближаются. И тогда особую актуальность приобретает аутентичность, понимаемая в аспекте обоюдной межкультурной корректности, которая должна быть как свойством читаемого и обсуждаемого на занятии текста, так и самой ситуации учебного взаимодействия, которая изначально является межкультурной, поскольку преподаватель и учащиеся принадлежат к различным культурам. В связи с этой изначальной данностью на преподавателя ложится особая методическая ответственность за отбор, социокультурную и межкультурную интерпретацию выбранных текстов.

Если использовать классификацию аспектов аутентичности, предложенную Л.Е. Смирновой, то отмеченная нами межкультурная этическая корректность художественного текста связана с прагматическим и методическим аспектами аутентичности. Под прагматической аутентичностью понимается, в частности, «аутентичность цели, т.е. ожидаемого результата взаимодействия» [18: 129]. Методическая аутентичность предполагает, в том числе, «соответствие задачам обучения» [18: 131]. При обучении иностранцев русскому языку каждый преподаватель, безусловно, стремится к тому, чтобы после пройденного курса практики речи его учащиеся не только приобрели разнообразные коммуникативно-речевые навыки и социокультурные знания, но полюбили Россию и русскую культуру, а не наоборот. Чтобы это, в свою очередь, способствовало формированию межкультурной компетенции и уважению к представителям других национальных культур. Поэтому колоссальное значение приобретает отбор художественных текстов именно под таким углом зрения.

И здесь возникает следующая проблема. Она заключается в том, что даже в творческом наследии писателей, перу которых принадлежат «облигаторные произведения искусства» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), есть сюжеты, где иронически представлены персонажи-представители иноязычных культур или доминирует негативное изображение отечественной действительности, национального характера, русской провинциальной жизни и т.п. Особую трудность для иностранных учащихся даже с высоким уровнем владения русским языком представляет распознавание всего комплекса авторских интенций в произведениях Н.В. Гоголя – в повести «Шинель», эпической поэме «Мёртвые души», комедии «Ревизор» и других. Не всё так просто и с отбором произведений А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.М. Горького, М.А. Булгакова, А.П. Платонова, В.Г. Распутина, В.П. Астафьева; В.В. Маяковского, И.А. Бродского с его знаменитой неприязненной фразой о России «Там в моде серый цвет - // Цвет времени и брёвен»; Л.С. Петрушевской, Т.Н. Толстой, не говоря уже о произведениях С.Д. Довлатова, В.О. Пелевина и В.Г. Сорокина, в которых доминирующим способом выражения речевого сознания персонажей является использование нецензурной лексики и (у С. Довлатова) уголовного жаргона.

Итак, художественный текст для иностранной аудитории – как текст всемирно известного писателя, так и текст автора-преподавателя, – обязательно должен быть прагматически и методически аутентичным в аспекте обучающих целей и задач, что, в частности, тесно связано с этической корректностью межкультурного взаимодействия и репрезентации представителей разноязычных культур, находящего отражение в сюжетных событиях и речевом поведении персонажей. Поэтому мы предлагаем дополнить понятие прагматического и методического аспектов аутентичности художественного текста, используемого в иностранной аудитории, следующими характеристиками. Во-первых, присутствие в нём содержательно-смысловых интенций, способствующих формированию у иностранных учащихся позитивного отношения к

России и русской культуре. Во-вторых, заложенный в нём общечеловеческий этический потенциал, который будет способствовать осуществлению успешной межкультурной коммуникации как между преподавателем и учащимися, так и между иностранными учащимися в ситуациях учебно-аудиторного и внеаудиторного взаимодействия.

Существенная особенность, связанная как с учебным, так и с беллетристическим аспектами предлагаемого текста, - это, как уже упоминалось, его «частичная креолизация» (Е.Е. Анисимова), или «факультативная креолизация» (Т.А. Скосарева, Е.А. Кеил). К ней относятся изобразительные компоненты, дополняющие словесный текст, - в частности, текст художественного произведения, - издавна и органично сопутствуя усилению его эмоционально-эстетического воздействия на читателей, а также способствуя смысловой идентичности и целостности его восприятия.

Согласно классификации В.Н. Степанова, выбранные нами способы креолизации текста относятся к тем визуальным кодам, которые преимущественно задействуют зрительные рецепторы [20]. Мы используем три из восьми подвидов, отнесённых исследователем к этой группе. В данной статье будет рассказано об одном из них. Это «визуально-пластические субкоды», выделяемые «по используемым в изображении элементам пространственно-временных искусств (графика, живопись, фотография, кинематограф, архитектура, скульптура, театр)» [20]. В нашем тексте он осуществляется путём дополнения словесного повествования изобразительным материалом, взятым из Интернета, а также фотографиями из семейного архива автора-преподавателя.

Элементы креолизации, относящиеся к визуально-пластическим субкодам, хотя и не несут в предлагаемом тексте основной смысловой нагрузки, однако их вспомогательные функции – образно-эстетическая, эмоциональная, информационная, коммуникативная – очень важны, с разным перевесом того или иного функционально-обучающего аспекта в каждой конкретной новелле, в зависимости от особенностей изображаемого фрагмента действительности и сюжетных событий, от «эмоциональной доминанты текста» (В.П. Белянин) и его стилевой палитры. Например, в новелле «Сон Алины» частичная креолизация используется прежде всего для того, чтобы представить сказочную атмосферу сна героини и те предметные реалии, которые в нём присутствуют. А поскольку большая часть сюжетного времени сна проходит в магазине индийских товаров, то и наглядный материал выбран соответствующий, то есть связанный с традициями индийской культуры. От которой, однако, перекинуты мосты к нашей повседневной жизни и к таким ключевым концептам русского этического сознания, как любовь, память, страдание, вера, надежда, утешение. Тема отца героини Алины, который участвовал в Великой Отечественной войне, представлена фотографиями его орденов и медалей, а также современными видами города Калининграда – бывшего Кёнигсберга, где закончился боевой путь отца. В новелле «Накидка для слона» на первый план выходят наглядные компоненты, демонстрирующие актуальные в тексте предметно-бытовые и культурно-прикладные реалии (ткани, нитки, вышивки, вязаные изделия для домашнего интерьера); зоотематический аспект, поскольку он тоже занимает ключевое место в содержании произведения. В новелле «Эрика и Эльза Карловна» используются фотокопии иллюстраций к сказке братьев Grimm «Золушка» современной художницы, размещающей свои работы в Интернете под псевдонимом *liga-marta*. Это связано со следующим лейтмотивом новеллы: в раннем детстве её героиня Аннушка осталась без матери, а впоследствии часто читала вслух подругам и знакомым свою любимую сказку. Есть фотография немецкой куклы 1930-х годов, так как новелла повествует о трогательной дружбе героини-москвички с Эрикой, дочкой немецкого инженера, работавшего тогда в нашей столице по контракту. И хотя разразившаяся вскоре война отняла у Аннушки отца, память об участливой и рассудительной Эрике – лучшей подруге своего детства - она пронесла через всю жизнь.

Немецкая кукла 1930-х годов.

В эту новеллу включена фотокопия московской иллюстрации-граффити к тексту басни И.А. Крылова «Кукушка и Петух», потому что героиня собирается читать данное произведение на школьном Новогоднем концерте; фотография памятника И.А. Крылову в Москве на Патриарших прудах из семейного архива автора-преподавателя.

Автор новеллы у памятника И.А. Крылову на Патриарших прудах в Москве (фото из семейного архива, 2014 год). Скульптор – А.А. Древин, архитектор – А.Г. Чалтыкьян.

В новелле «Лермонтов» визуально акцентируются литературно-поэтический и религиозно-философский аспекты. В ней используются фотокопии портретов М.Ю. Лермонтова кисти известных художников; его собственных рисунков, акварелей, масляной живописи; иллюстраций М. Врубеля к поэме «Демон»; портрета китайского поэта Ли Бо (современное произношение Ли Бай или Ли Тай-бо), творческие темы и мотивы которого перекликаются с лермонтовскими. Связь вечности с современностью представлена художественными фотографиями Сергея Калиганова, Саида Аминова. На этих снимках запечатлён Юго-Запад Москвы – ведь здесь жила раньше с родителями и живёт сейчас со своей семьёй Алина – сквозная героиня цикла. Ядром композиции на данных фотографиях является закатное или ночное небо и астральные образы, что характерно для поэзии Лермонтова и душевно близко персонажам новеллы. В новелле «Детство никуда не уходит» тема семьи и детства связана как с атмосферой повседневности 1960-х -1970-х годов, так и с нынешним временем. А топонимика столицы и давние события отличаются сюжетной протяжённостью в современность.

Здесь показаны детские игрушки, книги, конфеты; даны фотофрагменты легендарной телепередачи «Спокойной ночи, малыши!» со знаменитыми ведущими - тогда и сегодня. Среди них – выдающийся боксёр Николай Валуйев, экс-чемпион мира по боксу в тяжёлом весе, депутат Государственной думы Российской Федерации, который ведёт праздничный выпуск передачи в День Победы. Представлены фигурные коньки тех лет и простейшие элементы фигурного катания в исполнении современных российских фигуристок. Словесный контекст дополнен фотографиями 2014 года из семейного архива автора новеллы, на которых запечатлена Красная площадь, Чистые пруды, Чистопрудный бульвар, Милютинский переулок в центре Москвы. Есть фотография антоновских яблок (из Интернета) с упоминанием в подписном тексте о рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки», а также портрет писателя работы В. Россинского: потому что вторым, после «мама», словом, произнесённым маленькой Алиной, было «ля'би», когда она увидела яблоню-антоновку. В новелле «Лидия Александровна и сирень» присутствуют фотофрагменты балетных спектаклей с участием Майи Плисецкой - ввиду того, что главная героиня новеллы Лидия Александровна является страстной поклонницей великой балерины. А словесное описание цветущей сирени на территории детского садика сливается с фотокопиями картин Михаила Врубеля, Петра Кончаловского и Владимира Жданова, дополняясь акварельным портретом Беллы Ахмадулиной кисти Бориса Мессерера, поскольку стихотворение поэтессы «Я слечу, сирень...» также включено в новеллу. Дана фотография московской сирени из личного архива авторы новеллы. Есть фотография памятника П.И. Чайковскому работы Веры Мухиной в сквере Московской консерватории рядом с цветущими кустами сирени. Подписной текст к этой фотографии повествует о фее Сирени из балета «Спящая красавица». Изображение полураспустившейся майской сирени на современных праздничных открытках в честь Дня Победы соединяется с идеей возрождения и восстановления жизни, разрушенной адом войны.

Итак, частичная креолизация в предлагаемом нами авторском учебно-беллетристическом тексте выступает в качестве важного средства, активизирующего познавательный и эстетический факторы в обучении и способствующий пробуждению мыслительного и художнического (в широком смысле) потенциала иностранных учащихся. В прагматическом и аксиологическом аспектах она создаёт благоприятные условия для формирования у учащихся социокультурной компетенции. Как справедливо замечают Т.А. Скосарева и Е.А. Кеил, «креолизованные тексты отражают мировоззрение, ценности, изучение которых в совокупности представляет собой социокультурный аспект изучения иностранного языка» [17].

Необходимо в связи с этим вспомнить о ведущих учёных-методистах - А.Н. Щукине, И.Е. Пассове, Н.И. Гез, Л.Л. Вохминой, считающих наглядность в обучении иностранному языку способом стимуляции высказывания и создания ситуации-возможности для функционирования речи. На эти идеи обращает особое внимание Е.А. Басырова в статье «Инфографический текст как новое средство наглядности на уроках РКИ», творчески развивая их [2: 22-26].

К типологическим дефинициям данного учебно-беллетристического текста следует также отнести постоянное взаимодействие вербального текста с музыкальным. Во всех новеллах цикла присутствует песенный текст, который при желании может быть легко озвучен, используя возможности Интернета или личные вокальные способности преподавателя, если таковые имеются. Песенный текст в каждой новелле тесно связан с происходящими событиями и с характерами персонажей. Музыкальная тема аксиологически скрепляет все сюжетные эпизоды цикла. И здесь хочется пояснить нашу мысль словами выдающегося дирижёра Юрия Темирканова, справившего в 2018 году своё восьмидесятилетие: « Музыка не умеет выражать, в отличие от других видов искусств, жестокость и зло <...> Музыка возвышает, она не умеет лгать» (слова сказаны

14 декабря 2018 года на телеканале «Культура» в передаче «Монолог в четырёх частях. Юрий Темирканов. Часть четвёртая»).

Существенным и обязательным художественно-методическим компонентом предлагаемого нами текста является наличие в нём выразительной арт-пластической «партитуры», поскольку пластика человеческого тела, как и музыка, несомненно, принадлежит к универсальным основам общения. Современные исследователи говорят о ней как о всеобъемлющей культурной категории и форме реализации культуры личности (Е.Н. Струнина и другие). Сюда следует также отнести креативно-двигательные действия человека, значение которых трудно переоценить не только в искусстве, но равным образом в культурно-языковом общении и образовательном процессе (С.В. Дмитриев и другие).

По мнению С.В. Дмитриева и его соавторов, «сам человек и его движения представляют собой своего рода эмоционально-пластический текст (мимика, пантомимика, арт-пластика и семантика тела)» [7], а культура – это прежде всего «универсальный механизм самодвижения личности» [7]. «В креативно-двигательных действиях человека осуществляются: 1) эмотивное выражение его духовно-ценностного мира и «транспортировка» конкретных культурных смыслов в «жизнь социума»; 2) манифестация «я» в системе деятельности и вхождение личности в структуру мира, а также *окружающий его мир*, а сам этот мир «открывается человеку» в его деятельности, где сталкиваются «безличная логика» (психомоторный интеллект) и личностный смысл (онтология субъективности) – два разных понимания культуры, логики, истины <...> Здесь знание сопрягается с ценностью, гносеология с аксиологией» [7]. Всем знакома феноменальная арт-пластика Чарли (Чарльза) Чаплина, Николая Мордвинова, Эраста Гарина, Игоря Ильинского, Александра Вертинского, Веры Марецкой, Людмилы Гурченко, Нонны Мордюковой, Инны Макаровой, Евгения Леонова, Алисы Фрейндлих, Хулио Иглесиаса, Владимира Высоцкого, Марлен Дитрих, Эдит Пиаф, Далиды, Сальваторе Адамо, Джульетты Мазини, Софи Лорен, Аркадия Райкина, Виктора Чистякова, Фаины Раневской, Георгия Менглетта, Бориса Бабочкина, Иннокентия Смоктуновского, Александра Калягина, Луи де Фюнеса, Пьера Ришара, Тома Джонса, Элвиса Пресли, Клавдии Шульженко, Аллы Пугачевой, Марины Неёловой, Барбары Брыльской, Софико Чиаурели, Фрунзика Мкртчяна, Нани Брегвадзе, Майи Кристалинской, Муслима Магомаева, Эдиты Пьехи, Тамары Гвердцители, Александра Малинина, Александра Серова, Майкла Джексона, Лары Фабиан – этот список можно продолжать и продолжать. Пластический текст Чаплина-киноперсонажа является свидетельством того, что он – «сама доброта, спроецированная в мир. Он готов всё любить, но мир не отвечает ему взаимностью <...>» [10].

Чарли Чаплин в роли Маленького Бродяги в немой кинокомедии «Золотая лихорадка».

Многогранность сценического и кинематографического обаяния Алисы Фрейндлих – в безграничном темпераменте, в наличии богатейшего голосового арсенала – оттенков тембра, интонации, эмоциональной подачи звука – как в драматическом, так и

певческом творчестве актрисы; в наличии пластического диапазона, который также кажется неисчерпаемым. Чего стоит только одна её роль – Людмилы Прокофьевны Калугиной в лирической комедии Эльдара Рязанова «Служебный роман». Две абсолютно несовместимых женских ипостаси: «мымру», «старуху», в 36 лет поставившую крест на своей личной жизни, всецело отдавшуюся руководящей работе, и – «красавицу», «эффектную женщину», любимую и желанную, - актриса пластически проиграла так, что зритель совершенно забывает о разделении экранного и неэкранного пространств. Безусловно, важное значение имеют здесь грим, макияж, перемена одежды и причёски. Но что ни говори, главные лавры в такой биологически безупречной и убедительной для зрителей двойной идентификации женского образа принадлежат, вне всякого сомнения, арт-пластическим ресурсам Алисы Бруновны. Поэтому фактически уже в сценарии фильма ключевая ставка сделана именно на них. Вспомним эпизод, когда секретарша Верочка (актриса Лия Ахеджакова), объясняя Людмиле Прокофьевне, что значит быть настоящей женщиной, начинает с обуви, с принципа комбинаторности в одежде, с выщипывания бровей, и вдруг неожиданно резюмирует: «Да и это не главное. А вот что отличает деловую женщину от ... женщины?! Походка! <...> Свободная, раскованная пластика пантеры перед прыжком!» Фраза, давно ставшая в русском языке крылатой, - наряду со множеством других остроумных изречений из фильмов Э. Рязанова. Кстати, сценарий «Служебного романа» написан самим режиссёром в содружестве с Эмилем Брагинским. Один из пользователей сети Интернет, Love Tom, назвал этот фильм «нетленкой». Действительно, язык фильма и воплощённые в нём типажи абсолютно неподвластны времени.

Алиса Фрейдлих в роли Калугиной-«мымры» и «старухи».

Алиса Фрейдлих в роли Калугиной-«красавицы» и «эффектной женщины».

На своих незабываемых концертах 1970-х – 1990-х годов Хулио Иглесиас после очередной прекрасной песни, когда в зале начинался шквал аплодисментов и одобрительных возгласов, часто складывал руки в католическом молитвенном жесте,

словно давая зрителям понять: его пение и грандиозный успех – это прежде всего дар, ниспосланный Свыше. Голос и облик певца по-прежнему обладают магически-притягательной силой. И дело тут, как нам кажется, не только в нежнейших обертонах и удивительной эмоциональной пластичности его тенора, в роскошной, всегда попадающей в десятку интонационно-музыкальной фразировке, и даже не во внешней эlegantности. В 20 лет он, студент юридического факультета, вратарь мадридского «Реала», - клубной команды, бывшей тогда в европейском футболе вне конкуренции, - после страшной автомобильной катастрофы оказывается прикованным к постели. У него сломан позвоночник и изуродовано лицо. Парень не может ходить, а может только ползать, что и делает «с упорством маньяка» [21]. Затем он берёт в руки гитару и начинает петь. И очень скоро становится одним из ста самых известных вокалистов мира, обожаемых миллионами зрителей. Вера в Бога, любовь к людям, желание петь до ста и более лет и умереть стоя на сцене, как «воин умирает в бою» [8] - вот источники самодвижения личности этого уникального артиста и составляющие его арт-пластической харизмы. Не будь её – кто знает, смог бы он тогда, в молодости, встать с инвалидного кресла?

Поэт Хулио Иглесиас.

Поньше недостижимый, по нашему мнению, пластический феномен – это Иннокентий Смоктуновский в роли Иудушки Головлёва по роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» в спектакле Льва Додина на сцене ещё не разделившегося тогда МХАТа. Жалкий, «скукоженный», по словам Эдуарда Кочергина, – художника-декоратора спектакля [15], и одновременно бесовски-слащавый Иудушка в исполнении Смоктуновского выглядел до того мистически-устрашающе, что зритель (в частности, автор данной статьи об учебно-беллетристическом тексте) испытывал непреодолимое желание вскочить со своего кресла и немедленно прекратить весь этот кошмар. Кстати, по утверждению Анатолия Смелянского, Иннокентий Михайлович уже тогда, в 1980-е годы, был верующим человеком [15].

Сцена из спектакля «Господа Головлёвы». В роли Иудушки Головлёва – Иннокентий Смоктуновский (справа от нас). В роли церковного батюшки – Владимир Кашпур (слева от нас).

Марина Неёлова сыграла Акакия Акакиевича Башмачкина в моноцентрической постановке Валерия Фокина по повести Н.В. Гоголя «Шинель» на другой сцене Московского театра «Современник». Пожалуй, актриса оказалась перед ещё более сложной проблемой, чем Алиса Фрейндлих: в соответствии с режиссёрским замыслом и актёрской сверхзадачей Марине Мстиславовне надо было пластически сыграть не женщину или мужчину, а... человеческую душу! Безропотную, незамысловатую, затоптанную социумом, но по-прежнему ощущающую в себе тепло и радость божественного света, – в общем, такую, какую она была у главного персонажа повести Николая Васильевича Гоголя «Шинель». В творческом союзе с режиссёром [11] эта задача была решена настолько блестяще, что энергетика милосердия каким-то неуловимым чудом переливается из гоголевского текста в сценическое пространство, а затем и в зрительный зал.

Марина Неёлова в жизни.

Марина Неёлова в роли Акакия Акакиевича Башмачкина в спектакле «Шинель».

Томас Квастхофф (бас-баритон) поёт так, что заслушаешься. А ведь первые годы жизни мальчик мог только лежать в постели, и его единственным другом был жёлтый плюшевый медвежонок [9]. Однако врождённая музыкальность, стремление петь и отдавать людям свой талант взяли своё, и он стал уникальным артистом. Его лицо и движения вкупе с великолепием мощного и разнообразного вокального диапазона (он исполняет оперную, камерную, джазовую музыку) всегда излучают сильнейшие творческие флюиды.

Поёт Эдит Пиаф. По словам композитора Мишеля Филиппа-Жерара, «Эдит не была красива. Но когда она пела, все забывали, что её тело изуродовано ревматизмом. Она становилась потрясающе, волнующе красива» [3]. Арт-пластика великой французской эстрадной певицы – это всегда отражение её «непревзойдённого таланта <...> влетать собственную жизнь в исполнение песни» [3].

Поёт Александр Серов

Пожалуй, более яркого примера всемирной отзывчивости русской души, о чём в контексте творчества А.С. Пушкина говорили В.Г. Белинский и Ф.М. Достоевский, на нашей эстраде сегодня не найти. Завораживающим тембром его лирического баритона природа, видимо, решила повторить песенный дар Тома Джонса, но только в самобытном русском варианте. Вокально-инструментальная стилистика артиста включает в себя элементы современной русской лирической песни, старинного романса, блюза, рока, джаза, шансона и даже скрипичной итальянской музыки XVIII века в манере Антонио Вивальди. В репертуаре А. Серова – песни Игоря Крутого, других эстрадных композиторов, а также собственного сочинения. Он исполняет на английском языке песни из репертуара Тома Джонса – кстати, своего кумира. На русском – песни из репертуара Хулио Иглесиаса, которые в исполнении Александра Николаевича звучат очень индивидуально, при этом сохраняя ключевые концепции оригинала: вселенски-сентиментальное поклонение женщине, глубину внутреннего мира человека, тему ностальгии. Женский образ в его музыкальном пространстве, как и образ Прекрасной Дамы в поэзии Александра Блока, варьируется: Мадонна, Мария, Сюзанна... В целом образный мир песен, исполняемых А. Серовым, также отличается многогранностью. В них соседствуют среднерусская природа – капель, белая сирень, «рассветы росные», «осенний свет», «берёзки старые» и – морской причал, от которого отходит лайнер, навсегда увозящий любимую; вокзальный перрон, Париж, Киев и московская дождливая ночь – чудом любви она преображается в обитель неслыханного счастья; Джеймс Бонд в рок-шутке «Песня про Джеймса Бонда» и влюблённый тореро: с ним сравнивается лирический герой песни «Сеньорита», мелодия и ритм которой немного напоминают пасадобль. А теперь представьте, до чего насыщенной должна быть сценическая пластика артиста, чтобы передавать всё это! И здесь Александр Серов тоже никогда не разочаровывает зрителей.

Несравненная Марлен Дитрих - актриса и певица, боготворившая И.-В. Гёте [6] и Константина Паустовского [13]. Её телесная и вокальная арт-пластика являются достоянием не только западного, но и мирового искусства.

В связи со всем вышесказанным необходимо пояснить, что мы подразумеваем под арт-пластической «партитурой» авторского учебно-беллетристического текста для иностранной аудитории.

Партитура в музыке – это «нотная запись многоголосного музыкального произведения для хора, оркестра или камерного ансамбля, в которой сведены воедино партии отдельных голосов и инструментов <...> (итальянское *partitura* означает – разделение, распределение)» [4]. Применительно к предлагаемому тексту – это совокупность арт-пластических «партий» персонажей новеллы, раскрывающая характер, человеческую суть, жизненное кредо каждого из них, и одновременно превращающая новеллу в «живой текст» (С.В. Дмитриев), в креативно-двигательное пространство, помогающее иностранным учащимся распознавать авторские интенции, а также «ключевые мнемы» (термин И.В. Ружицкого) и ценностно-смысловые представления, присущие русскому сознанию. Возможно, они в чём-то совпадут с их собственным сенсорным опытом, эстетическим восприятием и этическими постулатами. Кстати, чем больше будет таких совпадений, тем более успешно выполненными автор-преподаватель будет считать художественный замысел и методические задачи своего учебно-беллетристического текста. Более того: многолетняя практика работы с художественным текстом в иностранной аудитории, электронная переписка с бывшими учащимися, а также проведённый автором данной статьи педагогический эксперимент по использованию учебно-беллетристического текста преподавателя на занятиях по практике речи РКИ позволяют утверждать, что подобные тексты, если при их отборе или создании были учтены все вышеперечисленные условия, нередко становятся для иностранных учащихся источником приобретения того нравственного опыта, который способен реально помогать в различных и довольно непростых жизненных ситуациях – как в России, так и за её пределами.

Итак, в тексте художественного произведения, равно как в авторском учебно-беллетристическом тексте преподавателя, используемых в иностранной аудитории, обязательно должна присутствовать выразительная арт-пластическая «партитура», отражающая личности персонажей и их взаимодействие в различных социокультурных ситуациях. Наличие такой «партитуры» является одним из важных признаков прагматической и методического аутентичности данных текстов, свидетельством того, что они способствуют формированию у иностранных учащихся позитивного отношения к России и к русской культуре. Необходимость включения подобного художественно-методического компонента в текст, созданный преподавателем для иностранной аудитории, подтверждается мыслью писателя Владимира Солоухина о том, что искусство основано на изначальном сходстве общечеловеческой сенсорно-двигательной природы [19], являющейся для каждого из нас, что очень важно, также ценным источником этического опыта. В силу этого оно призвано соединять, а не разобщать людей. Конкретно в аспекте обучения русскому языку как иностранному – не только благоприятствовать приобретению иностранными учащимися социокультурной компетенции, но равным образом помогать осуществлению позитивной межкультурной коммуникации как между преподавателем и учащимися, так и между иностранными учащимися в ситуациях учебно-аудиторного и внеаудиторного взаимодействия.

В своей художественно-методической концепции мы используем музыкальный термин «партия», который всегда подразумевает непосредственно-выражаемое творческое действие субъекта, например: партия Татьяны в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин»), партия скрипки в «Концерте для скрипки с оркестром» П.И. Чайковского и т.п. В новеллах цикла, в силу общей специфики эпических жанров литературы, а также в силу конкретных особенностей структуры повествования, двигательные действия персонажей выражены через авторское описание, а речевые – как через автора-посредника, так и непосредственно, через диалоги персонажей, в целом

составляя арт-пластический образ каждого из героев. Но всё-таки нам не хотелось бы отказываться от слов «партия» и «партитура». Потому как они, пусть даже в метафорической форме, точнее всего выражают суть того, что необходимо продемонстрировать в учебно-беллетристическом тексте: личностные качества каждого персонажа через его пластическое поведение. А ещё - представить повседневную жизнь людей как «музыку» движения, как «полифонию» креативного двигательного взаимодействия друг с другом и с окружающим миром. Термин «движение» автор статьи, вслед за С.В Дмитриевым и его коллегами, использует в широком культурном контексте с привлечением не только физически-телесного, но также семантически-языкового, эмоционально-психологического, эстетического, социального и морального аспектов.

Подводя общий научный итог статьи, следует отметить, что авторский учебно-беллетристический текст преподавателя для иностранной аудитории является целостной методической структурой, о которой можно говорить как об одном из способов реализации в методике преподавания РКИ «художественно-педагогической технологии» (Л.М. Масол, Т.Г.Балина, М.Ю. Бирюков и другие), представляющей собой такой «способ организации учебно-воспитательного процесса», результатом которого станет «сформированная ценностно-смысловая сфера личности» на основе «корректировки совместных действий учителя и учеников в соответствии с конкретной педагогической ситуацией» [12: 87]. Если в сфере художественного образования такой подход существует как давняя и непреложная практика, то в методике обучения русскому языку как иностранному это, тоже, безусловно, традиция давняя и хорошо знакомая, но весьма ограниченная по творческому диапазону и видам учебного взаимодействия с учащимися. И лишь в последние годы, в связи с проблемой формирования «вторичной языковой личности» (Ю.Н. Караулов, И.И. Халеева и другие), возможности художественно-педагогических технологий в преподавании иностранных языков и русского языка как иностранного стали привлекать внимание исследователей в более широких масштабах и в новых, оригинальных ракурсах - например, работы Д.Ю. Цотовой об использовании лингвотеатрального подхода. Что, по мнению автора данной статьи, чрезвычайно важно. Поскольку именно в многогранности проявления человеческого фактора при учебном взаимодействии преподавателя и учащихся заключается подлинная сущность интерактивного подхода, который на современном этапе преподавания русского языка как иностранного должен находить воплощение в самых разнообразных комплексно-методических формах.

1. Абрамов Е.А. Текст как цель и средство обучения иностранным языкам. / Дистанционные курсы профессиональной подготовки и переподготовки и повышения квалификации. Инфоурок. 5621. 23.08.2016. Номер материала: ДБ-162683. Иностранные языки. Научные работы. <https://infourok.ru/tekst-kak-cel-i-sredstvo-obuchenia-inostrannim-yazykam-1162964.html>
2. Басырова А.Е. Инфографический текст как новое средство наглядности на уроках РКИ. / Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Материалы 4-й Международной научно-методической конференции. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. – 467 с. С.22-26.
3. Брийяр Жан-Доминик. Эдит Пиаф. Без любви мы – ничто. Пятьдесят лет спустя... Briard Jean-Dominique Edith Piaf. Sans amour on n'est rien du tout... / Переводчик: Котова Юлия Редактор: Склад С. С. Издательство: Клуб семейного досуга, 2015 г. - 272 с. Серия:Дневники/воспоминания/очерки/мемуары Подробнее: <https://www.labyrinth.ru/books/480967/>
4. Булчевский Ю.С., Фомин В.С. Краткий музыкальный словарь для учащихся. Издание 2-е, дополненное. – Издательство «Музыка». Ленинградское отделение. 1972. – 200 с.
5. Бунин И.А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т.4.– М.: «Художественная литература», 1988. – 703 с. - Т.4. Произведения 1914-1931. / Редколлегия: Ю.Бондарев, О.Михайлов, В.Рынкевич. Статья-послесловие и комментарий А. Саакянц. – М.: «Художественная литература», 1988. – 703 с.
6. Дитрих, Марлен. Размышления. / Перевод с английского Майи Кристалинской. – Биографии и Мемуары. – Москва: Издательский дом «Искусство», 1985. – 223с.: ил: 8 п.л. ил.

- <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/343029-15-marlen-ditrih-razmyshleniya.html#text>
7. Дмитриев С.В., Неверкович С.Д., Быстрицкая Е.В., Воронин Д.И. Семантическое пространство «живых движений» в сфере языкового сознания и самосознания человека как творческого деятеля. / Мир психологии, 2014, №3. С. 173-186.
 8. Дмитрий Самин. Хулио Иглесиас (1943). Сто великих вокалистов. <https://info.wikireading.ru/106747>
 9. Интервью Томаса Квастхоффа изданию "Stern" 16/2000 vk.com>topic-10833091_28115211 <https://yandex.ru/search/?text=%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%81%20%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%85%D0%BE%D1%84%D1%84%20%D1%84%D0%BE%D1%82%D0%BE&lr=213&clid=PRLNCS>
 10. Майзель В.С. Эффект Чарли. / АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ сборник научных трудов, посвященный Году российского кино. В 2 частях. А. Д. Евменов (отв. ред.). Санкт-Петербург, 2016 Издательство: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург). – Часть 1. С. 57-64.
 11. Марина Неёлова о «Шинели». / Книга Московский театр «Современник» - 50 лет, 2006. https://sovremennik.ru/press/shinel/marina_neelova_o_shineli/
 12. Масол Л.М. Интегративные художественно-педагогические технологии формирования межпредметных компетентностей личности. / Сборник материалов II Международной научно-практической конференции Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Таганрог, 20 апреля 2018 года. / Научный редактор Карнаухова Т.И. – Таганрог: Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)», 2018. – 645 с. Стр.85-90.
 13. Паван, Жан. Марлен Дитрих. / Перевод с французского Е.В. Пурьжинской. – Москва: «Молодая гвардия», 2012. -256 с. – (Жизнь замечательных людей: ЖЗЛ: серия Биография: малая серия). <https://www.rulit.me/books/marlen-ditrih-read-279914-79.html>
 14. Погосян Н.В. Эстетическая коммуникация «Автор – читатель» в книге С. Довлатова «Чемодан». – Журнал «Преподаватель XXI век», 2012 ВАК. Область наук: Литература. Литературоведение. Устное народное творчество. – <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskaya-kommunikatsiya-avtor-chitatel-v-knige-s-dovlatova-chemodan>
 15. Растущий смысл, или Приключения классики на русской сцене. Салтыков-Щедрин. «Господа Головлёвы»: две версии. Часть четвертая. / Авторская программа Анатолия Смялянского. Канал ТРК «Культура», 2006. Опубликовано: 6 ноября 2011. <https://www.youtube.com/watch?v=B7iliguqc9Y&list=PL3F54F2B33AE9AFAD&index=5&t=0s> <https://www.rulit.me/books/marlen-ditrih-read-279914-79.html>
 16. Семченко Л.И. Историография жанра новеллы: теоретический аспект. / Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Литературоведение. 2011, №2. С.51-59.
 17. Скосарева Т.А., Кеил Е.А. Креолизованные тексты в обучении иностранному языку. / Карагандинский Государственный Университет им. академика Е.А. Букетова. Студенческий научный форум – 2014. VI Международная научная конференция. <https://scienceforum.ru/2014/article/2014002434>
 18. Смирнова Л.Е. Методическая аутентичность в обучении иностранному языку / Журнал «Инновационные науки», 2016. Область наук: Народное образование. Педагогика. <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskaya-autentichnost-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku>
 19. Солоухин В.А. Камешки на ладони. - Москва, издательство «Советская Россия», 1977. – 171 с. <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/97728-2-vladimir-solouhin-kameshki-na-ladoni.html#book>
 20. Степанов В.Н. Семиотические коды в рекламном тексте. / Cyberleninka.ru.>Грнти>...-kody-v-reklamnom-texte ЖУРНАЛ Аналитическая культурология 2012.
 21. Хулио Иглесиас интервью. Хулио Иглесиас: Бог дал мне время. <http://glamlemon.ru/zvezdu-i-moda/997-hulio-iglesias-intervyu.html> <https://www.youtube.com/watch?v=B7iliguqc9Y&list=PL3F54F2B33AE9AFAD&index=5&t=0s>
 22. Чалова Л.В. Актуализация личности через художественный портрет. / Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2012 - №12 (декабрь). - АРТ 12177. ОБЛАСТЬ НАУК Литература. Литературоведение. Устное народное творчество. <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-lichnosti-cherez-hudozhestvennyu-portret>
 23. «Что делать?» / Передача канала ТВ «Культура», ведущий – Виталий Третьяков. Эфир от 8 мая 2019 года.
 24. Юнгер Ф.-Г. Язык и мышление. Friedrich Georg Jünger. Sprache und Denken. / Перевод с немецкого К.В. Лощевского. – Слово сущее. Том 58. – Санкт-Петербург, «Наука», 2005. - 300 с.

Хотулёва О.В., Ющенко Ю.А., Шпак Е.И.

Проектная деятельность учащихся 9-х классов как форма итоговой аттестации

*Государственный гуманитарно-технологический университет
(Россия, Орехово-Зуево)*

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-30

idspr: scienceconf-25-12-2019-30

Неотъемлемой частью современного образования является написание и защита проектов выпускниками девярых классов в качестве итоговой аттестации. Метод проектов в последнее время чрезвычайно актуален, он позволяет развивать важнейшие навыки, УУД, формировать всецело развитую личность со своими взглядами на жизнь и собственным опытом [2].

Цель статьи: проанализировать проектную деятельность как форму итоговой аттестации выпускников.

В данной статье представлен анализ проекта по итоговой аттестации учащегося 9 класса «Экологический паспорт школьного помещения». Оценка экологического состояния школьных кабинетов позволяет выявить благоприятные и неблагоприятные факторы в школьных помещениях, как моделях экологической системы. Перед началом исследования была выдвинута гипотеза: обстановка в школьных кабинетах соответствует нормам СанПиНа [3]. На основании этого были поставлена цель, определены задачи, выбраны методы и оборудование.

Был составлен план исследований. В ходе проекта была определена площадь пяти выбранных школьных кабинетов; определен объем воздуха, необходимый на 1 ученика; проанализирован температурный и вентиляционный режим; оценена естественная освещенность в классе. Все показатели сопоставлены с нормативами. По результатам полученных данных были сделаны выводы и разработаны рекомендации. За время работы над проектом у выпускника выработались навыки самостоятельного поиска информации, исследования. Он научился производить замеры, расчеты, закрепив на практике познавательные и регулятивные УУД, сформировав ключевые компетенции, обеспечивающие успешную деятельность. Навыки и умения, приобретаемые и оттачиваемые на практике закладывают базу для дальнейшей исследовательской деятельности, нарабатывают навык написания работ, обязательных в средних и высших учебных заведениях, но и помогают в обычных жизненных ситуациях.

Таким образом, проанализировав проектную деятельность как форму итоговой аттестации выпускников, можно сделать вывод о необходимости данной формы аттестации для подготовки всесторонне развитой личности, обладающей важнейшими личностными и профессиональными компетенциями. Внедрение элементов проектной и исследовательской деятельности, а также критериального оценивания в процесс итоговой аттестации это острая современная необходимость [1].

1. Воронин Д.М., Егорова Г.В., Хотулёва О.В. Опыт реализации смешанного обучения с элементами проектной деятельности в педагогической магистратуре на примере подготовки учителей биологии/ Д.М.Воронин// Перспективы науки и образования. 2019.№2 (38).С.155-166.
2. Кузнецова, Т.С. Опыт организации проектно-исследовательской деятельности при изучении естественно-научных дисциплин / Т. С. Кузнецова// Непрерывное образование в Санкт-Петербурге. - 2015.-Вып.2. С.35-41.
3. Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях. СанПиН 2.4.2.2821-10. - М.: Перспектива, 2011. - 424 с.

РАЗДЕЛ VII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абшилава Г.В.

Современные проблемы уголовно-процессуального принуждения в фокусе сравнительного правоведения

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

(Россия, Ульяновск)

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-31

idsp: scienceconf-25-12-2019-31

Аннотация

Приводится ключевая роль комбинаторики конвергенции соотношения частноправового к публично-правовому регулированию для достижения баланса правовых ценностей при реализации уголовно-процессуального принуждения, а также целесообразность дальнейшего расширения использования согласительных процедур в уголовном судопроизводстве. Предлагается рациональным и экономически обоснованным осуществление правосудия в форме «Коронный Суд», который может стать дополнением к действующей судебной системе, эффективно осуществлять правосудие в соответствии с процессуальной экономией по тяжким и особо тяжким составам преступлений, а при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах «Коронный Суд» может использоваться при цене иска от 200 тысяч рублей и от 1 миллиона рублей соответственно. Предлагается разрешение вековой межотраслевой задачи правоприменения новой обособленной формой судопроизводства путём внедрения отраслевых судей, образующих «Суд Права».

«Суд Права» - это:

1) судья – толкователь и применитель уголовного права, единолично в совещательной комнате даёт независимую, беспристрастную оценку соблюдению правого правоприменения на всех стадиях судопроизводства и готовит мотивированное заключение в строгом соответствии с отраслью права, подписывает его;

2) судья – толкователь и применитель уголовно-процессуального права, единолично в совещательной комнате даёт независимую, беспристрастную оценку соблюдению уголовно-процессуального правоприменения на всех стадиях судопроизводства и готовит мотивированное заключение в строгом соответствии с отраслью права, подписывает его;

3) конституционный судья – толкователь и применитель конституционного права, единолично в совещательной комнате даёт независимую, беспристрастную оценку соблюдению положений Конституции Российской Федерации на всех стадиях судопроизводства и готовит мотивированное заключение в строгом соответствии с отраслью права, подписывает его.

«Суд Факта» - это присяжные заседатели в количестве пяти человек. Численное соотношение «Суд Права» и «Суд Факта» разрешено в соответствии с формулой Фибоначчи, как три к пяти, которые совместно образуют «Коронный Суд».

Представляется, что преимуществом данной концепции осуществления правосудия и её основной задачей является соблюдение верховенства индивидуально-отраслевого, объективного и беспристрастного правотолкования перед правоприменением на всех стадиях судопроизводства.

Ключевые слова: Конституционное правовое регулирование, уголовно-процессуальное принуждение, баланс частноправового и публично-правового

регулирования, комбинаторика конвергенции соотношения, отраслевые судьи, «Суд Права», «Суд Факта», «Коронный Суд», формула Фибоначчи.

Признавая высшим общественным благом правовые ценности современного уголовного законодательства, нельзя не заметить её морально-нравственный ориентир, показатель достижения правовой науки и практики применения, а также уровень государственного регулирования принуждения в уголовном судопроизводстве.

В этой связи необходимо отметить главенствующую роль Конституции Российской Федерации, определившая приоритет достижения правовых ценностей главной гуманитарной задачей, закрепившая эти достижения путём определения, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства.

Конституционно-правовое регулирование принуждения в уголовном процессе основано на признании критериев социальной и гуманитарной направленности при реализации соблюдения баланса интересов частного и публичного права.

Однако, практика судебного правоприменения не признаёт приоритетной задачей достижения социальных и гуманитарных целей при реализации правового регулирования, заложенных в принципы уголовно-процессуального законодательства, ведёт к нарушению правового баланса в интересах публично-правового регулирования.

Рассматривая данный вопрос в системном единстве с диалектическим принципом познания объективной истины, в силу которого, критерием истины является практика, то следует ознакомиться с судебной практикой.

Проанализируем практику за последние пять лет, 2014 - 2018 годы.

Вначале обратимся к показателям Европейского Суда по правам человека.

Таблица 1

Количество дел, переданных на рассмотрение судебного органа (топ-5 стран)	2014	2015	2016	2017	2018
Турция	2784	3060	4042	25978	7107
Россия	8913	6003	5589	7957	11745
Румыния	7096	4180	4089	6509	8503
Украина	14176	6006	8644	4387	7267
Венгрия	2260	1363	1125	1952	----
Италия	5442	1884	1409	1374	4501

Россияне пожаловались в ЕСПЧ 12 000 раз, так как допущено жестокое и бесчеловечное отношение с гражданами – 99 раз, нарушено право на свободу и безопасность - 99 раз; нарушено право на справедливое судебное разбирательство - 46 раз; нарушено право на эффективное расследование -67 раз; нарушено право на неприкосновенность частной жизни – 26 раз.

«Огромное» количество жалоб от граждан России свидетельствует об их высоком уровне доверия к механизму защиты своих прав через ЕСПЧ. Это придает силу словам генсека Совета Европы Турбьерна Ягланда, который заявил: «если Россия покинет Совет Европы, ее граждане больше не будут иметь доступ к ЕСПЧ и это нанесет огромный ущерб правам человека в России», – подчеркивается в отчете».

Кроме показателей ЕСПЧ, исследуем сводные статистические данные о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, представленными в нижеприведенной таблице:

Таблица 2

Статистический показатель		2014	2015	2016	2017	2018
Рассмотрено дел по существу с вынесением приговора по числу лиц		1026296	1057993	1041762	991777	956429
Из них:	осуждено	746248	762958	767960	724702	681789
	оправдано	5167	4297	3515	2233	2082
Оправдательных приговоров		0,746%	0,607%	0,493%	0,331%	0,327%
Ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу		147428	154260	135882	126299	113141
Из них:	удовлетворено	133755	140457	121796	113269	102165
	Отказано	12183	12260	11824	11860	10962
Ходатайств о продлении срока содержания под стражей		211430	230759	228276	214870	215228
Из них:	удовлетворено	207363	226875	223306	209826	211210
	Отказано	2570	2568	3578	3756	3972
Не удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу составляет		8,263%	7,947%	8,701%	9,390%	9,688%
Не удовлетворенных ходатайств о продлении срока содержания под стражей составляет		1,215%	1,112%	1,567%	1,748%	1,845%

Анализируя статистические данные за 5 лет, становится очевидным, что среднестатистический процент оправдательных приговоров равен 0,5%, тогда как в разгар «Большого террора» эта цифра достигала 13%.

Десятикратное ухудшение показателя применения права настораживает?!

В этой связи, нельзя не признать, что проблема современной юриспруденции заключается не только в нарушении законодательно установленного баланса соотношения частноправового интереса к публично-правовому регулированию, но и в системных нарушениях метода (способа) толкования и применения многоотраслевого права.

Необходимо признать, что нарушения баланса правового регулирования – это системные межотраслевые проблемы, которые не связаны с уровнем политико-экономического развития страны.

Не связано это и с состоянием кодифицированного закона страны, ибо Конституция и уголовно-процессуальный кодекс обеспечены принципами сбалансированного регулирования.

Кроме того, следует отметить, что соотношение уровня прав к предмету регулирования не выражает наличия крена, не отражает исключительного превалирования в интересах частного или публичного права, а только отмечает особую важность и верховенство достижения интересов частного права.

Принципы регулирования институциональной деятельности процессуальных кодексов наделены способностью публично-правового регулирования частноправовых интересов, основанных на диспозитивных началах автономии воли, являющихся подлинно ценностными ориентирами правоприменителя.

Так, глава 2 УПК РФ посвящена принципам уголовного судопроизводства и призвана служить соблюдению баланса правового регулирования, в котором публичное правовое регулирование являет собой защиту частноправовых интересов.

Однако, в соответствии со статистическими показателями, правовая система страны вступает в диссонанс с данными, представленными в обзорах и обобщениях Верховного Суда Российской Федерации, в отчётах Европейского Суда по правам человека. В частности, судебные решения не соответствуют содержанию и духу Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в котором обращает внимание судов на их обязанность при рассмотрении уголовных дел и вынесении решений соблюдать установленные главой 2 УПК РФ принципы уголовного судопроизводства.

Кроме того, судебная практика вступила в противоречие с Конституцией Российской Федерации и с приведённым Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, чем нарушает принципы назначения и применения права, обуславливает ухудшения применения права в интересах частного лица, при котором институт государственного принуждения лишается критерия социально-гуманистического характера.

Анализируя вышеизложенное, прихожу к выводу, что действующая система осуществления правосудия, даёт системный межотраслевой сбой, создаёт условия нарушения критериев независимости, беспристрастности судьи, порождает сверхуровневое применение публичного права и широким судебным применением права, создаёт соответствующую статистику.

Следует отметить важный аспект отправления правосудия. Наибольший процент дел судья рассматривает единолично в первой инстанции. На судью, рассматривающего дело, возложена непосильная нагрузка, «он и жрец, и жнец» при отсутствии сдерживающего и балансирующего факторов. Судья в таком состоянии устанавливает юридические факты и обстоятельства, даёт правовую оценку квалифицирующим признакам, признаёт доказательства допустимыми и достаточными для вынесения приговора, а также «убеждает» вышестоящие инстанции в приоритетном отношении к «установленным» и «принятым», доказательствам.

Правовая система в таком виде показала свою несостоятельность – это широкое пренебрежение социальными и гуманитарными целями уголовно-процессуального права, кроме того, это не способствует полному, объективному, беспристрастному разрешению дел.

Таким образом, судья объективно не в состоянии обеспечить конституционный баланс частного и публичного права. Кроме того, человеческие эмоции судьи, его предубежденность, не могут не влиять на принимаемые им решения.

При таких обстоятельствах судья смотрит на общую картину и представляет её целостной, не фокусируется на отраслевом толковании и применении права, не признаёт законодательный баланс, игнорирует нарушения прав и интересов частного лица, допускает крен применения права в сторону реализации публичного интереса.

Становится очевидной, что проблемы современной юриспруденции носят системный межотраслевой характер.

Кроме того, институт присяжных заседателей в действующей форме осуществления правосудия не может полностью разрешить многоотраслевые задачи, так как, во время осуществления судопроизводства, отсутствует дискуссия сбалансированного решения, отсутствует фактор противоположного мнения, отличного от мнения единоличного председательствующего судьи, отсутствует сдерживающий фактор других отраслевых судей в общеотраслевом правоприменении.

В сложившейся ситуации необходимо обосновать переход к новой концепции, который обусловлен высоким уровнем развития институтов гражданского общества, а

также назревшими условиями неукоснительного улучшения состояния правоприменения при формализации конституционных принципов верховенства права и гарантий обеспечения защиты прав человека и гражданина.

Трое отраслевых судьи образуют «Суд Права», с одной стороны. Пять присяжных заседателей образуют «Суд Факта», с другой стороны, а совместно оба суда, создают «Коронный Суд».

Председательствующим в «Коронном Суде» является отраслевой судья Конституционного правоприменения.

Реализацию численного соотношения судей «Права» к судьям «Факта» автор статьи разрешает применением формулы Фибоначчи.

Численные соотношения по формуле Фибоначчи являются математическим описанием некоторого формообразующего процесса путём реализации закона о пропорциональной взаимосвязи целого и составляющих его частей, их пропорционального соотношения, а также гармоничного соотношения пропорций отдельных частей к целому.

Таким образом, «Золотое сечение» или «Золотое деление» тождественно эталону равновесия «Судей Права» к «Судьям Факта» как три к пяти, а «Золотое деление» равно «Золотому соотношению».

Представляется рациональным и экономически оправданным начать серьезную работу по выработке законодательной инициативы для принятия парламентом страны модели отправления правосудия в форме «Коронный Суд».

1. Статья: «ЕСПЧ подвел итоги 2018 года. Россия – лидер по числу жалоб и нарушений»/Право.ru/Максим Варакин. URL: <https://pravo.ru/news/208489/>. Источник: отчет о деятельности Европейского суда по правам человека за 2018год.URL:https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2018_ENG.pdf(дата обращения: 03.11.2019).
2. Статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, содержащиеся в отчетах. Электронный путеводитель: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации/Судебная статистика/Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 28.10.2019).
3. Зайцев О. А., Абшилава Г. В. Конвергенция частного и публичного права и ее проявление в уголовном судопроизводстве // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24-25 октября 2014 г.): избранные материалы. М., 2015.
4. Абшилава Г.В. Комбинаторика уголовно-процессуальных форм при реализации досудебного соглашения о сотрудничестве//Уголовное право. 2010. № 3. С. 73 - 75.
5. Абшилава Г.В. Уголовно-процессуальная сделка как результат конвергенции частного и публичного права//Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 130-141.
6. Цитирование по публикациям «Право.ru» – май 2013, октябрь 2013; «Российской газеты» – декабрь 2009; журнала «Закон» № 7 2009, № 5 2013; «Эхо Москвы» – май 2013; «Научного ежегодника Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук» – март 2003.
7. Научно-публицистический очерк Алексеев С. С./Частное право. – М.: «Статут», 1999. – 158 с.URL: <http://kursach.com/biblio/0010009/000.htm> (дата обращения: 13.11.2019).
8. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. – 2-е изд. – М.: Статут, 2016 –382 с. (Классика российской цивилистики).
9. Научная статья на тему «Профессор Е.В. Васьковский о предмете гражданского права (к 150-летию выдающегося ученого-цивилиста)». Электронный путеводитель: Научные Статьи.Ру/Примеры/Научные статьи /Юриспруденция и право/Гражданское право/Научная статья на тему «Профессор Е.В. Васьковский о предмете гражданского права (к 150-летию выдающегося ученого-цивилиста)». URL:<https://nauchniestati.ru/bank/primery/nauchnaja-statja-na-temu-professor-e-v-vaskovskij-o-predmete-grazhdanskogo-prava-k-150-letiju-vydajushhegosja-uchenogo-civilista/>.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907г.) /Г. Ф. Шершеневич. – М.: Спарк, 1995. С. 9.
11. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики [Текст] / Н. М. Коршунов. - Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. – 238.

РАЗДЕЛ VIII. ПОЛИТОЛОГИЯ

Dekhkanov N.B.

Formation of public authority – strategic base of providing the stable development of the society

*Namangan state university
(Uzbekistan, Namangan)*

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-32

idsp: scienceconf-25-12-2019-32

Abstract

In this article the issue of developing stable society by forming public authority is described and the thoughts of great politicians are analyzed.

Key words: state, government, decree, society, polis, consultation, social class, political system, democracy, citizen, political culture

Public authority is citizens' consciously, active, equal and free participation in accepting the political decisions [1, p. 224].

In our view point, public authority – the leading political institution of the society is also the formation of state and local state authority and the existence of citizens' opportunity to participate actively in their activities on the basis of equal right and freedom.

From the conceptual and methodological point of view, since 2017 a serious turn happened in the relationship between the state and person, government and citizen which had never existed before, literally, an opportunity of forming mutual communication, dialogue between political government and public was created. The bright fact of this is the establishment of completely new political institutions called public receptions and the virtual reception of the President, literally, public authority, the appearance of conditions for democracy, from 2017 the state, the governors and the head staff of the governments went into the position of receiving decisions by going out the places and seeing the real condition and different social problems with their own eyes instead of governing the people from the above by sitting in the cabinet. As the President Sh.M.Mirziyoev says "People shouldn't work for the state bodies, but the state bodies should work for people" began to find its foundation on the basis of the principles of democracy not in words, but in practice. It can be literally evaluated as the political modernization [2]. For the first time the President's address to the high palace – the Senate of the Oliy Majlis was carried out.

The communication of the government and public, state and person is being carried out in new forms in the world practice today. According to one of the popular politicians J.Mavlonov, in the Western European countries of today this case is represented in the form that called social and civil communication [3, p. 31].

Communication with people should always be on the basis of ethics and mutual respect. Common, particularly, political culture of the people plays a great role in it. The high esthetic base of the communicative process of people and government is the political criterion of modern statehood.

Conceptual, theoretically this process is represented by the term "political discourse". The term "political discourse" is connected with the term "deliberative democracy", as the Russian scholars O.F.Rusakova and V.M.Rusakov said that its aim is to reach the mutual consensus that's an agreement on discussable questions by communication [4, p. 64].

If considered the problem by the method of analysis, one of the powerful and deliberate methods of historical, conceptual, civilizational approach and politology, the term "political discourse" is not new in the history of political science. If we look at the root of the problem, that's the historical characteristics, the first historical form of democracy – in the period of direct democracy the discussion of important questions between the state and public, that's among the

members of the polis was carried out in the attendance of all the members of the polis (the slaves were excepted – N.D.). One of the fathers of the theory of democracy – Aristotle witnessed about it too [5, p. 37].

In the ancient Greece city-countries, that's polises were usually formed by the optional joining of the neighbor people or conquering the other tribes by a powerful tribe.

“Polis” was not a family, but an organizational institution solving the polis, that's social state problems. In those periods of time the tradition of solving social problems by mutual amity and agreement was formed. The member of the polis who tried to solve the social problem by willfulness was called “tyrant” (“tiranos”).

By the term “Policos” the political system of that time and civil and political culture of today was meant [6, p. 8].

Not paying extra attention to the historical terminological and etymological problems of the political communication problems of today it is necessary to mention that the formation of public authority is not today's problem, it existed in Ancient Hellas and Rome in a simple and typical appearance. In Ancient Hellas direct democracy was developed. The extension of the city-country, the increase of the influence (power) of the population historically brought representative democracy.

Formation, foundation or achievement of public authority in today's utterance is in relative character that democratism was observed in all the periods of time too. Particularly, in Temurids state this principle was founded too, the word “mashvarat” (consultation) was appropriate to the meaning of the term “democracy”. Of course, the political decree, final decision was adopted by the ruler (governor). The morals of the Middle Ages proved it. Because, in the East the king was considered to be the assistant of Allah on the Earth.

In the nearby territory to Central Asia – in Ancient Iran the king considered himself to be the direct representative of God. For example, the king Doro I gouged out the Behustun writing on the rock at the end of the VI century BC. In this writing was said: “I am Doro, the Great King, the king of the the kings, the king of the Persians, the king of all countries, the son of Vishtaspa, Arsham, Ahmoniy... I am the king by the support of Okhura Mazda. Okhura Mazda did me a favour” [7, p. 390].

For both the rulers and the citizens settling the social problems is of a special significance, because the government gives the person an opportunity of having all the special privileges and chances with a certain position. Therefore the attempts to have the government were observed in all the historical periods of time.

Conceptually and methodologically, there will appear a question “Is public authority possible?”. There are different answers to this question. According to the opinions of Sh.Mamadaliyev, who studied the problem of public authority deeply and from all aspects, in the first social-historical step the necessity of living in teams, tribes developed the harmonious ideas in the mind of people and the skills of living and working together as well. But, according to the opinion of this author, “as soon as state and social institutes were founded, there appeared those who had power and those who had no power”: commander and executor subject and object. As the understandings about the government broadened, those subjects and objects were distinguished from each other and even they were put opposite to each other. The property relationships having got deeper, the government became the inseparable sign of the property owners” [1, p. 213].

“Thus, - the author concluded – the genesis, dialectics of public and government is directly connected with the appearance of social relationships and the changes happened during the process of their deepening. Public authority (democracy) is the socio-historical product of these changes” [1, p. 213].

Respecting the opinions of this author about public authority it should be mentioned that “public authority” – Greek “democracy” was emerged in the Ancient Athens though, philosophically and methodologically, this phenomenon, that's public authority, democracy “dogma” has not been stayed the same. It is difficult to agree the author's general conclusion saying “there is no place for democracy where there is individualism and personal activeness”.

“The reason why the democracy in Athens not living long is that too” [1, p. 213]. The author’s opinion saying that there where showing one’s individuality is widespread it is difficult to establish unity, admitting the common benefits, relying on them and servicing for them is controversial too.

In order to interpret the phenomenon of “Public authority” correctly political theory, politology should be addressed. For this the meaning of the central concept “policy” should be defined.

Classical concept and understanding about policy dates back to the definition of Aristotle, one of the patriarchs of the subject of politology, “Human is a political creature according to its nature” [5, p. 37].

Politics etymologically means social, state affairs (polis), differs from personal, individual and family affairs.

The philosopher of the West of the XIII century Wilhelm Merbenskiy translated Aristotle’s work “Politics” into Latin. He used the term “communication politica” instead of the concept “politika koinonia” [8, p. 29] (the first means political generality and the latter means political community – N.D.).

More complication and perfection of the relationships between the people in Greek society caused the mutual situation of state and person, high and low classes in the form of pyramids. Thus, in the ancient times politics turned out to be the concept meant the relationships of people with each other according to their social positions. Plato evaluates that political activity is appropriate to aristocrats; it is the activity and function of those with high intellectual abilities.

At the end of the Middle ages the Italian scholar Nikollo Makiavelli firstly tried to put an end to this situation and tried to distinguish religious ethics and policy. In the West during the reformatory time this idea was propagandized by the religious philosophers such as Martin Luter, Jan Kalvin and William Swingly. The French progressivists D.Didro, J.J.Russo, Walter tried to prove not the imagery of human sent by God, but the imagery of human expressing the struggle for the government in life.

In Uzbekistan from 2017 the tasks assigned in the fifth priority area of the strategy of development the policy of increasing and widening the dialogue with the public, state programs encouraging international and interreligious tolerance and the Presidential decrees and announcements will give the opportunity of pushing the negative features such as national ignorance, regionalism, nepotism and acquaintance out of the national spirit and mood. It will bring Uzbekistan to take the appropriate place in the leading rows of the world community as one unit for the national development like Chinese, Japanese, Korean and Germans. The politics of reforms by the President, the increase of his reputation in the international sphere and among the high-ranking organizations like the UN is creating progresses for uniting around the public authority and the national benefits in Uzbekistan not in words and papers but in practice, and the reputation of the toponyms as “Uzbekistan”, “Uzbek” to be admitted in the world community too. Because, only by establishing and improving the public authority in all the social fields it can be possible to establish modern democratic legal state and public authorities depending on the system of self-governing institutions in Uzbekistan.

1. Мамадалиев Ш. Халқ ҳокимияти. –Т.: Академия, 2003.
2. <http://prezident.uz/ru//list/view1370>
3. Мавлонов Ж. Коммуникативное основа деятельности институтов гражданского общества: тенденции и инновации. –Т.: “Adabiyot uchqunlari”, 2018.
4. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: УрОРАН Институт международных связей, 2008.
5. Аристотель. Политика. Афинская политика. –М., 1997.
6. Берве Гельмут. Тираны Греции. – Ростов на-Дону, 1997.
7. История Древнего Востоке. Текст и документы. Учебное пособие. Под. ред. В.И.Кузнецова. – М., 2002.
8. Жиро Т. Политология. – Харьков, 2006.

РАЗДЕЛ IX. ИСТОРИЯ

Mammadova J.V.

The Fourth Crusade, deviated from its goal

*Istanbul University – 1453
(Turkey, Istanbul)*

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-33

idsp: scienceconf-25-12-2019-33

Abstract

The article deals with the description of the Fourth Crusade, which stood out for its climactic concept, known in the history of the Crusaders as “The Wars of the Crosses”. The article proposes consideration of some nuances with respect to the reasons for changing of the route of the carriers of the cross, as well as the role of the Doge of Venice in the conquest of the city of Zadar in 1203 and later the city of Constantinople in 1204.

Keywords: Venice, crusaders, Zadar, Constantinople, count, doge, Innocent III.

Introduction

The Fourth Crusade of 1202-1204 years, deviated from its goal, is of particular importance in the history of the Christian world where religious idea prevails over the political idea. The historical stage of the Fourth Crusade happened with the active participation of Pope Innocent III, King of France Philippe, King of Germany Philippe of Swabia, and Counts of Champagne and Flanders. Pope Innocent III, King of France Philippe, King of Germany Philippe of Swabia, Counts of Champagne and Flanders take an active role on the historical stage of the fourth crusade.

In 1198, active preparations for war launched under the leadership of the young and ambitious Pope Innocent III, who longed to possess the sovereignty of not only supreme, but also monarchical power. To achieve his goal, he aimed at the liberation of Jerusalem from ‘the infidels’. However, in 1202, due to the intervention of the Venetians, the course of the war was changed, where the Christian fought against the Christian, whereas the Christian had to fight against the Muslim. Since the crusaders did not have enough money to completely pay for the Venetian ships, Venice demanded cooperation because of the delay in payment, in order to conquer the Christian city of Zadar on the Adriatic coast.

After that, the Venetians invited the French once again to turn off the route against their trading rivals, the Byzantines, under the pretext of restoring the ousted Byzantine emperor Isaac II Angelos and his son. The bearers of the cross agreed to the proposal of the Venetians, against the will of the Pope, in order to receive the monetary reward promised by Alexios IV Angelos, which was never realized. In response to this, the crusaders captured Constantinople and robbed it for three days, destroying the greatest cultural values. In place of the Byzantine Empire, the Latin (Roman) Empire was created, on the throne of which Baldwin IX, Count of Flanders was seated.

Thus, the Venetians successfully and cunningly used the military forces of the crusaders to put into reality their goals. As a result, the Byzantine Empire became a victim, defeated by the French and Venetians, and this led to a socio-political upheaval of the empire.

Fourth Crusade Eve

The new Pope Innocent III, elected in 1198, intended to lead the Crusade and thereby strengthen his papal authority. Finally, on August 15, 1198, Innocent III began to call for war. But unlike previous wars, major chivalry and kings were in no hurry to take part in the fourth crusade. Many were occupied by internal strife, one of which was political instability in England.

The death of King Richard of England in 1199, caused local civil strife for power in the country. It was when Philippe, the king of France for his own benefit, took part in the English chaos [4, p. 167]. In Byzantium, political situation was much more difficult. The representatives of the Angelos dynasty, who headed the empire, were rather weak, which led to the overthrow of the first ruler of this dynasty, Isaac II Angelos, by his brother Alexios III in 1095.

Finally, in 1199, the brother of the Jerusalem king Thibault Champagne, as well as the Earl of Blois and Shart Louis, accepted the cross. Thibault Champagne was chosen as the commander in chief of the campaign, but Count Champagne was not able to take part in the campaign because of his unexpected death. But, despite this, he was able to be useful, bequeathing 50,000 lire to the expenses of the war. [3, p.] The death of the count caused the second meeting of the crusaders in Soissons. The crusader barons elected Boniface of Monferratos based on the order of Philip Augustus [6, p. 91]

Having assumed the post of commander in chief, Markgraf, took into account the wishes of the counts about which Muslim lands they would like to invade [3, p.] The answer he heard was Babylonia or Alexandria, since on these lands they intended to acquire huge booty. Thus, a group of knights was sent to Pisa, Genoa and Venice to conclude an agreement on the rental of ships for the transport of 4000 companies of knights, as well as 100,000 infantry [3, p.]. Having received a refusal from Pisa and Genoa, the crusaders received a positive response from the old Venetian Doge, Enrico Dandolo, who pledged to deliver the French crusaders by sea to the shores of the Holy Land for 85,000 marks of silver. According to the terms offered by Doge, he and his troops were to take part in the fourth crusade, and the acquired booty was to be shared with him. Moreover, the crusaders had to rescue twenty five thousand marks in advance for the construction of the fleet. Having no other choice, the crusaders accepted the conditions set in front of them.

Wars of Crosses

After Easter, a military detachment of crusaders gathered in Venice, from where they went to the island of San Nicolas [3, p.]. Upon learning of the arrival of the crusaders, the Venetians requested the remainder of the money to make ships. The crusaders managed to collect a certain share of the money, since only 12 thousand of the 30 thousand French soldiers who were expecting arrived. They remained in debt for 50,000 marks, which led to the discontent of the Venetians and the Doge [3, p.] The situation, formed on the basis of Venetian tension, forced the crusaders to collect a conditional amount for the second time. However, this time they again were not able to return the full amount, remaining in debt for 36,000 marks. Then the Venetians offered the French, as a fee extension, assistance in attacking the city of Zadar in Dalmatia, which was Venice's main rival on the Adriatic Sea. Debtors had no choice but to accept the offer of the Venetians. Moreover, they intended to acquire loot during the sack of the city, which would help them to repay the debt, as well as make a trip to Egypt. Having learned about the plans of the Venetians, the Pope banned the campaign, threatening with excommunication of them from the Church. Despite the pope's decree, in November 1202, the ships of the combined armies of the Venetians and the French sailed away towards Zadar. Five days later, on November 15, the combined forces attacked Zadar and thoroughly looted it [4, p. 172]. The booty was divided between Enrico and the crusaders.

Following the victory over Zadar, the Venetian Doge invited the crusaders for the second time to deviate from the route towards the capital of the Byzantine Empire, in whose hands was a trump card for an attack on Constantinople to take revenge as a son of the Isaac II Angelos who was deposed from the throne. Meanwhile, Alexios IV, who was in the palace of the Emperor of Germany Philip of Swabia, was in need of military help to take back Constantinople. To attract the crusaders, Alexios IV pledged to them money, people and equipment for an expedition to Egypt, with the condition that they will return the throne to him and to his father [5, p. 39]. Thus, having a plausible pretext as the restoration of the true ruler to the throne, the crusader army

agreed to change the military path towards Constantinople, not paying attention to the pope's ban.

At the end of April, young Alexios arrived to the city of Zadar, where the crusader army was located, and a few days later the fleet set out and by June 24, 1203, the ships of the Venetians and crusaders approached the sides of the Byzantine capital. Despite the resistance of the Byzantine troops, especially the Varangian mercenaries, on July 17, 1203, the pearl of the cities of Byzantium was captured by the Latin troops [7, p. 385]. In the morning, the Byzantines discovered that Emperor Alexios III escaped, devastating the imperial treasury and leaving the city to its fate. Thus, on August 1, 1203, Prince Alexios was proclaimed emperor with his father in Hagia Sophia under the title Alexios IV Angelos [4, p. 173].

In February 1204, a group of crusaders went to the Palace of Blachernae with a demand to keep the promise given by Alexios IV [2, p.107]. However, this conversation was unsuccessful for the Latin crusaders. The question of paying the promised remuneration again hung in the air. After the visit of the emperor, they were attacked by the angry Byzantine people. But that was not all, the Byzantines ousted Alexios IV and his father from the throne, proclaimed a man named Nicholas Kanabos as the new emperor, who, according to sources, did not want to accept the imperial crown [1, p.]. At this time, son-in-law of Alexios III, husband of Evdokia Murtzuphlus took advantage of the chaotic situation and captured the throne, whereas the overthrown Alexios was strangled in prison.

Murtzuphlus maintained a political stance against the Latin troops and aimed to expel the crusaders from the city. To do this, he decided to use the forces of hired troops, and finally, on April 9, Friday morning, a clash took place between the Byzantine and Latin forces [8, p. 500]. The ships of the Venetians could not get closer to the city walls due to the wind. However, as a result of the terrible economic situation of the country, mercenary forces, not receiving money, refused to fight against the Latin troops [9, p. 228].

Thus, the goal of Murzuphlus to expel the combined Venetian and Frankish forces from Constantinople was unsuccessful. On April 13 of the same year, the crusaders managed to break into the city, and Emperor Alexios V Doukas Murzuphlus, as Alexios III Angelios escaped, leaving Constantinople to the arbitrariness of fate. The city was brutally looted by Latin troops for three days. During these three days, residential buildings were burned, defenseless townspeople were brutally murdered, children were sold as slaves, and all the holy values in monasteries and churches were the victims of Latin robbery.

After a tragic defeat for Byzantium, Constantinople fell into the hands of the crusaders, where the Latin (Roman) empire was created, which was able to continue its existence for 57 years (1204-1261).

1. Novgorod First Chronicle of senior and junior exodus. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Moscow, Leningrad. 1950. p. 576.
2. Runciman S. History of Crusades. Vol. 3. Türk Tarih Kurumu Publishing House. Ankara. 1992. p. 465
3. De Clari Robert. The conquest of Istanbul (1204). Türk Tarih Kurumu Publishing House. Ankara. 1994. p. 54.
4. Demirkent I. Crusades. Dünya Yayıncılık Publ. House, İstanbul. 1997, p. 353.
5. Shishkin A.A. Crusade events in the assessment of its participants, Young Scientist. No. 7 (54), June 2003, pp. 37-41.
6. Murzenkov D.N. Fourth Crusade of 1198-1204 years. Transactions of Soviet Historians of the 1930s – late 1940s. Bulletin of Young Scientists, 3, 2004. Series of Historical Sciences 2. 2004. Pp. 87-93.
7. Ostroqorskiy G. The History of Byzantine State. Republished. Ankara. 2015.
8. Emrullah Kaleli. Byzantines and Westerners during the Crusades (1096-1204). Night Library. Ankara. 2017. p. 520.
9. Levchenko M.V. History of Byzantine State from origination to collapse. Özne.

Sidorova T.A.**The German Historical School in the British Historiography of the Critical Trend. The End of the XIX-th – the First Half of the XX-th Centuries***Sochi Institute (affiliated branch) of Peoples' Friendship University of Russia
(Russia, Sochi)**doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-34**idsp: scienceconf-25-12-2019-34***Abstract**

The article deals with analyses of the influence of the German historical school on the British historiography of the critical trend, also called in Europe “the law school”. Chronological boundaries of the study – the end of the XIX-th – the first half of the XX-th centuries. The author examines the theoretical adoptions of the German scholars by the historians and lawyers of the British critical trend in their studies of Medieval England in the fields of history, law, economics, politics, social life. These adoptions had been critically revised in the British historiography and used for the growth of the national history of law.

Keywords: F.W. Maitland, the German historical school, the method of critical analyses, historical jurisprudence, the theory of corporation, “the corporation sole”, the idea of law in history, “persona ficta”, the burgh theory, hermeneutic approach, primary sources, the British historiography of the critical trend (law school), studies on Medieval England.

The British historiography of the critical trend of the end of the XIX-th the first half of the XX-th centuries (law school) was greatly influenced by the German historical school in a broad sense, including the German historical school of law and the German philosophical / legal hermeneutics. At the turn of the XIX-th and the XX-th centuries the theoretical jurisprudence in Great Britain was still in its infancy as well as the history of English law, which growth needed the reliable theoretical foundations. The “great Germans” became the teachers of the English historians and lawyers, who were the source of the problem and contributed to its formation and development. The British historians of the critical trend – A. Ballard, M. Bateson, N.S.B. Gras, H.L. Gray, F.G. Davenport, D.C. Douglas, E. Jenks, J.E. Jolliffe, H. Cam, A.E. Levett, W.Sh. McKechnie, T.F.T. Plucknett, A.F. Pollard, F.M. Powicke, H.G. Richardson, F.M. Stenton, G.O. Sayles – followed F.W. Maitland, their leader, who deeply studied the German historical, philosophical and juristic legacy and widely used it in his works on the English Medieval history.

The works of B.G. Niebuhr, L. von Ranke, H. Brunner, O.F. von Gierke, A. Meizen, F.W.E. Keutgen, F.C. von Savigny, R. Sohm, G.L von Maurer armed the British historians of the critical trend with advanced ideas, theories and methods of scientific research. They played a huge role in shaping their historical views and formation of theoretical and methodological basis of their scientific studies. The ideas of the “great Germans” in the fields of history, law, economics, politics, social life have become a source of their reflection on the state of their own historical and legal science, studies, critics and scholarly debates.

“The critical” historical and law concept of F.W. Maitland (1850–1906), the founder and the greatest historian of the critical trend in England, was based on its fundamental research method – the method of critical analyses, which he adopted from B.G. Niebuhr and L. Ranke. The most important characteristics of this method as the following: appeal to a reliable source of evidence, its authenticity, comparative and critical examination of historical texts and law records, objectivity in the study of history, personal work of the historian in the archives in order to get the evidence from primary sources [17, p. 83].

But, this method in F.W. Maitland’s studies of the Medieval English history was not reduced to mechanical reception of work with legal texts. Due to his skill the critical method was raised to a level of philosophy of creativity: on the critical method rested the conviction of the historian in the possibility of an objective restoration of the historical past based on historical

evidences. He believed that by this method “the darkest ages” of the English history of law, studied retrospectively, could be reconstructed.

F.W. Maitland was one of the central figures, a “towering figure” [19, p. 322], who helped to turn the study of history in Britain into a professional pursuit, in which the scholar was encouraged to spend long hours in the archives reading primary sources, in order to produce thoroughly researched works on specific periods and subjects. This very Germanic method stood in contrast to the tradition of gentlemanly historiography in England, written by men such as E.A. Freeman, whose passion for the grand narrative matched their aversion for the archives [6, p. 4].

In the works of the German legal scholars F.W. Maitland was interested in the theoretical problems of historical jurisprudence. Much he learned from O. Gierke to the understanding of whose complex writings he came quite late, not before the 1890-s, when he together with F. Pollock worked on “The History of English Law”. Under the impression of O. Gierke’s “Das Deutsche Gennossenschaftsrecht” [3] F.W. Maitland reworked the section about the medieval boroughs to the second addition of “The History of English Law”. He then started the translation into English the O. Gierke’s “Political Theories of the Middle Ages” [10], which he did with all his skill and knowledge. O. Gierke, as G.P. Gooch wrote, called F.W. Maitland “the inspired interpreter” of his ideas and colleague in learning of the issues of corporate [4, p. 372].

Earlier F.W. Maitland began the translation, never completed, of the famous work of the German legal historian F.K. Savigny “Geschichte des Römisshen Rechts im Mittelalter” and hoped to be able to do for English law what Savigny had done for Roman law [14; 18, p. 9].

In the translation process F.W. Maitland faced difficulties of a linguistic and semantic nature: there were no definitions in English which could adequately convey the meaning of European, German and Latin, special legal terminology – “Recht”, “Aktiengesellschaft”, “Gesellschaft”, “Gesellschaftsvertrag”, “Staat”, “Genossenschaftstheorie”, “Gesammperson”, “Gesammtwille”, “Korperschaftsbegriff”, “Korporationstheorie”, “persona ficta”, etc. [10, p. XXI-XXVI]. That was a sign of undeniable backwardness of British theoretical jurisprudence. So F.W. Maitland had to invent new words and phrases to make O. Gierke’s “Political Theories of the Middle Ages” clear to the English. He highly evaluated the German theory of corporation: “The new theory was to be philosophically true, scientifically sound, morally righteous, legally implicit in codes and decisions, practically convenient, historically destined, genuinely German, and perhaps exclusively Germanistic” [10, p. XXV].

Moreover, F.W. Maitland was the first in the British medieval studies who start to learn the English-French language of the XIV-th century and wrote the special grammar essay, highly appreciated by the most authoritative European experts [15, c. 86, 95]. F.W. Maitland was a pioneer in historical semantics.

The Russian historians P. Vinogradoff and A. Savin believed that O. Gierke mostly influenced on F.W. Maitland of all the German historians and jurists [15, p. 106; 20, p. 288]. But as far as I understand, it was F.K. Savigny from whom F.W. Maitland firstly adopted the leading role of the idea of law in history and the history of law, that law was the product of the spirit of the nation, has a historical origin, could be comprehended historically and should be studied historically, within the historical context. It was the direct effect of the German historical school, the brightest representative of which was F.K. Savigny. However, F.W. Maitland did not aim to use history to advance jurisprudence, he was famously sceptical about the utility of history to lawyers, he dismissed the approach of the “historical school now fashionable”, which said that property law was a product of social evolution and national life, as M. Lobban, Professor of Legal History, rightly wrote [6, p. 6]. But I should say that these concerned F.W. Maitland’s attitude to anachronism – the research approach then widely spread then in British historiography, which he considered unhistorical. This was not the case for the German historical school as a whole.

F.K. Savigny aroused F.W. Maitland’s interest in the study of legal fiction, “persona ficta”, dating back to Roman law, used in Roman law and in Middle ages. Then he came to O.F.

Gierke's theory of the Corporation, which had been critically reworked and used by him to explain the complex status of the British Crown based on the concept of "corporation sole" [7].

The influence of the German school in F.W. Maitland's works had reflected on his understanding of the essence of feudalism. As O.F. Gierke, he perceived feudalism as a complex political and legal system with a branched hierarchy of the land relations where the contract of private law prevailed [3, bd. 1, s. 153]. He shared the views of H. Brunner on the need to study legal habits and institutions of law within the historical context, not isolated of it [2, bd. 1, s. 6]. F.W. Maitland was in solidarity with G.L. Maurer and A. Meizen on the issue of the existence of community relations of all Germanic tribes since the ancient times, the preservation of the community for a long time after the establishment of feudalism and that the community was more earlier institute than manor [11, s. 96; 12, bd. 1; 13, vol. I, p. 564–566, 615]. F. Keutgen's burgh theory of the origin of the boroughs F.W. Maitland considered universal and applying it on the English soil, developed its analogue – the garrison theory to explain the rise of boroughs in Medieval Britain [5; 8; 9].

Briefly, about F.W. Maitland's hermeneutic approach to the study of the history of English law. I am not sure whether he knew directly the philosophical works of F. Schleiermacher, F. Schlegel, W. Dilthey, E. Husserl or came to hermeneutic methods on their own, subconsciously, but given his inexhaustible interest in German theoretical literature [20, p. 288], it cannot be excluded. For F.W. Maitland hermeneutics was of particular value in his intention to know the mental specifics of medieval people through the study of their law. In the social and philosophical essence the legal culture is the social phenomenon, the way of organizing and acting of the man by the legal norms, the laws, the level of civility. From this point of view, hermeneutics especially closely related to law. The legal hermeneutics is essentially historical, because it implies thinking on legal texts and social facts learned on the basis of laws. This goal was pursued by F.W. Maitland.

The difficulty of the historian's task was to express another time in its realities, conveying it in the language of concepts of his own time [1, p. 72]. Hermeneutics was the perfect way to achieve this goal thanks to one of its most important categories – the time interval. Much of what did the founding fathers understood by hermeneutics, was manifested in the work of F.W. Maitland. F. Schleiermacher believed that the understanding of someone else's text requires genius – F.W. Maitland was a genius, and the contemporaries recognized this. According to W. Dilthey, the main way of knowledge of the social sphere was the spiritual dialogue with the person of the studied epoch – in the laws of Medieval England F.W. Maitland saw the way of legal understanding of social reality, the history, which he tried to comprehend by mental categories of the Middle Ages. E. Husserl gave hermeneutics the ability to interpret the spiritual life of particular person and his world – F.W. Maitland tried to reconstruct the social history of English Middle ages through its legal mentality [17, p. 99-101].

F.W. Maitland's theoretical adoptions were not the blind copying or repetition of the achievements of the German historians. For he, as A.N. Savin rightly pointed out, was much stronger in analysis than in synthesis, therefore all theoretical adoptions brought him the great benefit [16, p. 442–443].

In the first half of the twentieth century, F.W. Maitland's work inspired a succeeding generation of historians, not lawyers, who were interested in law as one of the means of governance in medieval society: H.G. Richardson (1884-1974), G.O. Sayles (1901-94), H. Cam (1885-1968), Sir Frank (1880-1967) and Doris Stenton (1894-1971). They were the historians trained by universities which by the 1920-s were beginning to imitate the German idea that history was a subject to be studied scientifically, based on extensive research into primary sources. Their work contributed importantly to an enriching of the medieval historiography of law, in the editions and monographs they produced. T.F.T. Plucknett was a historian, rather than a lawyer by training, and his scholarship displayed many of the characteristics of Maitland's highly focused archival methods [6, p. 7-8].

The German Historical School in a broad sense, including the German historical school of law and the German philosophical / legal hermeneutics, had greatly influenced the British historiography of the critical trend (law school) of the end of the XIX-th – the first half of the XX-th centuries. The British historians F.W. Maitland, especially, A. Ballard, M. Bateson, N.S.B. Gras, H.L. Gray, F.G. Davenport, D.C. Douglas, E. Jenks, J.E. Jolliffe, H. Cam, A.E. Levett, W.Sh. McKechnie, T.F.T. Plucknett, A.F. Pollard, F.M. Powicke, H.G. Richardson, F.M. Stenton, G.O. Sayles – needed the reliable theoretical foundations for the growth of the national history of law, which was their research subject.

From the works of the “great Germans” – B.G. Niebuhr, L. von Ranke, H. Brunner, O.F. von Gierke, A. Meizen, F.W.E. Keutgen, F.C. von Savigny, R. Sohm, G.L von Maurer – they adopted, critically revised and widely used the method of critical analyses, the theory of corporation, “persona ficta”, the idea of law in history, the hermeneutic approach, the burgh theory. The British reflected the German idea that history was a subject to be studied scientifically, based on extensive research into primary sources. Due to the German historical school, the British historiography of the critical trend was enriched with knowledge, which raised it to the level of European science.

1. Barg M.A. «Historical Time»: Methodological Aspect // Modern and Contemporary History. 1990. No. 1.
2. Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. – Leipzig, 1906.
3. Gierke O. Das Deutsche Gennossenschaftsrecht. – Berlin, 1868-1913. 4 vols.
4. Gooch G. P. History and Historians in the Nineteenth Century. – London, New York, 1913. – 600 p.
5. Keutgen F. W.E. Untersuchungen uber der Ursprung der Deutschen Stadtverfassung. – Leipzig, 1895.
6. Lobban M. The Varieties of Legal History // Clio Themis. No. 5, 2012, pp. 1-29.
7. Maitland F.W. The Crown as Corporation // The Law Quarterly Review. 1901. No. 17, pp. 131-146.
8. Maitland F. W. Domesday Book and Beyond: Three Essays in the Early History of England. – Cambridge, 1897. – 548 p.
9. Maitland F. W. Township and Borough: The Ford Lectures. – Cambridge, 1898. – 220 p.
10. Maitland F. W. Political Theories of the Middle Ages, by Dr. Otto Gierke. Translated with an Introduction, by F. W. Maitland. – Cambridge, 1900. – 197 p.
11. Maurer G.L. von. Einleitung zur Geschichte der Markt-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung und der Offentlichen Gewalt. – München, 1854.
12. Meizen A. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Keiten, Römen, Finnen und Slaven. – Berlin, 1895. Bd. I.
13. Pollock F. and Maitland F.W. The History of English Law before the Time of Edward I. – Cambridge, 1923. Vol. I- II.
14. Savigny F.K. Geschichte des Römischen Rechts in Mittelalter. Bd. 1-2. – Heidelberg, 1815.
15. Savin A.N. In Memory of Maitland // The Russian thought. B. 10, 1907, pp. 80-106.
16. Savin A.N. The English Lawyer in the Role of Historian // The Journal of the Ministry of National Enlightenment, 1900. No. 12, pp. 442–443.
17. Sidorova T.A. Frederic William Maitland and British Historiography of the Critical Trend. The End of the XIX-th – the First Half of the XX-th Century. – Saint-Petersburg: “Aletheia”, 2014. – 696 p. (Pax Britannica).
18. Schuyler. R.L. Frederic William Maitland, Historian. Selections from his Writings. – The University of California Press, 1960. – 261 p.
19. Schuyler R.L. The Historical Spirit Incarnate: Frederic William Maitland // The American Historical Review, Vol. 57, No. 2, January, 1952, pp. 303-322.
20. Vinogradoff P. Frederic William Maitland // The English Historical Review. 1907. April. Vol. XXII. No. LXXXV, pp. 280-289.

РАЗДЕЛ X. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ивинских Г.П.

Трансформации театра в переходные эпохи России, на рубежах XIX – XX и XX – XXI веков

*Пермский государственный институт культуры
(Россия, Пермь)*

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-35

idsf: scienceconf-25-12-2019-35

Аннотация

Социокультурная динамика современности и ее преломление в театральной сфере, начиная с 1990-х годов, рассматриваются в соотнесенности с послереволюционным десятилетием (1917–1927). Для анализа и сопоставления этих переходных периодов, дистанцированных хронологически и ментально, используется сравнительно-исторический (компаративный) метод. Сопоставив рубежи веков, можно лучше увидеть вектор развития художественной культуры, пути перехода от модерна к постмодерну, механизмы влияния «переходности» на функционирование театра, на его коммуникационные, зрелищные, художественные и структурные изменения.

Ключевые слова: переходные процессы, трансформации российского театра, революция, перестройка, традиции, авангард.

Трансформации театра в переходные периоды отечественной истории затрагивают широкий спектр отношений театра с государством, обществом и публикой. Актуальность исследования заключается в выявлении сущностных черт переходности в театральной жизни и в выработке на этой основе альтернативного механизма перехода, который, если не предотвращал, то хотя бы ослаблял инверсионный, разрушительный характер перемен, позволяя при внедрении нового не уничтожать, но развивать предшествующие культурные достижения.

Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков в аспекте переходности представляются наиболее репрезентативными за последнее столетие. Несмотря на значительное структурно-типологическое сходство переходных ситуаций, в содержательном плане они имеют существенные различия.

Революционные события 1917 года не только обострили борьбу различных художественных направлений, развернувшуюся еще в предреволюционное время, но резко разделили деятелей искусства на противников революции, настороженных наблюдателей и немногочисленных сторонников. Стратегия и тактика культурной политики советской власти складывалась не только в напряженных дискуссиях, но порой сопровождалась открытой враждебностью.

Принципиальной проблемой культурной политики первых лет “бури и натиска” было сохранение баланса между культурным наследием прошлого и культурой, создаваемой в ходе новых социокультурных изменений. В итоге в этот труднейший период были спасены не только театры, существовавшие до революции, но произошел лавинообразный рост новых театральных коллективов. Среди известнейших – театры под руководством Е. Б. Вахтангова, В. Э. Мейерхольда, Большой драматический театр (сегодня – театр им. Г. А. Товстоногова), на 1920-е годы приходится расцвет Камерного театра, основанного А. Я. Таировым в 1914 году. Повсеместно открывались театральные студии, только в Москве их возникло около сотни. Появились новые театры и в провинции. Именно театр как наиболее зрелищная и коллективная форма общения стал лидером в системе художественной культуры тех лет.

Об этом свидетельствовали и первые зарубежные публикации о советском театре. Так, Герберт Уэллс, побывав в 1920 году в России, был потрясен расцветом театральной жизни. В своей шумевшей книге “Россия во мгле” он писал: “Наиболее устойчивым элементом русской культурной жизни оказался театр. <> Как это ни поразительно, русское драматическое и оперное искусство прошло невредимым сквозь все бури и потрясения и живо и по сей день. Оказалось, что в Петрограде каждый день дается свыше сорока представлений, примерно то же самое мы нашли в Москве. Пока смотришь на сцену, кажется, что в России ничто не изменилось; но вот занавес падает, оборачиваешься к публике, и революция становится ощутимой” [5, с. 23].

Действительно, это было время контрастов, с одной стороны, война, гибель людей, отчаяние, с другой – надежды, напряженные творческие поиски и выдающиеся достижения. Только в одном сезоне 1921/1922 годов, впоследствии названном “золотым” [2], появляются спектакли К. С. Станиславского, В. Э. Мейерхольда, Е. Б. Вахтангова, А. Я. Таирова, вошедшие в историю отечественного и мирового театра.

Рассматривая новаторство советского театра 1920-х годов в более широком контексте, можно увидеть не только его каузальную (причинно-следственную) зависимость от своего времени, но и его генетическую связь с театральными экспериментами предоктябрьских десятилетий. Главный тренд был связан с движением от реализма к условности и с модификациями самого реализма.

Режиссерские новации названных и других режиссеров, меняли привычную форму спектаклей, что достигалось, как за счет реорганизации игрового пространства (отказ от павильона и кулис, движущиеся конструкции, возросшая роль просцениума, замена рампы прожекторами), так и за счет обновленных приемов актерской игры. К признакам трансформации можно отнести и злободневность трактовок, в том числе «осовременивание» классики, отмену привычных амплуа, появление новых героев с подчеркнутыми классовыми признаками (рабочий, красноармеец и т. д.). В ряду новаций – возросшая динамичность сценического действия, публицистичность, стремление к прямому контакту со зрителем, перенос действия в зрительный зал, внедрение в театр цирковой эксцентрики, монтажных ритмов кино, использование кинокадров в структуре самих спектаклей. Проявилась и тенденция к мюзикхоллизации постановок.

Спектакли 1920-х годов, разные по стилю, пониманию природы театра, до сих пор рождают споры, питают искусство современной сцены. Это свидетельствует о том, что искусство обладает внутренними законами развития, и революционные события не отменяют, но трансформируют театральный процесс.

Новый цикл перемен, начавшийся в годы перестройки, с середины 1980-х годов и последующие общегосударственные реформы, принесли проблемы, во многом схожие с теми, с которыми столкнулись наше общество, культура, театр, веком раньше. Вновь произошло крушение идеалов, переоценка ценностей. Наряду с резкой социальной стратификацией начались процессы культурной дифференциации, дробления и размежевания, как по идеологическим, так и по эстетическим основаниям.

Конечно, конкретная жизненная реальность неповторима. “Повторяется, по словам А. Бергсона, “лишь тот или иной аспект реальности, выделяемый нашими чувствами” [1, с. 77]. Распад СССР, как прежде крах империи, резко изменили ощущения времени и пространства – базисные категории мировосприятия. Если после революции и окончания Гражданской войны преобладала вера в “светлое будущее” (хотя действительность часто подменялась словесным фетишизмом), то в 1990-е годы возникла боязнь будущего, “футурошок”, как назвал это болезненное состояние, порожаемое переменами, А. Тоффлер [4].

Изменения в мироощущении, ухудшения экономического положения в стране, отразились и на театральной сфере. В начале 1990-х годов произошел резкий спад посещаемости российских театров [6, с. 46–49, с. 52–54]. Полагаем, что на ситуацию повлияли и объективные причины, не зависящие от самих театров. Это был период

наибольшей нестабильности за последние десятилетия. Обстановка в обществе оказалась настолько зыбкой, что стало вообще не до театра: произошло инстинктивное отторжение публики от театра как от искусства в принципе иллюзорного.

Подобный сдвиг в мироощущении, когда общество опасается иллюзий, и испытывает острую психологическую потребность в достоверности, в истине, но не в метафизическом плане, а в смысле уменьшения риска заблуждений, можно назвать «кризисом вымысла». Еще Э. Гуссерль высказывал мысль о том, что в ходе развертывания кризисного сознания у людей возникает страсть к наблюдениям и познанию мира. Иллюзии выключают человека из социума, а это опасно, когда картина мира смутна и колеблется. По всей видимости, у людей в трудный переходный период исчезает желание (а подчас и силы) вникать в чужую психологию, переживать за чужую, выдуманную жизнь.

Очевидно, падение зрительского спроса с начала 1990-х годов носило объективный характер и являлось не столько кризисом театра (о котором тогда много говорилось), а кризисом зрителей, точнее – “кризисом вымысла”. Так бывает с подростками в переходном возрасте, когда реальная жизнь становится для них интереснее и важнее вымышленной. Кстати, социологи и педагоги давно (еще в начале 1970-х годов) обратили внимание на то, что у зрителей отроческого возраста (от 10 до 15 лет) ослабевают интерес к театру [3, с. 86]. Здесь можно провести параллель и с целым обществом на стадии коренного перелома.

Государство после 1917 года, говоря о необходимости «открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства», преследовало не только цели просвещения, но и пропагандистские. И выделяло на это средства. После 1991 года, когда театральное искусство было фактически освобождено от идеологической функции и отнесено к сфере услуг, к рекреационному досугу, государство стало относиться к театру как к одному из инструментов воздействия на общественно-политические процессы. Исчезло и понимание театра как основного системообразующего элемента культуры.

Изменившиеся условия заставляют театры искать новые организационно-финансовые и художественные формы работы, трансформировать отношения с публикой. «Театр-дом», «театр-храм», утрачивает свои позиции. Нарушается целостность трупп. Характерной стала «миграция» актеров, их выступления на «чужих» сценах. Возникают театры без постоянной труппы, открытые сценические площадки, малые сцены, антрепризы, что расширяет репертуарные предложения, а значит, увеличивает варианты индивидуального выбора для публики, для новых формирующихся субкультур.

Меняются и функции театра. Если в перестроечное время доминирующими были гражданско-публицистические, то в последующем, (при сохранении основополагающих функций – коммуникативной, компенсаторной), стали ярче проявляться развлекательные, игровые, что нашло выражение в большей зрелищности спектаклей, их насыщенности музыкой, движением, распространение получили мюзиклы.

«Кризис вымысла», в наибольшей степени влиявший на театральную ситуацию конца 1980-х – начала 1990-х, когда зрителей не привлекали даже комедийные жанры, стал сменяться на потребность в вымысле. В чем суть этих изменений, повернувших публику лицом к театру? Человек не может длительное время находиться в кризисе, испытывая острую боль. Он, как правило, начинает искать пути и способы исцеления от болезни, в том числе и социальной. Погружение в гущу реальности не принесло людям облегчения, не уберегло от ошибок. И тогда в поисках выхода из стрессовой ситуации каждый стал вырабатывать свои правила жизненной игры. На горизонте общественных интересов вновь появился театр как стимулятор жизненных сил, так необходимых человеку в трудную минуту, когда острая фаза болезни миновала.

В последние годы в России наблюдается бум театра, далекого от традиционных эстетических форм: action art, иммерсивный, променад, саунд-театр, сайт-специфик и ряд

других, крайне минималистских или, наоборот, с широким спектром средств выразительности, которые можно объединить понятием «тотального театра».

В ситуации переходности, когда нарушается система ценностных ориентиров, необходима трансформация и культурной политики. Переход к нестандартным формам регулирования, гибким моделям управления, включающим поддержку самоорганизационных механизмов, заложенных в самой культуре, могут обеспечить устойчивый баланс в развитии общества.

Процесс трансформаций в искусстве неостановим. В нем самом заложен ресурс развития, в том смысле, что изменение действительности, меняющее человека, меняет и способы его выявления средствами искусства, и методы анализа явлений искусства и культуры.

1. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – Москва : Канон-Пресс, 1998. – 384 с.
 2. “Золотой сезон” советского театра 1921/1922: Сборник научных статей.– Российский институт истории искусств, 2016. –108 с.
 3. Рабинович, Р. Театр и школьник / Р. Рабинович, Ю. Фохт-Бабушкин, К. Чулкова // Театр и зритель. Проблемы социологии театрального искусства : по материалам симпозиума «Актуальные проблемы организации экономики и социологии театра» / Всесоюзное театральное общество ; Институт истории искусств Министерства культуры СССР. – Москва, 1973. – 268 с.
 4. Тоффлер, А. Футурошок / А. Тоффлер. – Санкт-Петербург : Лань, 1997. – 464 с.
 5. Уэллс, Г. Россия во мгле / Г. Уэллс : пер. В. Пастоев, И. Виккер – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1958. –104 с.
 6. Экономические показатели деятельности театров и концертных организаций России за 1990, 1991 годы. Вып. 25, ч. 1. – Москва : ГИВЦ МК РСФСР, 1992. – 118 с.
-

РАЗДЕЛ XI. ФИЛОЛОГИЯ

Поленова Г.Т.

Немецкое *Es* в свете проблемы субъекта (на материале художественного произведения)

Ростовский-на-Дону государственный экономический университет (РИНХ)
(Россия, Ростов-на-Дону)

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-36

idsp: scienceconf-25-12-2019-36

Abstract

According to the author of the article, the Latin subjectus best expresses all the meanings of the mentioned scientists: the subject of thought, agent, topic and Russian *podlejashee*, but not in a grammatical sense, but in a propositional, deep structure of the language.

The material of the proposed study was the book of Ingo Schulze. Handy. Dreizehn Geschichten in alter Manier. - München: deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG - 280 S.

Analysis of the material begins with personal pronouns, which are considered in the opposition: the first and second persons / third person. Historical and typological data are involved. The pronoun of the 3rd person is opposed in semantic, grammatical and genetic relations to the pronouns of the 1st and 2nd person. As evidence, the data of Indo-European (Latin, Russian), Caucasian (Dagestan) languages are given, in which the connection of the personal pronoun of the 3rd person and the demonstrative pronoun is traced. Interesting in this regard is the material of the Yenisei Ket language, a non-literal language, unique and very archaic in its structure.

Regarding the functions of German impersonal *es*, the article presents the points of view of famous Germanists: G. Paul, W. Jung, J. Erben, O.I. Moskalskaya, V.G. Admoni, G. Helbig and J. Bush and others.

Having started the analysis of examples from the analyzed book, the author was convinced that Ingo Schulze uses the subject *es* in all traditionally noted cases, with impersonal verbs denoting the state of nature or man; correlate indicating a genuine subject expressed by an infinitive group or subordinate clause; persistent expressions (*es gibt, es geht, es klingelt*, etc.); first place holder. However, the book contains many examples that do not fit into any of the well-known descriptions, for example, with the verb "springen" - 'jump'.

Based on the analysis of a large number of examples, the author came to the conclusion that it is almost impossible to establish the boundaries of the use of *es* as a subject.

Понятие «субъект» относится, прежде всего, к логике и обозначает предмет, о котором выносится суждение; мысль, выделяющая предмет суждения.

О.С. Ахманова в своём Словаре лингвистических терминов определяет субъект как: «1. (действующее лицо). **Тот предмет мысли** (выделено нами – Г.П.), по отношению к которому определяется и выделяется предикат» и «2. То же, что подлежащее» [Ахманова 2007: 462].

С развитием языкознания менялись подходы к исследованию языка, и каждая новая парадигма рождала своё представление о субъекте. Различают грамматический субъект (русск. *подлежащее* – калька латинского термина); семантический субъект (*агенса* в противопоставлении к *пациенсу*); коммуникативный субъект (*тема, данное, топик*). Валентностный синтаксис Л. Теньера, падежная грамматика Ч. Филмора свели субъект к одному из *аргументов / актантаов*, избранного для роли агенса или темы сообщения [см. Арутюнова 1990: 497-498].

С.М. Кибардина при описании валентности отталкивается от глагола и выделяет глаголы состояния и глаголы действия, а среди имён – события и предметы (одушевлённые и неодушевлённые). Она пишет: «... при глаголах состояния субъект представляет собой носителя состояния; при глаголах действия человека субъект – лицо, при глаголах, обозначающих состояния неодушевлённых предметов, субъект – вещь. При глаголах действия субъект – производитель действия» [Кибардина 1982: 31].

Латинское *subjectus* – 'лежащий внизу, находящийся в основе', как представляется, наиболее ёмко выражает все приведённые значения субъекта: предмет мысли, агенс, топик и русское *подлежащее*, но не в грамматическом смысле, а в пропозиционном.

На уровне пропозиции мы обращаемся к глубинному значению субъекта в тех случаях, когда он (субъект) не выражен поверхностной структурой предложения, как например: *В комнате душно* – безличное предложение. В нём нет подлежащего-субъекта, но он есть в пропозиции. *Душно* кому-то, кто выражает свои ощущения, т.е. в пропозиции это автор высказывания, следовательно, - лицо.

В данной статье мы попытаемся проанализировать субъект на материале книги современного немецкого писателя, живущего в Берлине, Инго Шульце «Handy» с обозначенных нами позиций [Schulze, 2009]. Книга Шульце интересна тем, что в ней автор представил 13 историй-рассказов, о которых Ийома Мангольд пишет: „Ingo Schulze hat hier ein Schreiben zur Vollendung gebracht, das den Leser durch den Schein verführt, unmittelbar das Leben selbst zu sein.“ - Ijoma Mangold in der ‚Süddeutschen Zeitung‘ – 'Инго Шульце завершил здесь произведение, которое соблазняет читателя иллюзией, что это непосредственно сама жизнь'. – Ийома Мангольд в 'Зюддейче Цейтунг'.

Истории написаны каждая другим стилем при обильном употреблении предложений разнообразного типа по структуре, по содержанию, по цели высказывания. Большая часть рассказов написана от первого лица, но в описании обстановки, событий, действий героев, их характеристики и т.п. можно встретить всевозможные структуры предложений и, следовательно, большое многообразие проявления субъекта.

Особое положение местоимений 1-го и 2-го лица по сравнению с личным местоимением 3-го лица не раз отмечалось учёными на синхронном и диахронном уровне, см., например, работы К.Е. Майтинской [Майтинская 2009: 141] и автора данной статьи [Поленова 2016: 184-185].

В единственном числе третье лицо личных местоимений в немецком языке представлено тремя формами. Третья форма - это *es*, местоимение, замещающее имена существительные среднего рода.

Личные местоимения 3-го лица близки к указательным местоимениям и во многих языках они восходят к указательным местоимениям, так русские местоимения *он, она, оно* вышли из старославянских *оный, оная, оное* 'тот', 'та', 'то'. Из кавказских языков идентичность местоимений 3-го лица и указательных местоимений можно отметить в бацбийском, адыгейском, лезгинском, лакском, в цезских и др. языках. В тюркских языках местоимение 3-го лица *ol* восходит к такому же указательному местоимению. Подобное развитие местоимения *bu* 'он, она' в енисейском кетском языке описано нами [Поленова 2011: 112-113].

Из индоевропейских языков можно привести данные латинского языка. В нём не было личных местоимений 3-го лица. Вместо них употребляются указательные местоимения, имеющие значения: «тот, та, то» или «этот, эта, это», ср.: *is, ea, id; iste, ista, istud; is, ea, id* 'тот, он; та, она; то, оно' [Кравченко 2007: 211].

В древних германских языках отмечаемая нами связь личных местоимений 3-го лица с указательными местоимениями ещё чётко просматривалась. В готском языке уже были три местоимения 3-го лица: *is* 'он', *si* 'она', *ita* – местоимение среднего рода,

но их связь с указательными местоимениями ещё не была утрачена, в частности с готск. *sa*. В скандинавских языках основы указательных местоимений употреблялись как личные местоимения 3-го лица: др.-исл. *sá, sú, Þat*; др.–сакс. им.п. ед.ч. жен. Род *siu*, вин. п. *sia* [Ср. грамматика 1963: 309-310]. Приведём формы немецких личных местоимений 3-го лица в исторические периоды.

Таблица 1.

Местоимения 3-го лица в разные периоды становления немецкого языка

Число	Единственное число			Множественное число		
	Мужской	Женский	Средний	Мужской	Женский	Средний
Род						
Период						
Современный	<i>er</i>	<i>sie</i>	<i>es</i>	<i>sie</i>		
Средневерхне немецкий	<i>er</i>	<i>siu/sie/si</i>	<i>eʒ</i>	<i>sie/si</i>	<i>sie/si</i>	<i>siu/sie/si</i>
Древневерхне немецкий	<i>er/ir</i>	<i>siu/sie/si</i>	<i>iʒ</i>	<i>sie</i>	<i>sio</i>	<i>siu</i>

В своё время мы приводили данные языков разных систем, чтобы по диахронно-типологическим сравнениям установить степень древности основы *si/is; sa/as; su/us*. Мы установили связь этой основы с глаголом «быть», ср. например, лат. *sum, fui, esse*, русск. *sut'* [Поленова 2016: 187].

Интересен в этой связи материал енисейского кетского языка, языка бесписьменного, уникального и очень архаичного по своему строю. У кетов весь мир (небо, погода, Бог), «универсальная моделирующая система», по Вяч. Всев. Иванову и В.Н. Топорову – это *Es'*. «С этим связана наибольшая абстрактность объекта *E* и наименьшая степень включённости его в конкретные повседневные ситуации, хотя в принципе каждая ситуация включена в него» [Иванов, Топоров 1965: 35]. К *es'* мы возвели кетские строевые элементы *es'/is'-us'-as'*; *s'e/s'i- *s'u-s'a* [Поленова 2002: 21-30].

Сопоставление германского и енисейского материала позволило нам предположить, что именно **es* могло служить показателем человека (без различия пола) как части всего живого.

Таким образом, местоимения 3-го лица *es* и *sie* в немецком языке являются наиболее древними. Местоимение *er* восходит к *es*. Оно образовалось по закону К. Вернера в результате ротацизма: дрвн. *iʒ > ir > er*, в то время как *sie* стало результатом редукции в средние века: *si > siu > sie*, см. Таблицу 1.

Элемент *es* широко представлен в немецком языке не только в лексическом значении местоимения 3-го лица и указательного местоимения «это», но и как словообразовательный (сложные слова) и словоизменительный формант (родительный падеж существительных сильного склонения, артикля мужского и среднего рода, склоняемых местоимений, сильных прилагательных).

Как субъект (формальный, безличный и личный) *es*, как покажут примеры Инго Шульце, занимает важное место среди других типов.

Es, замещающее существительное среднего рода, типа:

- 1) А. „*Es wird schnell beliebig*“, *sagte ich*. „**Das Schicksal** – *das ist Ödipus; das Schicksal* – *das ist meine Sprache; das Schicksal* – *das sind meine Genossen oder meine Gene. Das Schicksal des Menschen ist der Mensch. Ich bin das Schicksal...*... – ‘Она быстро становится любой’ – сказал я. ‘Судьба – это Эдип; судьба – это мой язык; судьба – это мои сотоварищи или мои гены. Судьба человека – это человек. Я – судьба ...’ (с. 67). *Ich stand auf, um die Zaunfelder vom Weg zu räumen. Als ich das erste anhub, fiel es auseinander*. – ‘Я встал, чтобы убрать части забора с пути. Когда я первую поднял, она распалась’ (с. 15). *Nur das Geschäftliche funktionierte. Es funktionierte sogar besser, als mir lieb war*. – ‘Только деловое функционировало. Оно функционировало даже лучше, чем мне хотелось бы’ (с. 175).

Предложения с **безличным** *es*, как отмечал ещё Г. Пауль, часто называли бессубъектными, но сам Г. Пауль подчёркивал: «Bei den echten Impersonalia müssen wir unterscheiden zwischen der äußeren grammatischen Form und dem inneren Sinne. Nach der ersteren sind zwei Gruppen zu unterscheiden. Die eine kann ein formelles Subjekt unter keinen Umständen entbehren, vgl. *es regnet, regnet es*. Die andere wird ohne formelles Subjekt gebraucht, wenn ein Satzglied vorangeht, oder wenn die Satzart Anfangsstellung des Verbums verlangt, vgl. *es hungert mich – mich hungert, hungert dich?* Vergeblich sind aber die Bemühungen, sich unter dem formellen Subjekt *es* etwas Bestimmtes zu denken“. – 'В случае безличного местоимения мы должны различать внешнюю грамматическую форму и внутренний смысл. В первой группе следует отличать случаи, когда формальный субъект нельзя убрать ни при каких обстоятельствах, ср.: *es regnet, regnet es*. И второй случай, когда формальный субъект не употребляется при наличии впереди стоящего члена предложения или если требуется поставить глагол в начало предложения, ср.: *es hungert mich – mich hungert, hungert dich?* Напрасны, однако, попытки представлять себе что-то определённое под формальным подлежащим *es*' [Paul 1956, III: 26].

О.И. Москальская рассматривает функции безличного *es* на уровне предложения, выделяя разные строевые модели двухчленных предложений, которые она называет *formal zweigliedrige Sätze mit der Komponente es* – 'формально двухчленные предложения с компонентом *es*' и подразделяет их на: 1) безагентные предложения с обязательным первым компонентом *es*; 2) предложения с деми-агентом и факультативным *es*, которое опускается при инверсии; 3) бессубъектные пассивные конструкции с факультативным *es*. Отдельно она называет двухчленные предложения с компонентом «инфинитив» [Moskalskaja 2004: 239-241].

В. Юнг привязывает *es* к глаголам и описывает его функции в разделе „Persönliche und unpersönliche Verben“ – ‚Личные и безличные глаголы‘. Подлинно безличными глаголами он называет глаголы, выражающие явления природы, типа *es blitzt, es donnert, es hagelt, es regnet* – ‘сверкает молния, гремит гром, идёт град, идёт дождь’ и по аналогии с ними: *es dämmert, es tagt, es taut, es dunkelt, es friert* – ‘смеркается, рассветает, подтаивает, темнеет, подмораживает’. Подобным образом, считает он, следует рассматривать и выражения: *es ist heiß, es ist hell, kalt, warm, es wird Tag, Abend*. – ‘жарко, светло, холодно, тепло, наступает день, вечер’.

Глаголы, которые имеют отношение к человеку, он относит к безличным не в строгом смысле слова – *nicht unpersönlich im strengen Sinne*, поскольку в этих случаях возможны и личные конструкции. При таких глаголах *es* может опускаться при постановке дополнения на первое место в предложении. В. Юнг разделяет «нестрогие» безличные глаголы на пять типов: а) глаголы, обозначающие недостаток, нехваток чего-либо, типа: *Es fehlt, es mangelt ihm an Mut* – ‘Ему не хватает мужества’, но: *Ihm mangelt an Mut*; б) глаголы физических ощущений и состояния души: *Es dürstet, hungert, friert, fröstelt mich*. – ‘Мне хочется пить, мне голодно, меня морозит, меня знобит’, но: *Mich dürstet, hungert, friert, fröstelt*; в) событийные глаголы, типа: *sich ereignen, geschehen, gelingen, glücken, mißlingen* – ‘случаться, происходить, удаваться, повезти, не удаваться’, пример В. Юнга: *Es ist ein Unglück geschehen*. – ‘Случилось несчастье’; г) рефлексивные глаголы, его пример: *Auf dem Lande lebt es sich ruhig*. – ‘На селе живётся спокойно’; д) Отдельно рассматривает В. Юнг безличные конструкции с рефлексивными глаголами поведения и события, типа: *Es ereignete sich, dass...* – ‘Случилось, что...’. *Es gebührt sich, gehört sich, schickt sich, ziemt sich* – ‘Надлежит, следует, принято, подобает, приличествует’ [Jung 1996: 196-200].

Г. Хельбиг и Й. Буша выделяют три синтаксические функции местоимения *es*: 1) *Prowort* – ‘заместитель слова (местоимение)’, например: *Wo ist das Buch? Es liegt auf dem Tisch*; 2) а. *Korrelat* (*Platzhalter, syntaktisches Subjekt*) – ‘коррелят (местодержатель, синтаксический субъект)’, например: *Es wird in dieser Straße ein neues Haus gebaut* – ‘На

этой улице строится новый дом'; б. коррелят логического субъекта, например: *Es friert mich. Es ist mir kalt*; в. коррелят придаточных предложений, инфинитивов и инфинитивных конструкций, например: *Es freut mich besonders, dass ich ihn getroffen habe.* – 'Особенно я рад тому, что я его встретил'. 3) формальный субъект или объект, типа: *Es klingelte plötzlich* – 'Вдруг раздался звонок'. В последнем случае авторы отмечают, что глаголы, сопровождаемые формальным *es*, не представляют собой единую группу. Это: (1) глаголы, лишённые актантов: *Es schneit. Es friert. Es klingelt.* – 'Снег идёт. Подмораживает. Звонит звонок'. (2) Глаголы связки с предикативом: *sein, werden, bleiben*, например: *Es ist spät. Es wird Abend. Es bleibt kalt.* – 'Поздно. Вечереет. По-прежнему холодно' (букв. 'Остаётся холодно'). (3) Глаголы с дополнением-лицом в accusative: *Es schüttelt mich. Es überläuft mich kalt. Es zieht mich zu ihr.* – 'Меня трясёт. Меня обдаёт холодом. Меня тянет к ней'. (4) Глаголы с дополнением-лицом в дательном падеже: *Es geht ihm gut. Es fehlt ihm nicht an Mut.* – 'У него всё хорошо. У него нет недостатка мужества'. (5) Глаголы с различными дополнениями, типа: *es gibt Akk.; es bedarf Gen.; es geht um Akk.; es handelt sich um Akk.* – 'имеется...; требуется...; речь идет о...; говорится о...'. (6) Возвратные конструкции с двумя обстоятельствами: *In diesem Sessel sitzt es sich bequem.* – 'В этом кресле сидится удобно' [Helbig, Buscha 1976: S. 156-161].

Й.Эрбен рассматривает *es* в связи с *Impersonalia, unpersönliche Ereignisverben*, - безличными событийными глаголами'. Он делит их на три группы: а) происходящее в среде человека – *geschehen, verlaufen, gelingen* 'происходить, протекать, удаваться' и т.п., когда вместо агенса появляется безличное *es*. Интересные примеры приводит Й. Эрбен из художественных произведений, прежде всего, Томаса Мана: *Ich schrie auch nicht selbst, es schrie, es war eine heilige Ekstase der Schmerzen.* – 'Я кричал не сам. Во мне кричало, это был святой экстаз болей' или из Р. Музиля: „*Aber Sie streben doch ein Ziel an, Hans?*“ ... „*Es strebt. In mir. Durch mich*“ – 'Вы же стремитесь к какой-то цели, Ханс?'... '(Оно) стремится. Во мне. Сквозь меня'; б) погодные процессы: *Es regnet, schneit, hagelt, taut, dämmt*; в) процессы сферы *Ich, Du, Er* – 'Я, Ты, Он', затрагивающие человека: *Mich, dich, ihn, sie hungert, friert, schaudert; mir, dir, ihm, ihr ahnt, schwindelt, bangt, träumt* – 'Меня, тебя, его, её охватывает голод, знобит, охватывает ужасом; мне, тебе, ему, ей предчувствуется, у меня, тебя ... кружится голова, страшно, снится' [Erben 1966: 44-45].

Е.В. Нарустранг в своей «Практической грамматике немецкого языка» уделила безличному местоимению отдельный параграф, назвав его «Функции безличного местоимения *es*». В первом пункте параграфа она объединяет безличные предложения с безличным глаголом и составным именным сказуемым (явления природы или определённые временные состояния и переход к ним, типа: *Es wird kalt. Es ist spät. Es blitzt. Es regnet. Es ist Abend. Es war Sommer.* – 'Становится холодно. Поздно. Сверкает молния. Идёт дождь. Вечер. Было лето'). Далее автор приводит предложения с распространёнными устойчивыми безличными оборотами, например: *es geht mir gut, es steht damit gut, es gibt da keinen Stuhl, es gilt jetzt schnell zu handeln, es geht um Akk., es handelt sich um* – 'у меня всё хорошо, с этим всё в порядке, здесь нет стула, сейчас важно действовать быстро, речь идёт о...' и др. Отдельно Е.В. Нарустранг говорит о безличных предложениях с глаголами *klingeln, läuten*, типа: *Es klingelt, Es läutet* – 'Звонят (в дверь), Звонит звонок (на урок)'. Она пишет далее: «В некоторых случаях *es* следует считать уже не собственно местоимением, а формальным элементом в предложении, вступительной частицей, которая занимает первое место», в частности, в «бессубъектных предложениях с глаголом в форме страдательного залога». Её пример: *Es wurde im Nebenzimmer viel gesungen und gelacht.* – 'В соседней комнате много пели и смеялись'. Автор рассматривает также указательное местоимение *es* в функции коррелята – «заместителя подлежащего или дополнения, указывающие на следующие за основным предложением инфинитивный оборот или придаточное предложение. *Es*

ist bekannt, dass St. Petersburg eine der schönsten Städte der Welt ist. – ‘Известно, что Санкт-Петербург является одним из красивейших городов мира» [Нарустранг 1999: 51-53].

Вернёмся к книге Инго Шульце. Безличное *es* встречается здесь почти на каждой странице в большом количестве.

- 2) *B. Es war komisch, allein dort zu sein. ...Wie Schüsse knallte es, als sie die Zaunlatten eintraten. ...Plötzlich gab es ein dumpfes Geräusch. ... Ein paarmal krachte es noch – dann zogen sie weiter. – ‘Было как-то не по себе быть там одному. ... Раздался треск, будто выстрелы, когда они вышибали планки забора. ...Вдруг шум стал приглушённым. ... Несколько раз ещё треснуло – потом они ушли дальше’ (с. 13-14).*

Это в одном абзаце. Первое *es* – коррелят, указывающий на инфинитивную группу *allein dort zu sein*, которая и является субъектом и грамматическим подлежащим. Второе *es* является безличным субъектом при глаголе *knallen* в безличном употреблении. Третье *es* представляет устойчивый безличный оборот *es gibt* (см. выше классификацию Е.В. Нарустранг).

- 3) *C. Ich war heute früh auf einen Satz für Dich gestoßen und hatte gerade überlegt, ob ich aufstehen und ihn Dir gleich schicken sollte, als es klingelte, gegen acht. – ‘Сегодня утром я наткнулся на одно предложение для тебя и как раз размышлял, не встать ли мне и сразу же послать его тебе, как позвонили в дверь, около восьми’. ...Nachdem ich mich fünf Tastenwahlgänge weit vorgearbeitet hatte, sprang es wieder an den Anfang zurück. – ‘После того как я прошёл с набором кнопок на пять ходов вперёд, меня вернуло (букв. отпрыгнуло) снова назад к началу’ (с.68-69). „We are sorry”, hieß es dann – alle Leitungen besetzt. – ‘Мы сожалеем, послышалось потом, – все линии заняты’ (с. 69-70).*

В первом и в последнем предложении представлены устойчивые выражения *es klingelt* – ‘звонят’ и *es heißt* – ‘значит, надо’, а во втором - окказионализм автора: безлично употреблён глагол *springen* – ‘прыгать’. По аналогии с *es klingelt* в книге употребляется *es klopft*: *Wir lagen schon im Bett, als es an unsere Tür klopfte. – ‘Мы были уже в постели, когда в нашу дверь постучали’ (с.123).*

- 4) *D. Sofort war ich bereit, wieder anzureisen, sollte es Gelegenheit geben. – ‘Тот час же я был готов снова приехать, коль представится возможность познакомиться с матушкой Марией’ (с.84). Marias Lächeln verschwand. Ihr Blick ruhte auf mir. Es war aber nicht klar, ob sie meinen Körper inspizierte oder durch mich hindurchsah. – ‘Улыбка Марии исчезла. Её взгляд был устремлён на меня. Однако было непонятно, инспектировала она моё тело или смотрела сквозь меня’. ...So ging es weiter. – ‘Так продолжалось дальше’ (с. 85).*

Здесь представлен безличный оборот *es gibt* ‘имеется’ с *es* в роли безличного подлежащего. Частотность этого оборота в книге очень высока, чуть ли не на каждой странице, например, на с. 106 – 2 раза.

Во втором предложении – *es* коррелят, указывающий на подлежащее, выраженное придаточным предложением. Таких предложений тоже очень много. Наряду с придаточным предложением в роли субъекта часто выступает инфинитивная группа, например: *Undenkbar sei es für sie, ein Buch zu kaufen, das so teuer wie das meinige sei* (с. 109). – ‘Немыслимо ей покупать такую дорогую книгу, как моя’.

В последнем случае употреблён глагол *gehen* ‘идти’ как безличный, ср. также: *Es war schnell gegangen. So wie Sheila sich mir bei der erstbesten Gelegenheit angeschlossen hatte, war sie bei der erstbesten Gelegenheit auch wieder davon. – ‘Получилось всё быстро. Так же, как Шейла при первой представившейся возможности присоединилась ко мне, так же при первой представившейся возможности она снова*

исчезла' (с. 146-147). Принятый безличный оборот *es geht um* – 'речь идёт о...' тоже неоднократно используется автором, например: *Es geht um den vorletzten Abend, an dem ich mit Hoda und den anderen Frauen Tauben gegessen hatte.* – 'Речь идёт о предпоследнем вечере, в который я с Ходой и другими женщинами ел голубей' (с. 130).

В безличные у Инго Шульце превращаются, однако, и другие глаголы, например, глагол состояния *liegen* – 'лежать': *Noch mit nassen Haaren traten sie hinaus auf die Naunynstraße, die ihm wie eine Bühne erschien, weil ihn jeder ansah, das heißt zuerst Magda, dann ihn. Aber daran lag es nicht.* – 'Ещё с мокрыми волосами вышли они на Науныштрассе, которая показалась ему сценой, потому что на него смотрел каждый, то есть сначала на Магду, потом на него. Но дело было не в том' (с.95).

На странице 85 есть пример с безличным *es*, выражающим «временное понятие», по Е.В. Нарустанг:

- 5) *E. Zum Schluss, es war bereits dunkel geworden, wandte sich Maria der Behandlung meines Kopfes zu.* – 'Под конец, уже стемнело, Мария обратилась к обработке моей головы (с 85). Ср.: „*Ich bin abergläubisch*“, sagte sie. ...“*Weil es der Dreizehnte ist? Ist doch Dienstag, an Dienstagen passiert nichts. Außerdem ist die Dreizehn eine Glückszahl*“. – 'Я суеверна, сказала она. ...Потому что тринадцатое? Но ведь вторник, по вторникам ничего не случается. Кроме того, 13 счастливое число' (с. 95).

В первом предложении *es* употреблено в функции обычного безличного субъекта. Во втором примере *es* (Korrelat (Platzhalter, syntaktisches Subjekt) – 'коррелят, местодержатель, синтаксический субъект, по Г. Хельбигу и Й. Буша)' формально замещает место субъекта-подлежащего, о чём свидетельствует опущение его в следующем далее предложении, оголение сказуемого, что недопустимо по правилам грамматики и является приёмом автора для передачи устной речи героев.

Приведём пример *es* для выражения состояния человека, его души:

- 6) *F. "Es ist so schön mit dir", sagte sie. „Mit dir ist es so schön!“*, sagte er (с. 91). – 'Так здорово с тобой, – сказала она. С тобой так здорово! - сказал он'.

Состояние природы:

- 7) *G. Am nächsten Tag, es war warm und der Himmel wolkenlos, machten wir einen Ausflug nach Palmse.* – 'На следующий день, было тепло, и небо было безоблачным, мы отправились в Пальмзе' (с. 121). *Auf der Rückfahrt trübte sich das Wetter ein, es begann zu regnen.* – 'На обратном пути погода ухудшилась, начался дождь'.

Вернёмся к корреляту. Выше мы отмечали, что он указывает на субъект-подлежащее, выраженное придаточным предложением или инфинитивной группой, но у Инго Шульце очень много предложений с *es*-коррелятом, который указывает на именную группу, часто очень распространённую с помощью всевозможных определений и приложений, например:

- 8) *H. Es waren, soweit ich sah, alles ältere Männer, barfuß, manche mit nacktem Oberkörper, manche mit einem Jackett auf der bloßen Haut.* – 'Это были, насколько я видел, всё пожилые мужчины, босые, некоторые оголённые до пояса, некоторые в пиджаке-робе на голое тело' (с. 150).

Мы выделили субъект, который, на наш взгляд, является здесь ремой, а тему представляет коррелят *es*, отсылающий нас к ситуации, описывающей действия рыбаков, тянущих сеть. Издалека рассказчик не мог их рассмотреть, и только когда они приблизились к берегу, он смог их увидеть, каждого в отдельности.

Однако, коррелят ли *es* в приведённом предложении? Во-первых, мы его перевели как «это», а в 4) *D es* осталось без перевода. Во-вторых, Инго Шульце употребляет как синоним к такому *es* местоимению *das* – 'это', ср.: *Die Männer an den Netzen kamen wieder aufeinander zu, sie gingen seitlich, bis sie schließlich zu einer einzigen*

Gruppe verschmolzen. Das Wasser vor ihnen geriet in Bewegung; ich glaubte, das seien bereits die zappelnden Fische, doch es war nur das Strampeln und Platschen der beiden Schwimmer. – ‚Мужчины у сетей снова приблизились друг к другу, пошли в сторону, пока не слились в одну группу. Вода перед ними пришла в движение, мне показалось, что это уже барахтающиеся рыбы, однако это было всего лишь бултыхание обоих пловцов’ (с. 151). Таким образом, наш «коррелят» оказывается в таком случае нормальным указательным местоимением.

Вальтер Юнг видит причину многозначности *es* в том, что это средний род, и в совпадении старого написания *eʒ* (первоначально только для номинатива и аккузатива) и *es* (первоначально для генитива) [Jung: 336].

В.Г. Адмони считает, что структуру содержания значений *es* можно представить, как поле, но не обычное с ядром и периферией, а с двумя противоположными полюсами, которые, однако, соединены множеством посреднических способов употребления. Один полюс – это личное местоимение 3-го лица среднего рода, «коммуникативно-грамматическое слово». Другой полюс – полностью десемантизированная частица, выступающая только в роли держателя места, т.е. для заполнения первого места в предложениях, в которых финитная глагольная форма должна стоять на втором месте. Все остальные способы употребления *es* находятся между этими двумя полюсами. Одни из них стоят ближе к личному местоимению, а другие – к держателю места. Совсем близко к *es*-личному местоимению находятся, например, как пишет В.Г. Адмони, все виды демонстративного употребления *es*, обусловленные контекстом и ситуацией, т.е. когда оно указывает не на существительное среднего рода, а на существительное другого рода или на целое предложение (подчёркнуто нами – Г. П.), см. 9) Н. [Адмони: 155].

Приведём далее пример держателя места (Platzhalter).

- 9) *I. In dem Moment, als ich mich von den Frauen verabschiedet hatte und loslief, kehrte die Erinnerung zurück. Ich könnte auch sagen, es stürzte alles auf mich nieder. Sheila und Samir, die Konferenz, meine missglückte Rede, meine enttäuschten Kollegen, das Hotelzimmer mit dem durchgeschwitzten Kopfkissen.* – ‚В тот момент, когда я попрощался с женщинами и пошёл, вернулась память. Я мог бы сказать, всё обрушилось на меня. Шейла и Замир, конференция, моя неудавшаяся речь, мои разочарованные коллеги, гостиничный номер с пропитанной потом подушкой’ (с. 163).

Подлинным субъектом-топиком в предложении с *es* является обобщающее *alles*, которое поясняется дальнейшим контекстом. Само же *es* служит стилистическим целям, отодвигая *alles* с первого места на третье, тем самым выделяя его и сосредоточивая на нём внимание читателя.

Пример безличного *es* при глаголах, выражающих звуки природы:

- 10) *J. Durch die Sonnenbrille war der Himmel so blau wie in Italien, und die Kiefernäste waren Pinienzweige. Manchmal rauschte es.* – ‚Сквозь очки от солнца небо было таким голубым, как в Италии, и ветви сосны были ветками пинии. Время от времени слышался шелест (с. 170).

Инго Шульце использует *es* часто далеко не традиционно. Как эквивалент субъекта *es* может представлять собой обобщение контекстуальных понятий, как в следующем примере:

- 11) *K. Zwischen mir und meiner Arbeit bestand kein Zusammenhang, es passte nur zueinander, das eine ergab das andere, wie ein Gesellschaftsspiel, in das ich aus Kummer, aus Verwirrung und rein zufällig geraten war.* – ‚Между мной и моей работой не было никакой связи, одно подходило к другому, одно давало другое, как игра-развлечение, в которую я встрял по нужде, в смятении и чисто случайно’ (с.187). *Es reichte schon der Duft von Erdbeeren oder dass jemand Ungarisch sprach oder eine bestimmte Musik*

erklang...-Уже достаточно было запаха клубники или чтобы кто-то заговорил по-венгерски, или чтобы зазвучала определённая музыка... (с.188).

Предметом рассуждений героя в первом предложении являются он сам и его работа. То и другое обобщается с помощью *es*. Во втором предложении *es* представляет целый ряд даже не предметов мысли, а целых ситуаций.

На той же и на следующей странице есть ещё примеры употребления *es*.

- 12) *L. Fürchterlich aber war Silvester. Wenn es hieß, noch zwei Stunden bis Mitternacht, dachte ich, noch zwei Stunden, um Julia zu finden.* – ‘Ужасным был однако новогодний вечер. Когда оставалось ещё два часа до полуночи, ещё два часа – думал я – ещё два часа, чтобы найти Юлию’. *Es brauchte Tage, mitunter Wochen, bis ich mich wieder beruhigt hatte.* – ‘Нужны были дни, порой недели, пока я не успокаивался снова’ (с. 188). *Etwas mit den Studentinnen beginnen, die bei uns arbeiteten, wollte ich nicht, wahrscheinlich hat es deshalb nie gefunkt.* – ‘Начинать что-то со студентками, которые у нас работали, я не хотел, вероятно поэтому до этого никогда не доходило (с. 189). ...*es traf mich nicht völlig unerwartet, Julias Namen von Claudia zu hören. Und trotzdem war es, als erwachte ich aus einer tiefen Betäubung.* – ‘...слышать имя Юлии не было для меня неожиданностью. И, тем не менее, было такое чувство, как будто я просыпался после глубокого наркоза’ (там же).

В переводе первого предложения не передано эквивалентно выражение *es hieß*, т.к. подобрать какое-то русское соответствие в этом случае представляется невозможным.

Во втором предложении *es* явно безличный субъект, не коррелят, потому что после *Es brauchte* стоит глагол в единственном числе, согласуя сказуемое с *es*, а не с *Tage* – существительным во множественном числе.

Сочетание *es* с глаголом *funken* в следующем предложении можно считать общепринятым.

Следующее *es* (*es traf mich*) – коррелят, указывающий на подлинное подлежащее, выраженное инфинитивной группой: *Julias Namen von Claudia zu hören*. Пожалуй, коррелятом можно считать и последний случай, когда *es* предвзвешивает придаточное предложение сравнения.

Из контекста можно только понять, что же является субъектом, который мы называем пропозициональным. Такие примеры на страницах 272-273:

- 13) *M. In Budapest, sage ich, sei der Kurs jetzt eins zu zweihundertfünfzig, ein Umtauschwert, bei dem es bleiben könne.* – ‘В Будапеште, говорю я, курс теперь один к двумстам пятидесяти, обменный коэффициент, который может остаться’ (с.272). *Und da geschieht es, vielleicht aus Verlegenheit, vielleicht aus Schwäche, vielleicht, weil er einzig und allein auf die Kraft der Beichte vertraut. Er gesteht, sich in den Zug gesetzt zu haben...-* ‘И тут это происходит, может из-за смущения, может из-за слабости, может потому, что он полагается исключительно на силу покаяния’ (с. 273).

В первом предложении *es* употреблено анафорично, т.е. субъектом является предыдущий текст, уточняющий место действия (Будапешт, Венгрия) и сам предмету высказывания (курс валюты). Во втором предложении *es* – катафора, указывающая на дальнейшую ситуацию после вводного *Und da geschieht es*.

Приведённых примеров достаточно, на наш взгляд, чтобы сделать вывод, что перечисленные выше описания функций безличного *es* различными авторами-германистами далеко не исчерпывают возможности семантического функционирования этого языкового элемента. Следует признать, что границы его употребления подвижны

или их вообще не существует, т.е. «поле» В.Г. Адмони, описанное нами выше, открыто для заполнения его всё новыми вариантами функциональной семантики *es*.

1. Адмони В.Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. Строй современного немецкого языка. (Der deutsche Sprachbau). – М.: Просвещение, 1986. – 336 с.
 2. Арутюнова Н.Д. Субъект // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. Ярцева В.В. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 497-498.
 3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
 4. Иванов Вяч. Всев., Топоров В.Н. К описанию некоторых кетских семиотических систем. // Труды по знаковым системам. II- Тарту, 1965. – С. 117-143.
 5. Кибардина С.М. Категория субъекта и объекта и теория валентности (на материале немецкого языка) // Категория субъекта и объекта в языках различных типов. – Л.: Наука, 1982. – С. 23-44.
 6. Кравченко В.И. Универсальный справочник по грамматике латинского языка. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2007. – 288 с.
 7. Майгинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 312 с.
 8. Нарустранг Е.В. Практическая грамматика немецкого языка. Учебное пособие. – СПб.: СОЮЗ, 1999. – 368 с.
 9. Поленова Г.Т. В поисках истоков языка. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2011. – 336 с.
 10. Поленова Г.Т. Исследования по диахронической типологии. – Ростов н/Д.: Изд-во АкадемЛит, 2016. – 240 с.
 11. Поленова Г.Т. Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2002. – 202 с.
 12. Ср. грамматика: Сравнительная грамматика германских языков. Т. III. – М.: Наука, 1963. – 456 с.
 13. Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik. – Berlin: Akademie-Verlag, 1966. – 316 S.
 14. Helbig, G., Buscha, J. Kurze deutsche Grammatik für Ausländer. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1976. – 294 S.
 15. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache (Грамматика немецкого языка) – СПб.: Лань, 1996. – 544 с.
 16. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Москальская О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка): Учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
 17. Paul, H. Deutsche Grammatik. В. III. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1956. – 456 S.
 18. Schulze, Ingo. Handy. Dreizehn Geschichten in alter Manier. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2009. – 287 S.
-

РАЗДЕЛ XII. ФИЛОСОФИЯ

Дронов А.И.

Конструирование экосистем на Земле и в космосе

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, Калуга)*

doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-37

idsp: scienceconf-25-12-2019-37

Аннотация

В статье рассматривается деятельность по созданию (конструированию) сред обитания с заранее заданными свойствами. Анализируются способы реализации человеком адаптивно-адаптирующей функции и включения элементов управляющего воздействия на окружающую среду. Прослеживается специфика конструирования экосистем в условиях Земли и космоса. Оцениваются возможности осуществления масштабных проектов по переустройству экосистем и управлению планетарными процессами (в частности, по управлению климатом).

Ключевые слова: экосистема, среда обитания, биосфера, устойчивое развитие, конструирование, освоение космоса, управление климатом.

Abstract

The article discusses activities for the creation (design) of habitats with predetermined characteristics. Ways of realization by a person of the adaptive-adapting function and the inclusion of elements of the control effect on the environment are analyzed. The specifics of designing of ecosystems in the conditions of the Earth and space are traced. The possibilities of implementing large-scale projects for the reorganization of ecosystems and the management of planetary processes (in particular climate engineering) are assessed.

Keywords: ecosystem, habitat, biosphere, sustainable development, design, space exploration, climate engineering.

Термины, понятия и исходные концепты. Являясь частью биосферы, человек осуществляет адаптивно-адаптирующую функцию, т.е. он и приспосабливается к среде обитания, и приспосабливает ее под себя. У досоциальных форм жизни адаптирующая функция существует лишь в зачатке и проявляется в виде однообразного воздействия на биогеоценозы. У человека она превращается в основную функцию, проявляясь в целенаправленном и разнообразном изменении природы. Еще на стадии социогенеза человек включает в адаптирующую функцию элементы конструирующего и управляющего воздействия на окружающую среду. Развиваясь, разумные существа усложняют механизмы конструирования и управления деятельностью по преобразованию природы. В реализации управляющей функции заключается эволюционный смысл зарождения и самореализации вида Homo Sapiens по отношению к предшествующим ступеням развития.

В современной науке (теории глобалистики) наиболее приемлемый концептуальный вариант имеет модель устойчивого развития с непрерывным ростом производства. Ее проекция на долгосрочную перспективу предполагает новые вещества, энергетические источники и технологии, а также ресурсы, включающие околоземный космос и объекты Солнечной системы. Такая перспектива влечет за собой реализацию проектов по «экологическому производству», под которым понимается преобразование человеком среды обитания и создание новых сред с заранее заданными свойствами. Вне учета семантических тонкостей словосочетания «экологическое производство» и «экологическое конструирование» можно употреблять как синонимы. Вместе с тем в

научной литературе используется созвучный с термином «экологическое производство», но отличающийся по смыслу термин «экологизированное производство» (чистое, незагрязняющее и т.п.), поэтому резонно отдать предпочтение аналоговому понятию «экологическое конструирование».

Термин «экологическое производство» впервые ввел в научную лексику Е.Т. Фаддеев [1]. Сама же проблема конструирования экосистем в научных публикациях получила широкое обсуждение в 70-80-х годах прошлого века. Если в начальный период авторы сосредоточились на анализе экологического конструирования (ЭК) в пределах земной планеты, то в дальнейшем его осмысление приобрело новый вектор, заданный освоением космоса, которое допускает не только конструирование локальных экосистем орбитальных станций, но и более масштабные проекты в рамках экзоиндустрии [2]. Опираясь на предшествующие исследования, попробуем уточнить допустимые границы ЭК в пространствах земной планеты и обживаемого космоса.

Общие подходы и оценки. Диапазон ЭК в зависимости от целей и конкретики решаемых проблем достаточно широк: от встраивания био- и техноэлементов в уже сформированную экологическую матрицу до конструирования новых экосистем в границах необжитого пространства. Перестройка естественных связей экосистемы осложнена тем, что они представляют собой многомерный континуум, где существенную роль играют неустойчивые состояния. Любая экосистема (будь то биогеоценоз, биосфера, или внеземная экосистема) является открытой диссипативной структурой, которая (согласно синергетике) чрезвычайно чувствительна к внешним воздействиям, способным вызвать параметрические сдвиги, разрушающие резистентные качества биоценоза и находящиеся за пределами возможности возврата экосистемы к первоначальному устойчивому состоянию.

Чтобы избежать цепной реакции деструктивных сдвигов, необходимо при проектировании перестройки экосистемных связей опираться на тщательный анализ ее последствий. ЭК должно быть максимально приближено к естественным механизмам эволюции. Достичь этого возможно при учете принципов эволюционной экологии, ориентируясь на понимание физических, биохимических и социобиологических закономерностей коэволюционного процесса – в его исторической динамике и с учетом факторов антропогенного воздействия. Поэтому в разработке ЭК-проектов ключевой задачей является применение точного прогнозирования последствий от их реализации. Важно, чтобы прогноз строился с учетом не только ближайших преимуществ, но и отдаленных последствий негативного характера.

В этой связи далеко не безупречным выглядит один из самых грандиозных проектов XX века по переброске стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию. Впервые идея поворота части стока Обского бассейна была высказана инженером Я.Г. Демченко в 1891 году (в брошюре «О наводнении Аралокаспийской низменности для улучшения климата прилежащих стран»). В 1948 году академик В.А. Обручев написал о такой возможности И.В. Сталину, который не уделил этому особого внимания. Наиболее активно идея «Поворота сибирских рек» стала обсуждаться в 70-80-е годы, что завершилось принятием в 1986 году на заседании Политбюро ЦК КПСС решения о прекращении работ в этом направлении. В начале XXI века вновь была предпринята попытка реанимировать идею проекта [3].

Не менее критично следует относиться к идеям К.Э. Циолковского о перестройке биосферы с превращением ее в глобальную оранжерею – регулируемую, стерильную, лишенную опасности для жизни человека [4]. Допущение им уничтожения вредных существ, насекомых, бактерий и негодных растений следует оценивать как явно ошибочное: такие манипуляции ведут к разрушению трофической основы биосферы, в структуре которой важную роль играет естественный баланс между продуцентами, консументами и редуцентами. Не устраняет степень антинаучности его идея «гуманизации» избавления от животных (также и от несовершенных людей) путем

разделения полов и лишения их возможности давать потомство. Если даже признать плодотворной идею глубокого «окультуривания» Земли, то видится оно в превращении ее в глобальную экосистему, где человеку будет отведена роль регулятора планетарных процессов. А что касается гуманного отношения к животным, то исходить оно должно из норм биоэтики, основанной на принципе равновесия между всеми участниками коэволюционного взаимодействия, представленными биотой планеты – от микроорганизмов до человека.

ЭК в модели глобального управления. Давая критическую оценку идеям К.Э. Циолковского, необходимо признать, что в его концептах наряду с явно ошибочным по меркам современной науки содержанием есть и рациональное зерно. Чтобы за общим посылом концепции переустройства биосферы не потерять рациональное зерно, попробуем развернуть его мысль в иное русло, а именно – оценить возможности человека с точки зрения «управляющего воздействия» на природу планеты. Следуя логике защиты рационального зерна, оттолкнемся от изречения самого мыслителя: «Человек становится хозяином Земли, так как соединение сил природы и многочисленного населения делают возможным управление климатом» [5]. Акцентируем взгляд на последнем фрагменте: «управление климатом».

Исследования показали, что на климат планеты оказывает влияние сложная комбинация факторов: изменение светимости солнца, параметров орбиты Земли, конфигурации материков и океанов, вулканической активности, отражательной способности поверхности (альбедо), количества тепла в глубинах акваторий, прозрачности атмосферы и ее состава. Оказывает ли человек существенное влияние на климат уже сейчас? Влияние оказывает, а вот насколько существенное – вопрос дискуссионный.

Антропогенные факторы проявляются через разные виды хозяйственной деятельности. Землепользование, вырубка лесов, строительство дорог и гидросооружений за время развития человечества отразились не только на облике ландшафтов, но и на климатических явлениях. Так, перераспределение водного баланса на орошаемой территории приводит к изменению влажности. Землепользование, меняя свойства почвы, влияет на поглощение солнечного излучения. Аналогичные эффекты вызывает вырубка лесов: считается, что климат средиземноморья изменился в сторону жаркого и сухого к началу нашей эры из-за вырубки лесов для нужд кораблестроения и отопления.

По доминирующему среди климатологов мнению глобальное потепление в современной истории планеты вызывает сжигание топлива, приводящее к росту в атмосфере парниковых газов. На этот счет существует и другое мнение: антропогенная доля парникового эффекта не превышает 2%, а увеличение на 0,7°C средней температуры воздуха у поверхности Земли в индустриальную эпоху в большей степени вызвано естественными циклами изменения климата. Правильнее все-таки придерживаться той точки зрения, что достаточными данными для выводов относительно причин и долгосрочной динамики климатических изменений современная наука не владеет [6].

Однако для нашего анализа интереснее иная постановка вопроса: способны ли мы не просто влиять, но и управлять климатическими процессами? На ограниченных территориях кое-что делается и сейчас: используя реагенты, с помощью самолетов и пушек научились рассеивать над городами дождевые облака, менять структуру грозовых туч с целью устранения опасности выпадения на сельхозугодия крупного града. Назвать подобные операции управляющим воздействием на климат нельзя, поскольку они ограничиваются контролем над погодообразующими факторами. Тем не менее, надо отдать должное конкретике идей по осуществлению контроля над климатом, ранее предложенных исследователями. В общем посыле они сводятся к регулированию теплового баланса на планете.

Смещение климата к потеплению возможно путем повышения поглощательной способности земной поверхности (к примеру, чернение пылью льдов Арктики, что было

предложено в 19-м веке – тогда еще актуально). К снижению теплового режима приводит повышение альбедо (зеркальное покрытие крыш зданий, генная модификация растений, способствующая отражательной способности листьев). Есть другие варианты регулирования термодинамических параметров планеты: установка управляемых зеркал на околоземной орбите, отражающих солнечный свет на земную поверхность; внедрение технологий, регулирующих содержание парниковых газов (искусственное депонирование двуокси углерода в недрах Земли, разведение растений, способных активно поглощать углекислый газ); искусственная корректировка океанических течений (в первую очередь, Гольфстрима).

Приведенные идеи представляют лишь набор фрагментарных рецептов регулирования климата. Наука пока не может предложить модель глобального управления климатом, которая позволяла бы дать исчерпывающий прогноз последствий воздействия на параметры планеты. В природе все взаимосвязано, последствия могут затронуть не только климат, но и состояние социобиосферы в целом, что предьявляет к проектам глобального управления дополнительные требования, а значит, осложняет задачу их реализации. Но если в будущем климатические сдвиги начнут явно угрожать выживанию цивилизации, то шаги по устранению угроз делать придется. Из всех возможных технологий эко-регулирования в масштабах планеты глобальное управление климатом, пожалуй, самая доступная и может стать первой ступенью на пути к глобальному управлению социобиосферой.

Из проведенного анализа видно, что в границах планеты осуществлять проекты ЭК следует крайне осторожно, причем безопаснее и эффективнее – в системе глобального управления социобиосферой. Зарождаясь и прогрессируя, социум проходит через ряд исторических стадий: 1) «преимущественное приспособление» – ранняя стадия развития с низким уровнем орудий труда, не позволяющим проводить осязаемое преобразование природы; 2) «простое преобразование» – технологический уровень обеспечивает целенаправленное преобразование природы, допускающее неконтролируемое и разрушительное ее изменение (соответствует современной цивилизации); 3) «управляющее воздействие» – технологический уровень дает возможность управлять природными процессами в масштабах целых природных систем [7].

По сути, только стадия глобального управления допускает безопасные ЭК-проекты. Условие безопасности заключается в соблюдении принципа коэволюции: когда экосистема эволюционирует не ущербно для своей внутренней целостности в направлении, удовлетворяющем запросам социума. Существенно и еще одно условие: чем больше охват области управления, тем оно эффективнее. Элементарной природной системой, управление которой в силу ее целостности позволит добиться оптимального регулирования, является планета в совокупности всех ее сфер. Но для этого социуму необходимо достичь уровня энергопотребления по мощности соизмеримого с потоками энергии в планетарных масштабах.

Перспективы ЭК за пределами Земли. Любая открытая система крайне чувствительна к внешним условиям, незначительные изменения которых могут повлиять на ее состояние и даже «раскачать» до сдвига к «бифуркационному хаосу», после которого она в процессе самоорганизации восстанавливает динамическую устойчивость, но уже в новом качестве. Для планеты подобные сдвиги могут заканчиваться по-разному. Так, в истории Марса существовали эпохи, когда его поверхность не была безводной, к которой ее подвели внешние факторы, вызвавшие потерю планетарного магнитного поля и атмосферы.

Имеющая биосферу Земля в большей степени зависима от внешних условий. Пики солнечной радиации, падение астероидов, потеря магнитного поля негативно скажутся на состоянии биосферы. Чтобы избежать катастроф, человечество должно обладать технологией защиты, основанной на системе глобального управления, включающей земные и космические средства базирования. Для глобального управления необходимо

контролировать и геопланетные структуры, и те, что Земля имеет в качестве подсистемы более широкой – Солнечной системы. Поэтому долгосрочная стратегия землян должна строиться в направлении выхода на уровень управления сначала геолунной сферой, затем сферой, ограниченной поясом астероидов, а в перспективе – периферийным поясом Уиппла-Койпера.

Реализация такой стратегии невозможна без глубокого освоения космоса, основные цели которого можно свести к следующему: 1) добыча внеземных ресурсов; 2) экологически безопасное для биосферы Земли развертывание экзоиндустрии; 3) переселение людей на внеземные территории; 4) создание геокосмической системы безопасности для защиты от угроз из космоса [8]. Эти цели могут быть включены в общую программу управления социобиосферой, расширяющейся в космос: в конечном счете, управление есть стратегическая функция высокоразвитого социума в его отношении к природе.

В процессе индустриализации космоса человечеству предстоит научиться создавать жизнеспособные экосистемы, кардинально отличающиеся от земных. Определенный опыт за время предыдущего освоения космоса уже накоплен: в области космической медицины и биологии получены знания об условиях жизнедеятельности человека, животных и растений во время полетов ракетно-космических систем (в первую очередь орбитальных станций), а также во время пребывания астронавтов на поверхности Луны. Специфику этих условий определяет целый ряд факторов: перегрузка, невесомость, уменьшенное тяготение, жесткое космическое излучение, низкая температура открытого космоса, пространственная замкнутость, техногенная энергетическая подпитка и биохимическая регуляция искусственных экосистем.

В пределах Земли ЭК сопряжено с неизбежностью разрушения уже сложившихся биосферных структур, что и предвещало феномен экологических проблем. Известные нам внеземные объекты имеют иную природу: главное отличие – в отсутствии в их структуре живой материи. Попытки обнаружить в пределах Солнечной системы неоспоримые следы органической активности пока не дали искомого результата. На это нацелена совместная программа Роскосмоса и Европейского космического агентства по исследованию Марса на пригодность марсианских условий для живых организмов [9]. Исследование даст также материал, который поможет разработать теоретически разрешенный проект по терраформированию: изменению климатических параметров Марса до условий, пригодных для развития флоры и фауны.

Лишенные биоценозов структуры космоса позволяют преобразования, которые существенно не повлияют на энергетический и физико-химический кругооборот Солнечной системы, поскольку ее природа обладает огромной мощностью рассеяния экологических сдвигов. Некоторые ученые называют внеземные пространства и объекты «дикой природой космоса» [10]. Насколько удачной окажется эта терминологическая связка и войдет ли она не только в научные, но и законодательные тексты, покажет будущее. В ряде стран (например, США) термин «дикая природа» применяется в законодательстве, и существуют законы, ограничивающие антропогенное воздействие на участки, не затронутые деятельностью человека [11]. По понятным причинам к «дикой природе» уже нельзя отнести околоземное космическое пространство.

Биоценозы в космосе могут встраиваться в структуры неживой материи по инвариантам биогеоценозов, и разрушение природных связей на начальном этапе обживания планет не обернется острой проблемой. Как не вызывали заметных изменений в биосфере Земли первые «пробы» создания древним человеком сред жизнеобеспечения, так не вызовут ощутимых изменений в экоструктуре Солнечной системы миниатюрные продукты ЭК (например, в виде «Астрополисов» или локализованных в зоне планеты космических станций, стартовых площадок и «Теплиц-биосфер»). А вот полномасштабное терраформирование планет приведет к ощутимой перестройке экосистем.

Создание новых экосистем в процессе освоения космоса будет играть роль технологии, сопровождающей развитие экзоиндустрии. Первоначально искусственные экосистемы смогут функционировать только при поддержке человека и инженерно-технических механизмов. Когда среды обитания с разросшимися биоценозами обретут подобие саморегулирующихся экосистем, антропогенный фактор может ослабить свое регулирующее действие.

Не только на Земле, но и в космосе ЭК-проекты должны осуществляться в соответствии с законами экологии. По мере усиления экзоиндустриальной деятельности ее результаты могут сказаться на общем состоянии экоструктур Солнечной системы, что неизбежно выдвинет задачу оптимизации взаимодействия общества и природы в ее новом, космическом варианте. В ходе освоения ближнего и среднего космоса, включая Луну, Марс, астероиды и другие индустриально-приемлемые объекты, постепенно будет накапливаться материал для новых научных изысканий в области внеземной экологии, что станет основой для разработки проектов дальнейшего обживания космоса в соответствии с требованиями экологической безопасности космической деятельности. Возможно, именно тогда станет актуальной в правовом аспекте проблема «дикой природы космоса».

Вместо заключения. Для реализации глобальных проектов требуются соответствующие социально-политические и экономические условия. В XXI веке идеальной моделью, способной обеспечить эти условия, может стать «мировое партнерство». Концептуальные контуры такого миропорядка обозначили лидеры России и Китая на ПМЭФ-2019: равноправие наций, взаимовыгодное сотрудничество, «справедливая» глобализация и устойчивое международное право, отказ от идеологии превосходства и исключительности, от военно-политических блоков, деления на «своих» и «чужих», от политики протекционизма и санкций [12]. В конечном варианте, при определении модели устойчивого развития – на основе концепций ноосферы, информационного общества, мирового партнерства – ключевая роль должна отводиться стратегии управления глобально-космической социобиосферой.

1. Фаддеев Е.Т. Проблема экологического производства // В кн.: Философские проблемы глобальной экологии. – М.: Наука, 1983.
2. Урсул А.Д., Дронов А.И. Космонавтика и социальная деятельность. – Кишинев: Штиинца, 1985; Школенко Ю.А. Эта хрупкая планета. – М.: Мысль, 1988.
3. Воробьев Д.В. Когда государство спорит с собой: Дебаты о проекте «поворота рек» // Неприкосновенный Запас, 2006, № 2.
4. Циолковский К.Э. Будущее Земли и человечества. – Калуга, 1928; Он же. Технический прогресс Земли // Архив АН СССР, ф. 555, оп. 1, д. 487; Он же. Новая этика // В кн.: Суд космоса. – Москва, 1993. – С. 13-14.
5. Циолковский К.Э. Мои идеи монизма в 1924 году // В кн.: Суд космоса. – Москва, 1993. – С. 4.
6. Глобальное потепление: факты, гипотезы, комментарии. URL: <http://www.priroda.ru/item/389> (обращение – 08.11.2019).
7. Дронов А.И. Освоение космоса в процессах глобализации // В кн.: Основные проблемы глобального мира. – Калуга: КЦДО, 2009.
8. Дронов А.И. Освоение космоса: стратегические цели и оценка возможностей их реализации // Вестник Калужского университета. Научный журнал. – № 3 (2017). – С. 66-75.
9. Миссия «ЭкзоМарс» 2020. URL: <https://marsplaneta.ru/missiya-ekzomars-2020-marsohod-franklin> (обращение – 09.11.2019).
10. Борейко В.Е. Современная идея дикой природы. – Киев: КЭКЦ, 2003. – С. 74; Кричевский С.В. Аэрокосмическая деятельность: междисциплинарный анализ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 250.
11. Закон США о дикой природе. URL: old.ihst.ru/~biosphere/Mag_4 /LOO_USA.htm (обращение – 09.11.2019).
12. Итоги ПМЭФ-2019: что решили на «русском Давосе». URL: <https://www.pravda.ru/news/politics/1420353-pmef> (обращение – 18.06.2019).

Зайцев Д.Ф., Алексеева В.Ю.**Практика и теория - формы деятельного отношения человека к миру***РГПУ им. А.И. Герцена
(Россия, Санкт-Петербург)**doi: 10.18411/gdsn-25-12-2019-38**idsp: scienceconf-25-12-2019-38***Аннотация**

В статье охарактеризованы теория практика как форма человеческой деятельности её материально-объективный и идеально-субъективный аспекты. Показан генезис практики и теории в качестве модификаций соответствующих атрибутов материи-движения и отражения.

Ключевые слова: Практика, теория, материя, отражение, атрибут, деятельность, субъект.

Abstract

The article describes the theory and practice as forms of human creativity, its material-objective and ideal-subjective aspects. The Genesis of practice and theory as modifications of the corresponding attributes of matter-motion and reflection-is shown.

Key words: Practice, theory, matter, reflection, attribute, creativity, subject, object.

Основной темой философии в качестве исторически появившегося мировоззрения и жизнепонимания выступает проблематика соотношения и взаимоотношения человека и мира. Если в отношении мира к человеку, т.е. космического целого к своей части в виде рода разумных существ, человек является подверженной воздействию, производного зависимой стороной, то в своём соотношении к миру, доступной его части, человек становится самостоятельной, активно изменяющей его в собственных потребностях и целях силой. Такое отношение к внешнему миру, которое устанавливается вследствие индивидуальных и совместных действий людей называется деятельным (деятельностным). Иными словами, это деятельность как способ человеческого существования в бытии природно-материального мира [6, с. 45].

Деятельность совершается в двух взаимосвязанных формах: практики и теории. Практика - слово, означающее понятие греческого происхождения с исходным смыслом «действие», «дело». В современной философской трактовке практика - это форма материально опредмечивающей совместной деятельности людей по освоению, использованию, преобразованию природных явлений и социальных отношений как условий, предпосылок, источников производства средств и способов воспроизводства собственной жизни в связи с получением и применением для этого знаний о мире и о себе. Качественная определённость практики как формы человеческой деятельности раскрывается в единстве и противоположности с теорией, представляющий собой другую равноценную форму деятельного отношения человека к миру. «Теория» является словом, понятием также греческим с исходным значением «рассмотрение», «исследование». Современное философское понимание состоит в том, что теория - это форма идеально-духовной познавательной-мыслительной деятельности людей по открытию, общению и применению знаний о явлениях природы и социальных отношениях, собственного существования путем отражения в целях производства средств и способов воспроизводства своей жизни [1, с. 19].

Источник определяемой предложенным образом теории коренится в практике: в каждом акте полагания субъектом (самосознающим действующим лицом) цели как идеально (воображаемо, мысленно) предвосхищаемого, но еще предметно не

воплощенного результата. В свою очередь, теория как совокупное упорядоченное знание (истинные и полезные сведения, ценностные представления о должном совершенном о нормах и идеалах) становится всякий раз условием практики как целенаправленно сознательно осуществляемого производства людьми из явлений природной и социальной действительности средств, предметов воспроизводства собственной жизни.

Такова в общих чертах взаимосвязь практики и теории, составляющих в своем единстве и различии совокупную человеческую деятельность. Поскольку понятие «практики» и «теории» определены посредством понятия «деятельность» для более четкого их понимания требуется уточнить само понятие «деятельность». Сделать это можно двояким образом: во-первых, раскрыть содержание любой деятельности с точки зрения присущей ей структуры; во-вторых, подвести понятие «деятельность» под более общие, широкие по смыслу понятия и категории. Деятельность с точки зрения структуры ее содержания есть всегда единство и различие следующих элементов: 1. Субъект – тот, кто совершает действия; 2. Цель – идеально (воображаемо, мысленно) предполагаемый результат; 3. Объект – то, на что направлена деятельность, что является предметом воздействия или исследования; 4. Акты деятельности – отдельные действия, из которых деятельность складывается; 5. Средства деятельности – собственные и внешние силы, с помощью которых субъект совершает акты деятельности; 6. Способ (метод деятельности) – последовательность и сочетание актов и средств деятельности; 7. Результат – полученный итог деятельности, совпадающий, либо не совпадающий с целью как замыслом.

Наиболее общими понятиями для определения понятия «деятельность» со стороны ее формы как практики служат философские категории «движение» и «материя», а с точки зрения такой ее формы как «теория» - не менее общие концепты «отражение» и «сознание». Движение есть способ бытия материи как объективной реальности, необходимости (вещественно-энергетической действительности), предметно-чувственно данной человеку в ощущениях и восприятиях, но существующей независимо от воли, чувств и деятельности отдельного человека и рода «Человек» [7, с. 118]. Если движение, как уже отмечено, - способ существования материи вообще, то с учетом различия неорганической (механико-физической и химической) и органической (биологической) форм материи, специфику живой материи следует обозначить понятием «активности». Термин «активность» нередко употребляют в широком смысле внутренне обусловленное проявление силы, действительности какой-либо вещи или процесса в отношении других, испытывающих влияние, воздействие. Например, активность солнца или электрона, химическая активность, гражданская или творческая активность человека, групп людей. Применительно к характеристике живой материи под активностью понимается свойственное организмам самодвижение (воспроизводство себя и размножение) в процессе внутреннего и внешнего обмена веществом, энергией, информацией со средой обитания в связи с ее изменением и приспособлением к ней. Так как живая материя делится на растительное и животное царств, а более сложный вид активности животных обычно определяется термином «поведение». Это понятие также как и понятие «активность» широко применяется для характеристики различных явлений действительности в плане их способности сохранять и изменять способы и состояния своего существования во взаимодействии с окружающей средой. Например, возможно характеризовать поведение микрочастиц в зависимости от волнового или корпускулярного, виртуального или реального способов и состояний их существования. В некоторых случаях термином «поведение» обозначают совокупность поступков человека, группы людей, представляющих собой реализацию определенных ценностных установок, например, ценностной ориентации на идеал справедливости. Однако, чаще всего под поведением понимают упорядоченную совокупность действий любого животного (особи)

согласно инстинктам самосохранения и размножения, другим безусловным рефлексам, внутренне присущим особи данного вида как способы и состояния активности. Примеры такого поведения: поиск пищи, «плетение паутины», «строительство гнезд», «брачные ритуалы», «родительское вскармливание» и т.д. [5, с.111-113].

Поскольку у ряда видов, особенно у млекопитающих, наряду с генетически наследуемыми рефлексамися появляются и умножаются условные, приобретаемые в процессе жизненного опыта, такое более сложное поведение целесообразно назвать «жизнедеятельностью». Понятие «жизнедеятельности» подобно понятиям «активности» и «поведения» употребляется неоднозначно. В широком смысле под жизнедеятельностью понимается существование любых организмов, характеризующееся сменой и повторением состояний с ростом и понижением степени их целостности путем поддержания подвижного равновесия во внутриорганизменной среде в связи с внешней окружающей средой. В этом смысле жизнедеятельность присуща организму гриба и растения, животного и человека. Применительно же к характеристике сложного, преимущественно условно-рефлекторного поведения термином «жизнедеятельность» подчеркивается наличие в таком поведении именно условно-рефлекторных проявлений, которые по форме и содержанию составляют непосредственные предпосылки возникновения собственно человеческой деятельности в виде практики, в единстве и различии с теорией [2, с. 362].

К предпосылочным относятся, в частности, ориентационно-исследовательская, инструментальная, имитационная (подражательная) разновидности жизнедеятельности. В основе первой из них лежит рефлекс «настороженности» и «любопытства» по принципу: «Что такое?». У высокоразвитых животных согласно ему имеет место «обследование» находимых объектов, не только на предмет пользы – вреда, но и для общей ориентации поиска новизны, и включает также «экспериментирование» - разделение, совмещение, перемещение этих объектов. Кроме того, приматы благодаря передним конечностям получают возможность «манипулировать» окружающими объектами, применяя их иногда по обстоятельствам в качестве средств, «орудий» обороны и нападения, а также, что важнее, воздействия на другие объекты для изменения этих объектов и овладения ими в качестве предметов потребления. Орудийные действия последнего рода и составляют важнейшую предпосылку возникновения человеческой деятельности с ее практической стороны, именно как материально-производственной практики и труда как такового.

Однако человеческая материально-производственная деятельность отличается рядом моментов. Во-первых, это не столько использование готовых, естественно-образовавшихся объектов в качестве орудий, сколько изготовление орудий орудиями. Во-вторых, такая деятельность осуществляется не от случая к случаю, а упреждающе систематически. В-третьих, изготовление орудия орудием обычно предшествует применению орудия для получения предмета потребления. Наконец, орудия разделяются на орудия для изготовления орудий и выделки предметов потребления.

Инструментальная и имитационная разновидности жизнедеятельности вместе с ориентационно-исследовательской, включая орудийную, являются предпосылками возникновения не только практической, но и теоретической деятельности человека. Поэтому их значение для становления человеческой деятельности в целом следует показать с учетом единства и различия практики и теории. А для этого, в свою очередь следует провести категориально-терминологический анализ понятия «теория» аналогично уже сделанному анализу понятия «практика».

С теоретической стороны деятельность в качестве определяемого понятия требуется соотнести, как отмечалось, с такими философскими категориями как «отражение» и «сознание» [6, с. 97].

Отражение является атрибутом материи, всеобщим свойством материальных объектов и представляет собой изменения объекта в процессе и результате взаимодействия с другим объектом и под его воздействием запечатлевающее особенности свойств, состояний структуры этого воздействующего объекта в воспринимающем объекте.

В этом определении важно выделить два момента: во-первых, отражение – это всегда направленное взаимодействие, именно воздействие одного объекта на другой; во-вторых, изменения, возникающие в воспринимающем объекте, так или иначе соответствуют специфике воздействующего и удерживают эту специфику без потери воспринимающим объектом собственной самотождественности. Примерами в данном случае могут служить следы на снегу, отсвет, тень, зеркальное и фото отображения. Основываясь на предложенном выше определении категории «отражение» и приведённых примерах, можно сделать вывод, отражение в такой всеобщей, простой форме характерно для уровней неорганической материи.

Органической материи присуща более сложная форма отражения, для определения которой необходимо дополнить характеристику категории «отражение» в ещё одном смысле. Так в частности следует учитывать и различать изменения воспринимающего объекта не только в ответ на абсолютную величину вещественно-энергетических воздействий, но и относительную их величину с учётом их пространственно-временной упорядоченности. При этом также имеется в виду, что между объектами в данном случае устанавливаются отношения не столько обмена веществом и энергией, сколько информацией. Информация до определенной степени тождественно отражению как свойство материальных объектов порождать, передавать, сохранять многообразие своих состояний, которые в процессе отражения могут быть перенесены с одного объекта на другой и запечатлены в его структуре. В понятии информации акцентируется качественная сторона процессов отражения, поскольку информация связывается с мерами изменения и сохранения упорядоченности, организованности структурности самих объектов в их направленном взаимодействии между собой [7, с.17].

С учётом понимания отражения в связи с информацией как раз и представляется возможным различать формы отражения неорганической и органической материи. Так, неорганической материи присущи формы отражения, в которых перенос информации «вплетен» в абсолютный по величине обмен веществом и энергией, выступает подчинённым и включённым моментом, неотъемлемым всякий раз от полного объема состоявшегося вещественно-энергетического обмена и, в нём же, взятом в целом, проявляющимся. Информационный аспект и соответствующие формы отражения неорганической материи наблюдаются в различных физических и химических процессах возникновения упорядоченных образований из хаотической среды. Примером могут служить возникновение ансамблей из микрочастиц в электромагнитном поле, из молекул в растворах; кристаллизация в аморфных жидкостях и твёрдых телах.

Формы отражения органической материи отличаются тем, что позволяют до определенной степени разделять вещественно-энергетический обмен в абсолютном выражении и перенос информации, требующий относительно меньших вещественно-энергетических затрат. Такая возможность обусловлена качественным своеобразием «живого вещества», прежде всего, наличием у входящих в него организмов клеточно-тканевого субстрата (состава), а, затем, появлением системы органов. Это дает организмам способность получать более полную информацию в виде сигналов, сигнальной формы отражения явлений окружающей среды. Сигнал - это объект материальный проводник переносчик информации [4, с.172].

Сигнальная форма отражения начинается с раздражимости. Так, низшие растения, например, водоросли обладают способностью к движению по направлению к свету (как

сигналу). Одноклеточные животные обладают способностью реагировать на раздражитель положительно (движением к нему) и отрицательно (от него). Кроме того, для них сигналом раздражителем выступает не только свет химические вещества и температура окружающих явлений. Сигнальное отражение высших растений исследовано недостаточно, но уже известное дает основу полагать, что оно не выходит за рамки раздражимости. Среди причин этого обычно отмечают прикрепленный способ существования и отсутствие тканей, обеспечивающих прогресс сигнального отражения, то есть как раз всего того, что есть в организмах животных и человека. Речь идет о нервной ткани, образующей нервную систему и органы чувств с ней связанных, а также мышечной ткани в связи с опорно-двигательной системой.

Нервная ткань обладает способностью отражения в форме возбудимости. Суть возбудимости в том, что нервные клетки-рецепторы могут воспринимать в составе органов чувств внешние раздражители - световые, звуковые, другие сигналы и преобразовывать их в электро-сигналы. В ходе эволюции животных образуется нервная система периферийной подсистемой и центральной подсистемой в виде головного мозга. Поступающие в мозг от нервных клеток – рецепторов, органов чувств и других органов электро-сигналы преобразуются в нейродинамические сигналы и обратно, а затем в виде команд посылаются разным органам, чем обеспечивается жизнедеятельность организма животного и его поведения. Этот механизм работы головного мозга и нервной системы у всех животных един. Но в зависимости от размера и строения мозга отражение в форме возбудимости может быть ограниченным безусловно рефлекторным поведением либо осуществляться в связи с условно-рефлекторной жизнедеятельностью, становящийся отражением в форме психики.

Превращение возбудимости в психику стало возможным прежде всего вследствие появления особого безусловного рефлекса ориентационно- исследовательского. Он возникает на основе развития мозга (образования коры полушарий в передней его части), органов чувств с дистантным восприятием световых и звуковых сигналов, а также развитие органов движения конечностей. Рефлекс настороженности и «любопытства» по принципу «Что такое?» развертывается у млекопитающих животных в условно-рефлекторное, ориентационно-исследовательское поведение как отчасти уже познавательную деятельность. Для такого животного становится сигнально-значимыми не только объекты, наследственно, врожденно полезные – вредные для обмена веществом и энергией ради самосохранения, но относительно «нейтрально» воздействующее, однако «полезные» для ориентации в среде обитания. При этом животное движимо, например, не инстинктивным чувством голода в поиске пищи, а информационным «голодом» в стремлении встретить и «узнать» неожиданное незнакомое. Очевидно, что это «бескорыстное» поведение также осуществляется, в конечном счете, для самосохранения и размножения, являя качественно новый уровень, отражающийся в процессе жизнедеятельности, т.е. психику [5, с.204].

Инструментальный и имитационный, подражательный рефлексы также развертываются в соответствующие условно-рефлекторные виды жизнедеятельности как предпосылки человеческой деятельности. Термин «инструментальный» нельзя понимать буквально. В широком смысле сюда можно отнести любые действия или «недействия» животного для получения не прямого, а опосредованного результата. Так, поза «затаивания» кошки у мышиной норы – пример инструментального «недействия». Использование движений действий («поз», «жестов», «мимики», «звуковыражений») как инструментальных актов открыло перспективу установления контактов между животными, что особенно очевидно у приматов. Система этих контактов служит предпосылкой речевого общения между людьми в связи с наличием подражательного рефлекса. Благодаря подражанию инструментальные акты приобретают дву- или

многосторонность, становясь актами коммуникации, общения. Наиболее важной сферой общения животных на основе подражания выступает научение молодняка. У приматов научение показом «делай как я» включает и научение орудийным действиям. Здесь налицо внегенетический способ передачи информации от поколения к поколению с учетом прижизненного индивидуального опыта, т.к. «сигнальная преемственность». Поэтому у высших млекопитающих (приматов) даже базовые формы поведения (половое, родительское, агрессивное) строятся на синтезе безусловных и условных рефлексов.

Усиление условно-рефлекторного начала проявляется в чувстве «сопереживания», эмоциональном обмене посредством вокализации, звукового обнаружения эмоций (переживаний) животных в семейных и стадных группах. Такие звуковые манифестации составляют эмоционально-экспрессивный язык дистантного общения, придавая группам животных характер сообществ. Во многом благодаря этому такие сообщества внутренне разделяются в ходе соперничества особей с выделением лидера, приближенных к нему индивидом и, вместе с тем, объединяются в ходе «сотрудничества», например, при охоте волчьей стаи или при вскармливании и охране молодняка в стаде травоядных. Так, появляются «зоосоциальные» отношения жизнедеятельности, взаимосвязанные с психическим отражением. Вместе с тем, совершенствуется мозг млекопитающих, его лобные доли и кора больших полушарий, благодаря чему появляется «психо-нервная память» и способность воспроизведения ранее запечатленных образов и «конструирование» будущих. Например, животное испытывая голод, вспоминает съеденные когда-то съеденные когда-то плоды, деревья, на которых они растут, проецируя образы-воспоминания из прошлого, чрез настоящее в будущее. Образно-воображаемое «проигрывание

Бывших и будущих ситуаций позволяет складывать и раскладывать запечатлевшие их образы по сходству и различию. Это свидетельствует об операциональном интеллекте животных – предпосылки качественно отличной, собственно человеческой деятельности в единстве познания и мышления, то есть в форме сознания [6, с. 124].

Сознание как высшая форма отражения есть свойство сложно-организованной материи (мозга человека) идеально воспринимать и запечатлевать явления объективной реальности в виде знания посредством целеполагания в орудийной деятельности, речевом общении, упорядочивании отношений людей по поводу и в ходе производства средств жизни для воспроизводства собственной жизни. Главное в приведенном определении положение об идеальности сознания, его характеристика как идеального отражения качественно несводимого к во многом общему у человека и животного психическому отражению. Идеальное отражение появляется в орудийной деятельности людей как их способность целеполагания, когда цель (образ) необходимого предмета потребления опосредуется целью (образом) средства (орудия) его получения, которое еще предстоит изготовить с помощью другого орудия и т.д., например, человек изготавливает копье или лук и стрелы ранее сделанными режущими инструментами (хотя бы каменными или костяными), «целеполагая» их применение и для разных вариантов охоты и на случай обороны от различных хищников. Многоходовость и разветвленность орудийного целеполагания закрепляется в качестве идеального отражения по мере формирования по мере формирования речевого общения людей – особой сигнальной системы, где сигналом становится слово. Как комплекс звуков последнее выступает знаком – предметом (звуковым), замещающим другой предмет, действие, процесс, информацию о котором несет и передает от человека к человеку, становясь понятием, имеющим соответствующий смысл. Поскольку различные слова – понятия могут обозначать не один, а неограниченное множество предметов, действий, процессов, отношений, постольку система слов – понятий (язык) также количественно неограниченно и может

вмещать сколь угодно много смыслов и значений, в качестве человеческого сознания [3, с. 281].

В итоге следует сделать вывод, что сознание человека в единстве познания и мышления есть высшая форма отражения, образующая идеально-субъективный аспект человеческой деятельности в качестве теории. Тогда как материально-объективный аспект человеческой деятельности в качестве практики представляет собой высшую форму движения материи как объективной реальности.

1. Азимов А. Слова в науке. История происхождения научных терминов. – М.: Центрполиграф, 2006. – 363 с.
 2. Алексеев В.П. Становление человечества. - М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
 3. Алексеев П.В. Панин А.В. Теория познания и диалектика - М.: Высшая школа, 1991. - 382 с.
 4. Ильин В.В. Теория познания: Введение. Общие проблемы. - М. : Изд-во МГУ, 1993. - 163 с.
 5. Курганов Н.А. Поведение: эволюционный подход. - СПб: СпецЛит, 2012. - 231 с.
 6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность - М., 1975
 7. Стрельченко В.И. Основы истории и философии науки. - СПб: Астерион, 2018. – 488 с.
-

Scientific publication

Global science. Development and novelty

The collection of scientific papers of the materials X International scientific conference "Global science. Development and novelty"
25.12.2019

Part 2

SPLN 001-000001-0563-GS

Signed print 09.01.2020. Circulation 400 copies.

Format.60x84 1/16.

Paper, offset. Printing operative.

Printed by SIC "LJournal"

Editor Chief: Ivanov Vladislav